

**ДОНИШГОҶИ МИЛЛИИ ТОҶИКИСТОН
ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛТЕТИ ҲУҚУҚШИНОСӢ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**ҲАЁТИ ҲУҚУҚӢ
ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ**

Апрел – июн 2026, № 2 (54)

Апрель – июнь 2026, № 2 (54)

Маҷаллаи илмӣ – иттилоотии «Ҳаёти ҳуқуқӣ» («Правовая жизнь») соли 2013 таъсис додашуда, дар Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон (шаҳодатномаи №312/МЧ – 97 аз 27 – уми ноябри соли 2023) ва Маркази байналмилалии ISSN (ISSN 2307 – 5198) ба қайд гирифта шудааст.

Маҷалла ба Шохиси илмӣ тақризшавандаи Россия аъзо буда, ба Феҳристи маҷаллаҳои илмӣ тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии назди Вазорати илм ва таҳсилоти олии Россия ва ба Феҳристи маҷаллаҳои тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ворид карда шудааст.

Научно – информационный журнал «Правовая жизнь» (Ҳаёти ҳуқуқӣ) со-здан в 2013 г. и перерегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан (свидетельство №312/МЧ – 97 от 27.11.2023г.) и Международным центром ISSN (ISSN 2307 – 5198).

Журнал аккредитован в Российском индексе научного цитирования, включен в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей ате –стационарной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ и Перечень рецен-зируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Президенте Республики Таджикистан.

Муассис: Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, факултети ҳуқуқшиносӣ
Учредитель: Таджикский национальный университет, юридический факультет
Сармуҳаррир: Ш. К. Гаюрзода — доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор
Главный редактор: Ш. К. Гаюрзода — доктор юридических наук, профессор

Ҳайати таҳририя:

Маҳмудзода М.А. — академики АМИТ, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор;

Насриддинзода Э.С. — узви вобастаи АМИТ, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор;

Иброҳимов С. И. — доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор;

Гадоев Б. С. — доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор;

Ғафурзода А. Д. — доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор;

Диноршоҳ А.М. — котиби масъул, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор;

Малко А. В. — доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор (Россия);

Муртазозода Ҷ.С. — доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор;

Шарофзода Р.Ш. — доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор;

Мачидзода Ҷ. З. — муовини сармуҳаррир, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор;

Мирзамонзода Х. М. — доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор.

Редакционная коллегия:

Маҳмудзода М.А. — академик НАНТ, доктор юридический наук, профессор;

Насриддинзода Э. С. — член-корреспондент НАНТ, доктор юридический наук, профессор;

Иброҳимов С. И. — доктор юридический наук, профессор;

Гадоев Б. С. — доктор юридический наук, профессор;

Ғафурзода А. Д. — доктор юридический наук, профессор;

Диноршоҳ А.М. — ответственный секретарь, доктор юридический наук, профессор;

Малько А.В. — доктор юридический наук, профессор (Россия);

Муртазозода Дж.С. — доктор юридический наук, профессор;

Шарофзода Р.Ш. — доктор юридический наук, профессор;

Маджидзода Дж. З. — зам. главного редактора, доктор юридический наук, профессор;

Мирзамонзода Х. М. — доктор юридический наук, профессор.

Шохиси обунавии маҷалла: **77735**

Подписной индекс журнала: **77735**

Маҷалла дар се моҳ як маротиба бо забонҳои тоҷикӣ ва русӣ чоп мегардад
Журнал выходит один раз в три месяца на русском и таджикском языках

Нишони маҷалла: 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ,
17

Адрес редакции: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки,
17

Телефон ва дигар воситаҳои алоқа: (+992 37) 2 21 77 11, www.law.tnu.tj,
www.pravovayazhizn.tj

Телефоны и иные средства связи: (+992 37) 2 21 77 11, www.law.tnu.tj,
www.pravovayazhizn.tj

©Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, 2026 © Ҳайати муаллифон, 2026
©Таджикский национальный университет, 2026 © Коллектив авторов, 2026

МУНДАРИЧА – СОДЕРЖАНИЕ

I. ИЛМҲОИ НАЗАРИЯӢ – ТАЪРИХИИ ҲУҚУҚӢ (ИХТИСОС: 5. 1. 1)

I. ТЕОРЕТИКО – ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 5. 1. 1)

Бобожонзода И. Х. Роль лидера нации Эмомали Рахмона в укреплении и обеспечении безопасности государственности современного Таджикистана.....	7
Қодирзода Т. Қ. Тарбияи ҳуқуқӣ ҳамчун воситаи баланд бардоштани шуури ҳуқуқӣ.....	20
Сафарализода Д. С. Намудҳои таҳдидҳо ва хатарҳои иттилоотӣ ба ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шахрванд: таҳлили назарияӣ-ҳуқуқӣ.....	27
Қодирқулов Х. Р., Давлатзода А. Б. Оид ба баъзе масъалаҳои таснифоти ҳуқуқҳои шахрвандӣ дар самти имплементатсияи меъёрҳои Паймони байналмилалӣ оид ба ҳуқуқҳои шахрвандӣ ва сиёсӣ дар қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон.....	36
Қаландарова К. А. Мафҳум ва роҳҳои таъмини самаранокии функсияҳои ҳуқуқи Тоҷикистон.....	45

II. ИЛМҲОИ ОММАӢ – ҲУҚУҚӢ (ДАВЛАТӢ – ҲУҚУҚӢ) (ИХТИСОС: 5. 1. 2)

II. ПУБЛИЧНО – ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО – ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 5. 1. 2)

Имомов А., Неъматова М. А. Фаъолияти қонунгузории Маҷлиси Олӣ - даъвати якум	53
Раджабзода М. Н. Правовое регулирование собственности международных организаций.....	60
Имомзода Н. М., Сангинзода Д. Ш. Договорная работа как ядро юридической дипломатии.....	70
Самадзода Б. О., Султонзода М. О. Сущность правовых режимов во внешнеэкономической сфере Республики Таджикистан: теоретическая и практическая имплементация.....	84

Гаюрзода Ш. К., Кодиров Н. А., Одиназода У. С. Некоторые вопросы международного энергетического права.....90

Азизулозода М. Х. Концептуальные особенности правовой категории инвалидности в международном праве и её имплементация в законодательствах государств СНГ.....96

III. ИЛМҲОИ ХУСУСӢ – ҲУҚУҚӢ (МАДАНИӢ) (ИХТИСОС: 5. 1. 3)

III. ЧАСТНО – ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 5. 1. 3)

Муртазозода Дж. С. Роль Конституции и Гражданского кодекса в определении и регулирования объектов гражданских прав.....105

Кодиров Ш. К. Концепция «culpa in contrahendo» в цивилистической доктрине и законодательстве Республики Таджикистан.....112

Давлатмандзода Э. Д. Понятие и основания гражданско-правовой ответственности в сфере торгов.....119

IV. ТАҚРИЗҲОИ ВОРИДШУДА

IV. ПОСТУПИВШИЕ РЕЦЕНЗИИ

Сангинзода Д. Ш. Научный подвиг на переломе эпох: к 35-летию монографии В.А. Ойгензихта (Рецензия на монографию В.А. Ойгензихта «Альтернатива в гражданском праве». - Душанбе: «Ирфон», 1991. – 176 с.).....131

V. ҚОИДАҲО БАРОИ МУАЛЛИФОН

V. ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Ӣ.ИЛМӢОИ НАЗАРИЯВӢ – ТАЪРИХИИ ХУҚУҚӢ (ИХТИСОС: 5. 1. 1)

I. ТЕОРЕТИКО – ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 5. 1. 1)

УДК: 347. (575.3)

РОЛЬ ЛИДЕРА НАЦИИ ЭМОМАЛИ РАХМОНА В УКРЕПЛЕНИИ И ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ТАДЖИКИСТАНА

**По случаю 35-летия государственной
независимости Республики Таджикистан**

Бобожонзода Исрофил Хусейн — Национальная академия наук Таджикистана, Институт государства и права, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права, доктор юридических наук, профессор. E-mail: bobojonov_i@mail.ru

Аннотация: В статье речь идет о роли Президента Республики Таджикистан, Лидера нации Эмомали Рахмона в становление и укрепление современной таджикской государственности. Отмечается, что с момента прихода к власти Эмомали Рахмон посвятил всю свою решимость и волю важнейшим вопросам существования народа и страны – обеспечению мира и стабильности, объединению народа Таджикистана, укреплению национального единства. Его политическая деятельность как главы государства совпала с многовековыми устремлениями нации и вечной социальной миссией таджикского народа. Народ Таджикистана нашел в своем лидере личность, целью которой были, есть и останутся мир и гармония, целостность Таджикистана, процветание и благополучие народа. После избрания на пост Председателя Верховного Совета Таджикистана, Лидер нации Эмомали Рахмон принес присягу и заявил, что принесет мир в страну, спасет народ Таджикистана от трагедии войны и кровопролития и обеспечит единство многонационального народа нашей страны. Сегодняшний Таджикистан, то есть мир, стабильность и национальное единство, являющиеся результатом серьезных и всесторонних усилий Лидера нации Эмомали Рахмона, позволяют нам оценить прошлое, показать пути и уроки таджикского мирного процесса как примера политического процесса, учиться и накапливать опыт.

Ключевые слова: Президент, Лидера нации, Эмомали Рахмон, обеспечению мира и стабильности, объединению народа, укреплению национального единства, политические партии, гражданская война, межтаджикские переговоры, национальное примирение, государственная независимость, суверенитета, заключение соглашения мира, Комиссия национального примирения, беженцы.

**Нақши Пешвои миллат Эмомалӣ Раҳмон дар таҳким ва таъмини амнияти
давлатдории Тоҷикистони навин**

**Ба муносибати 35-солагии Истиқлоли
давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон**

Бобочонзода Исрофил Ҳусейн — Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, Институти давлат ва ҳуқуқ, мудири шуъбаи масоили назариявии давлат ва ҳуқуқи муосир, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор. E-mail: bobojonov_i@mail.ru

Фишурда: Дар ин мақола нақши Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, Пешвои миллат Эмомалӣ Раҳмон дар рушд ва таҳкими давлатдории муосири тоҷик баррасӣ мешавад. Қайд карда мешавад, ки аз замони ба қудрат расиданаш Эмомалӣ Раҳмон тамоми ирода ва мавқеи худро ба муҳимтарин масъалаҳои мардум ва кишвар - таъмини сулҳу субот, муттаҳид кардани мардуми Тоҷикистон ва таҳкими ваҳдати миллий бахшидааст. Фаъолияти сиёсии ӯ ҳамчун роҳбари давлат бо орзуҳои чандинасраи миллат ва рисолати абадии иҷтимоии мардуми тоҷик рост омад. Мардуми Тоҷикистон дар роҳбари худ шахсиятеро пайдо карданд, ки ҳадафаш сулҳу ризоият, якпорчагии Тоҷикистон ва шукуфой ва некӯахлоқии мардум буд, ҳаст ва хоҳад монд. Пас аз интиҳоб шуданаш ба мақоми Раиси Шӯрои Олии Тоҷикистон, Пешвои миллат Эмомалӣ Раҳмон савганд ёд кард ва эълон кард, ки ба кишвар сулҳ меорад, мардуми Тоҷикистонро аз ғоҷиҳои ҷанг ва хунрезӣ наҷот медиҳад ва ягонагии мардуми сермиллати кишвари моро таъмин мекунад. Тоҷикистони имрӯза — сулҳ, субот ва ваҳдати миллий, ки дар натиҷаи талошҳои ҷиддӣ ва ҳамаҷонибаи Пешвои миллат, Эмомалӣ Раҳмон ба вуҷуд омадааст, ба мо имкон медиҳад, ки гузаштаро арзёбӣ кунем, роҳҳо ва дарсҳои раванди сулҳи тоҷиконро ҳамчун намунаи пешрафти сиёсӣ нишон диҳем ва аз он сабақ гирем ва таҷриба ҷамъ кунем.

Калидвожаҳо: Президент, Пешвои миллат, Эмомалӣ Раҳмон, таъмини сулҳ ва субот, муттаҳид кардани мардум, тақвияти ваҳдати миллий, ҳизбҳои сиёсӣ, ҷанги шаҳрвандӣ, музокироти байни тоҷикон, созиши оштии миллий, истиқлоли давлатӣ, соҳибхитиёрӣ, сулҳсозӣ, Комиссияи оштии миллий, гурезагон.

**The role of the leader of the nation, Emomali Rahmon, in strengthening and ensuring the
security of the statehood of modern Tajikistan**

**On the occasion of the 35th anniversary of the state
independence of the Republic of Tajikistan**

Bobozhonzoda Isrofil Khuseyn — National Academy of Sciences of Tajikistan, Institute of State and Law, Head of the Department of Theoretical Problems of Modern State and Law, Doctor of Law, Professor. E-mail: bobojonov_i@mail.ru

The summary: This article examines the role of the President of the Republic of Tajikistan, Leader of the Nation Emomali Rahmon, in the development and

strengthening of modern Tajik statehood. It is noted that since coming to power, Emomali Rahmon has dedicated his entire determination and will to the most important issues of the existence of the people and the country – ensuring peace and stability, unifying the people of Tajikistan, and strengthening national unity. His political activity as head of state coincided with the centuries-old aspirations of the nation and the eternal social mission of the Tajik people. The people of Tajikistan found in their leader a figure whose goal was, is, and will remain peace and harmony, the integrity of Tajikistan, and the prosperity and well-being of the people. After being elected Chairman of the Supreme Council of Tajikistan, Leader of the Nation Emomali Rahmon took the oath of office and declared that he would bring peace to the country, save the people of Tajikistan from the tragedy of war and bloodshed, and ensure the unity of the multiethnic people of our country. Today's Tajikistan—peace, stability, and national unity—resulting from the serious and comprehensive efforts of Leader of the Nation Emomali Rahmon, allows us to evaluate the past, highlight the paths and lessons of the Tajik peace process as an example of political progress, and learn from and accumulate experience.

Keywords: President, Leader of the Nation, Emomali Rahmon, ensuring peace and stability, unifying the people, strengthening national unity, political parties, civil war, inter-Tajik negotiations, national reconciliation, state independence, sovereignty, concluding a peace agreement, national reconciliation commission, refugees.

После распада Советского Союза и обретения государственной независимости в 1991 г., в истории таджикской государственности начался новый период развития. Именно с этого периода в новообразованном таджикском государственном обществе начались процессы демократизации общества, политико-правовых реформ и возрождения новых национальных ценностей. Период обретения государственной независимости в Таджикистане (далее - РТ) совпал с политическими противостояниями, которые впоследствии привели к гражданской войне. Некоторые силы и группы воспользовались этой ситуацией и начали реализовывать планы по узурпации государственной власти в стране. Политическая ситуация стала настолько напряженной, что даже так называемое «правительство национального примирения» не смогло обеспечить руководство государством и обществом. Новообразованное независимое государство оказалось втянуто в гражданскую войну, повлекшую за собой хаос, беззаконие и хаотичную ситуацию.

Опасность ситуации заключалась в том, что силы, стремящиеся захватить политическую власть, говорили демократическими лозунгами, хотя их истинные намерения были далеки от мира и конституционного порядка. Кроме того, народ РТ был разделен на регионы, населенные пункты и этнические группы, каждая из которых ставила свои интересы выше национальных.

Таким образом, РТ был втянут в гражданскую войну, причины которой скрывались в ранних политических проблемах экономического и социального характера, конфликтах между отдельными этническими, религиозными и местными группами, получавшими прямую поддержку из-за рубежа и заинтересованными в реализации своих дальновидных намерений и других политических целей посредством вооруженного насилия.

Причины и ход гражданской войны в РТ оценивались в публикациях политических и общественных деятелей, журналистов и ученых с их собственной точки зрения и политической позиции. В частности, в книгах Б. Каримова [12], С. Кенджаева [13; 14; 15], Н. Дустова [11], А. Сохибназарова [42; 43], Х. Насриддинова [19], М. Амиршо [5], С.А. Нури [20], О. Панфилова [21], Г. Турадзонзоды [44] и других авторов описывается ход этих событий с точки зрения тех, кто непосредственно участвовал в политических конфликтах на той или иной стороне. В этой и других подобных работах представлены противоречивые точки зрения на причины и ход гражданской войны в РТ. В большинстве исследований авторы ограничиваются обвинением друг друга и представителей государственной власти или отдельных политических групп. Основные вопросы и причины начала гражданской войны, а также ее политико-исторический анализ игнорируются.

Процесс достижения национального примирения, укрепления государственной независимости и суверенитета, успешного преодоления гражданской войны и создания максимально стабильных условий для общества стал предметом изучения ученых из различных областей социальных наук и ряда авторов, внесших свой вклад в изучение проблем национального примирения и примирения как опоры демократизации общества. Среди них, на наш взгляд, ценны работы авторов А. Достиева [9; 10], И. Усмонова [45; 46; 47], К. Абдулова [1; 2], В. Бушкова [8], Д. Микульского [8], Р. Масова [17], Е. Белова [7], С. Махониной [18] и др.

Причины возникновения политического сопротивления, паралича государственной власти, краха конституционной системы Таджикистана в полной мере отражены в книгах, докладах, беседах, речах и встречах Лидера нации – Основателя мира и национального Единства, Президента РТ, уважаемого Эмомали Рахмона [22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39]. Главным инициатором реализации концепции национального примирения в РТ стал Лидер нации – Основатель мира и национального единства, Президент РТ, уважаемый Эмомали Рахмон. Он понимал, что без обеспечения мира и безопасности в стране невозможно построить другие структуры. Поэтому, Глава государства посвятил все свои силы достижению мира для граждан страны и обеспечению безопасности государства.

Не случайно многие международные эксперты считают концепцию национального консенсуса и примирения народа РТ одним из уникальных достижений, опыт которого может быть использован при разрешении политических конфликтов в других странах.

После многочисленных вооруженных столкновений и братоубийственной войны, паралича конституционной системы, государственных органов и гражданского общества в целом, в ноябре 1992 г., в городе Худжанд состоялась XVI-я сессия Верховного Совета РТ, открывшая новую страницу в современной истории таджиков. Именно на этой исторической сессии было сформировано новое правительство РТ, а Эмомали Рахмон был избран Главой государства и Председателем Верховного Совета.

С момента прихода к власти Лидер нации Эмомали Рахмон посвятил всю свою решимость и волю важнейшим вопросам существования народа и страны – обеспечению мира и стабильности, объединению народа РТ, укреплению национального единства. Его политическая деятельность как главы государства совпала с многовековыми устремлениями нации и вечной социальной миссией таджикского народа. Народ РТ нашел в своем лидере личность, целью которой были, есть и останутся мир

и гармония, целостность РТ, процветание и благополучие народа. После избрания на пост Председателя Верховного Совета РТ Лидер нации Эмомали Рахмон принес присягу и заявил, что принесет мир в страну, спасет народ РТ от трагедии войны и кровопролития и обеспечит единство многонационального народа нашей страны.

Лидер нации Эмомали Рахмон доказал свою непоколебимость на деле. В целях стабилизации политической ситуации в РТ и восстановления мира и безопасности, XVI-я сессия Верховного Совета РТ обратилась к лидерам вооруженных группировок и искренне заявила: «Дорогие братья! Сейчас судьба нашей любимой Родины – Таджикистана, которая должна существовать как новообразованное, независимое, правовое и демократическое государство, находится в серьезной опасности из-за все более обостряющейся политической и социальной ситуации, глубокого политического и социального кризиса. Уже несколько дней в древнем городе Худжанде представители народа на XVI-й сессии Верховного Совета работают над спасением Таджикистана и прекращением братоубийственной войны в духе мира, гармонии и взаимопонимания. С этой целью и ради единства и солидарности всех народов Республики Таджикистан мы приглашаем вас принять участие в работе сессии Верховного Совета 25 ноября 1992 года в 14:00. Правительство Таджикистана гарантирует вашу безопасность и защиту».

Сегодняшний Таджикистан, то есть мир, стабильность и национальное единство, являющиеся результатом серьезных и всесторонних усилий Лидера нации Эмомали Рахмона, позволяют нам оценить прошлое, показать пути и уроки таджикского мирного процесса как примера политического процесса, учиться и накапливать опыт.

Мирный процесс в РТ внес значительный вклад в укрепление мира в стране и восстановление мира в глобальном масштабе. Необходимость национального примирения возникла лишь с 1993 года, после прекращения боевых действий.

С 5 по 19 апреля 1994 г., в Москве состоялся первый раунд межтаджикских переговоров. Основными вопросами переговоров были прекращение огня, беженцы, мигранты и восстановление конституционного порядка.

С 18 по 28 июня 1994 г., в Тегеране состоялся второй раунд переговоров. Основными вопросами переговоров было временное прекращение огня.

С 20 октября по 1 декабря 1994 г., в Исламабаде состоялся третий раунд переговоров, на котором обсуждался вопрос создания совместной Комиссии по выполнению соглашения о прекращении огня.

Четвертый раунд переговоров прошел в Алматы с 22 мая по 2 июня 1995 г., и касался вопросов, согласованных в повестке дня внутритаджикских переговоров в Москве.

Пятый раунд переговоров состоялся в Ашхабаде с 30 ноября по 23 декабря 1995 г., и был направлен на стабилизацию ситуации в стране, предотвращение жертв и страданий, предотвращение ущерба инфраструктуре и уничтожения материальных ценностей, а также на успешное завершение переговоров и достижение национального мира и примирения в РТ.

Ашхабадские переговоры в основном состояли из трех раундов. Первый раунд длился с 30 ноября по 22 декабря 1995 г., второй - с 26 января по 19 февраля, а третий - с 8 по 21 июля 1996 г.

9 марта 1996 г., около 30 общественных политических организаций подписали Соглашение о консенсусе таджикского общества. Его главной целью было как можно скорее достичь мира между таджиками.

Шестой раунд переговоров состоялся с 4 по 19 января 1997 г., в Тегеране; седьмой — с 26 февраля по 8 марта 1997 г., в Москве; восьмой — с 8 по 18 апреля и с 21 по 29 мая 1997 г., в Тегеране.

24-27 июня 1997 года в Москве состоялся заключительный раунд межтаджикских переговоров, в ходе которого президент Таджикистана Эмомали Рахмон и лидер таджикской оппозиции С.А. Нури подписали Общее соглашение об установлении мира и национального примирения.

Значение подписанных в Москве документов заключалось в том, что они не только продлили прекращение огня на весь период межтаджикских переговоров, но и впервые определили условия и содержание переходного периода от войны к миру и механизм достижения национального примирения в Таджикистане.

В соглашении, принятом 13 декабря 1996 г., по итогам встречи в Москве, стороны выразили свою позицию относительно необходимости проведения всеобщей амнистии и взаимного прощения для лиц, участвовавших в военно-политическом сопротивлении с 1992 г., до принятия акта об амнистии; они также согласовали максимально короткие сроки обмена военнопленными и осужденными лицами. Главы делегаций решили, что с момента подписания Соглашения о прекращении боевых действий и других военных действий на все периоды между переговорами таджиков будет объявлено прекращение огня [40, 74].

Протокол об основных задачах и полномочиях Комиссии по национальному примирению (КНП) гласит: стороны договорились о создании КНП в переходный период. Главной задачей Комиссии является достижение национального примирения путем реализации результатов переговоров, достигнутых в ходе межтаджикских переговоров, создание атмосферы доверия и взаимопонимания, обеспечение переговоров между различными политическими силами страны для установления и укрепления гражданского согласия в РТ.

Было определено, что решения, принятые Президентом и КНП по вопросам национального примирения, являются обязательными для исполнения властями. Деятельность КНП осуществляется в тесном сотрудничестве с миссией наблюдателей ООН и миссией ОБСЕ в Таджикистане. После созыва нового парламента и формирования его руководящих органов деятельность КНП будет прекращена [40, 76].

В соответствии с протоколом, принятым на московской встрече, КНП были также поручены ответственные задачи, такие как, совместно с другими созданными для этой цели органами, создание механизма мониторинга и осуществление контроля за выполнением сторонами соглашений об установлении мира и национального примирения; принятие мер по обеспечению безопасного и достойного возвращения беженцев, их активной интеграции в общественно-политическую и экономическую жизнь страны с целью содействия восстановлению жилищного, промышленного и сельскохозяйственного строительства, разрушенного войной; внесение предложений по внесению изменений в законы о деятельности политических партий, политических движений и средств массовой информации.

Президент и КНП в переходный период должны были осуществлять следующие полномочия и обязанности: вносить поправки и дополнения в действующую Конституцию путем всеобщего голосования; готовить и представлять на утверждение пар-

ламенту новый закон о выборах в парламент и органы местного самоуправления, при необходимости, принимать его путем всеобщего голосования; учреждать Центральную комиссию по выборам и референдуме в переходный период; реформирование правительства – включение представителей оппозиции в структуры исполнительной власти, включая министерства, ведомства, органы местного самоуправления, судебные и правоохранительные органы; обеспечение равного числа представителей партий в КНП с учетом регионального баланса; руководство и контроль за ликвидацией, разоружением и интеграцией вооруженных оппозиционных групп, осуществление мер по реформированию силовых структур и прокуратуры и т.д [40].

В процессе переговоров между делегациями правительства и оппозиции 12 апреля 1997 г., была разработана и утверждена подробная повестка дня переговоров между таджиками о национальном примирении, предложенная делегациями правительства и оппозиции. Эта повестка дня на протяжении всего периода переговоров включала три основные проблемы, которые впоследствии заложили основу для достижения национального примирения. К этим проблемам относятся: меры, направленные на политическое урегулирование ситуации в РТ; решение вопросов, связанных с беженцами и вынужденными мигрантами; основные вопросы конституционного устройства и единства государственности РТ [40].

Первая группа вопросов предусматривала осуществление следующих действий: меры по достижению прекращения огня, прекращению провокационных действий в таджикско-афганской приграничной зоне и предотвращению провокационных действий в отдельных районах РТ, а также запрету наступательных действий вооруженных сил Правительства РТ и вооруженных оппозиционных групп внутри страны. Эти меры также включали вопросы, касающиеся оружия в руках населения и усиления контроля за деятельностью вооруженных сил Правительства и сил безопасности со стороны представительных органов власти. В ходе обсуждения также рассматривались такие вопросы, как роль коллективных миротворческих сил в РТ в осуществлении вышеупомянутых военно-политических мер, а также возможная роль ООН в мониторинге осуществления вышеупомянутых мер.

Наряду с вышеупомянутыми вопросами, также предусматривалось определение основ доверия к политической сфере в отношении уголовных дел, возбужденных в связи с политической оппозицией и гражданской войной, легализации запрещенных партий и движений, прекращения подрывной и террористической деятельности, а также участия средств массовой информации в процессе национального примирения [40].

Вторая часть проблемы: «Решение вопросов, связанных с беженцами и внутренне перемещенными лицами», предусматривала определение численности беженцев и внутренне перемещенных лиц, лиц, мигрировавших по экономическим причинам, и гарантий безопасности для беженцев и внутренне перемещенных лиц при их возвращении в РТ. Кроме того, была определена «возможная роль коллективных миротворческих сил в РТ, Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев и других международных механизмов мониторинга в реализации этого порядка».

В третьей части проблемы: «Основные вопросы конституционного устройства и единства государственности Республики Таджикистан», были определены следующие аспекты: предложение о новой Конституции и пути вовлечения всех слоев таджикского общества в конституционный процесс, новый избирательный закон и участие всех слоев населения республики, политических партий и движений, обществен-

ных объединений в законодательном процессе, организация и проведение свободных и демократических выборов в Таджикистане, предложение о переходном периоде и связанные с ним вопросы, возможная роль ООН и других международных организаций в реализации некоторых из вышеупомянутых вопросов [40].

Еще одним важным документом первого раунда переговоров между таджиками является протокол о создании Совместной комиссии по вопросу беженцев и вынужденных мигрантов РТ. Стороны ратифицировали соглашение от 19 апреля 1994 г., о создании Совместной комиссии по делам беженцев и внутренне перемещенных лиц РТ (далее именуемой «Совместная комиссия»), в состав которой должны были войти представители Правительства РТ, с одной стороны, и представители оппозиции, с другой. Совместная комиссия должна была продолжить работу в рамках переговорного процесса и координировать свою деятельность с Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев, миграционными службами и соответствующими органами стран, принимающих беженцев и внутренне перемещенных лиц РТ. Протокол также предусматривал, что при необходимости Совместная комиссия будет организовывать деятельность рабочих групп с участием специалистов.

Общее соглашение также включало следующие документы: Протокол об основных принципах восстановления мира и национального согласия в РТ от 17 августа 1995 г.; Протокол по политическим вопросам от 19 мая 1997 г., соответствующее соглашение Президента РТ Эмомали Рахмона и Лидера объединённых таджикской оппозиции С.А. Нури, достигнутое во время их встречи в Москве 23 декабря 1996 г.; Протокол «Об основных задачах и полномочиях Комиссии по национальному примирению» от 23 декабря 1996 г.; Постановление КНП от 21 февраля 1997 г.; Дополнительный протокол к Протоколу «Об основных задачах и полномочиях Комиссии по национальному примирению» от 21 февраля 1997 г.; Протокол по военным вопросам от 8 марта 1997 г.; Протокол по вопросам беженцев от 13 января 1997 г.; Протокол о гарантиях выполнения Общего соглашения от 28 мая 1997 г. [6; 7].

Общее соглашение доказало, что таджикский народ - цивилизованная нация и страна, которая, пережив ужасные и трудные дни, стремится к миру и желает мирного и мирного урегулирования нерешенных вопросов во всем мире. С подписанием и исполнением мирного соглашения таджикское государство и нация были спасены от разрушения [38].

КНП - это коллегиальный орган по примирению, созданная из представителей Правительства Таджикистана и Объединенных таджикской оппозиции. Комиссия действовала с 15 сентября 1997 г. по 1 апреля 2000 г. После завершения процесса переговоров между таджиками в 1994-1997 г., в обществе постепенно исчезли чувства недоверия и враждебности, национальные интересы были поставлены выше политических, религиозных, местных и групповых интересов, что способствовало укреплению национального самосознания и единства. Главную роль на заключительном этапе мирного процесса в Таджикистане сыграла Президент Таджикистана Эмомали Рахмон и КНП.

КНП разработала проект Закона РТ «Об амнистии участникам политических и военных конфликтов», который был представлен Президентом РТ в Маджлиси Оли РТ и принят 14 мая 1999 г. Согласно ему, амнистии были подвергнуты все зарегистрированные сторонники таджикской оппозиции, действия которых находились под следствием.

Все вооруженные структуры таджикской оппозиции были возвращены из Афганистана в Таджикистан 23 декабря 1998 г. и 3 августа 1999 г. руководство таджикской оппозиции объявило о роспуске своих вооруженных структур.

К концу 1998 г. все таджикские беженцы из Исламской Республики Афганистан были репатриированы на родину.

КНП (в составе 26 членов, 13 из которых были представителями таджикского правительства и оппозиции) являлась основным органом по реализации документов «Общего соглашения» в переходный период.

В рамках КНП действовали 4 подкомиссии, которые занимались реализацией положений Мирного соглашения: подкомиссия по политическим вопросам; подкомиссия по правовым вопросам; подкомиссия по военным вопросам; подкомиссия по вопросам беженцев.

КНП прекратила свою деятельность 1 апреля 2000 г., после выборов и созыва нового парламента Таджикистана.

После завершения деятельности КНП 33 её представителя были назначены в центральные исполнительные органы по предложению таджикской оппозиции, утвержденному на заседаниях Маджлиси Оли.

В то же время, в соответствии с 30-процентной квотой, представители таджикской оппозиции были назначены на различные руководящие должности в органах местного самоуправления.

Предложение КНП о внесении поправок в Закон РТ «О политических партиях» было принято Маджлиси Оли 13 ноября 1998 г. [41]. Партии договорились внести поправки в Конституцию РТ, которые были рассмотрены на специальном заседании Маджлиси Оли 30 июня 1999 г., и на 26 сентября 1999 г., был назначен референдум, одобренный народом Таджикистана более чем 70 процентами голосов [41].

На заседании Маджлиси Оли РТ 30 июня 1999 г., были утверждены кандидатуры 4 представителей таджикской оппозиции в Центральную комиссию по выборам и референдуме в соответствии с 25-процентной квотой.

Верховный Суд РТ 12 августа 1999 г. принял решение об отмене постановления «О запрете деятельности политических партий и оппозиционных таджикских движений и их средств массовой информации». Политические партии и движения официально начали свою деятельность.

В соответствии с поправками и дополнениями к Конституции РТ, 6 ноября 1999 г., состоялись выборы Президента РТ, 27 февраля 2000 г. - выборы Маджлиси намо-яндагон РТ, а 23 марта 2000 г., выборы Маджлиси милли РТ. Впервые выборы в нижнюю палату Маджлиси Оли РТ были проведены на многопартийной основе.

Основные результаты процесса достижения мира и национального согласия в Таджикистане: внутренний военно-политический конфликт завершился мирным путем в результате длительного противостояния антивоенных политических, религиозных и этнических сил. Это еще раз доказало, что таджикский народ по своей природе миролюбивый; в Таджикистане осуществление мира и социальной стабильности стало основой национального единства, что является одним из главных признаков возрождения таджикской нации; для осуществления мира и национального согласия ключевую роль сыграли внутренние факторы – общее стремление таджиков к миру и добровольное согласие на конфликтующие политические силы в обществе; опыт миростроительства в Таджикистане показал, что для достижения общепринятой цели – национальные ценности – могут подняться выше узких партийных целей; достижение

мира и национальной гармонии в Таджикистане стало основой для укрепления национального самосознания таджиков в их современной истории и привело к развитию независимости РТ; мир в Таджикистане возродил нацию и государственность. Народ Таджикистана нашел основу для мирной работы по построению демократического, суверенного, правового и светского государства.

Благодаря постоянным усилиям и последовательным действиям Лидера нации – Основателя мира и национального Единства, Президента РТ, уважаемого Эмомали Рахмона, идея национального единства стала одним из направлений постоянной политики государства и Правительства Таджикистана. Она создала правовую и политическую основу для дальнейшего развития внутренней и внешней политики новообразованного независимого таджикского государства, выбора правильных направлений дальнейшего развития страны, обеспечения внутренней и внешней безопасности и, в конечном счете, для настоящего и будущего таджикского народа, и нации, общества и государственности.

Идея национального единства, корни которой лежат в мире и спокойствии, вышла за рамки экономики и материального уровня жизни людей и охватила народ шире. Подавление гражданской войны и сохранение целостности страны стали серьезным шагом на пути к национальному единству. Таким образом, Лидер нации – Основатель мира и национального единства, Президент РТ, уважаемый Эмомали Рахмон, по случаю годовщины Шестнадцатой сессии Верховного Совета заявил: «Сегодня, накануне первой годовщины Шестнадцатой сессии Верховного Совета, я могу сказать своему народу, что, хотя жизнь народа не улучшилась, хотя мы сталкиваемся с огромными экономическими проблемами, мы выполнили свой первостепенный долг по прекращению братоубийственных войн, сохранению целостности нашей любимой Родины и обеспечению мира и спокойствия для граждан».

Лидер нации – Основатель мира и национального единства, Президент РТ, уважаемый Эмомали Рахмон, 1 декабря 1999 г., принял Указ «Об укреплении процесса демократизации общественной и политической жизни», благодаря которому в нашей стране была создана благоприятная среда для многопартийного и политического плюрализма. Эта мера стала важным фактором, благодаря которому различные партии и движения объединились и направили свою деятельность на сохранение и укрепление мира, национальной гармонии, развитие демократии, экономическое развитие и преобразования в таджикском обществе. Представители политических партий, общественных объединений, неправительственных организаций и объединение выразили удовлетворение совместным и взаимовыгодным сотрудничеством и прилагают усилия для укрепления этих связей.

Народ Таджикистана приветствует исторический документ «Общее соглашение об установлении мира и национального согласия» как ценный и судьбоносный документ и бережет его как зеницу ока. В связи с этим, Правительство страны объявило 27 июня праздником единства - Днем национального единства, который ежегодно отмечается по всей стране как национальный праздник.

Восстановление конституционной власти и фундаментальные изменения, произошедшие в результате исторической XVI сессии Верховного Совета РТ и подписания Общего соглашения об установлении мира и национального согласия, открыли совершенно новую эру в законодательной системе, правовой политике, а также в положении и статусе Таджикистана, признанного международным сообществом как полноценное государство. Все меры, принятые под руководством Лидера нации –

Основателя мира и национального Единства, Президента РТ, уважаемый Эмомали Рахмона на пути примирения и национального единства, которые были реализованы в направлении реформирования законодательной системы и государственной власти на основе комплексных программ Правительства Таджикистана, были направлены на то, чтобы наша страна вступила на путь современной мировой цивилизации в ее глобальном строительстве. Новая система государственности, разработанная Президентом страны в результате конституционных реформ и законодательной системы, создала реальную среду и основу для свободы человека, и общества. Свобода человека и уважение его прав привели к созданию и совершенствованию соответствующих институтов политической, правовой, социальной и культурной жизни таджикского общества с обретением национальной независимости.

Именно благодаря плодам национального единства и постоянному продвижению объединяющих идей Лидера нации – Основателя мира и национального единства, Президента РТ, уважаемого Эмомали Рахмона, Таджикистан за короткий исторический период добился ценных успехов на международной арене в направлении повышения уровня и качества жизни населения.

Сегодня каждый житель нашей дорогой страны преисполнен приятных впечатлений от подготовительных мероприятий к 35-летию независимости государства и 29-летию Дня национального единства. Следует отметить, что директива Лидера нации – Основателя мира и национального единства, Президента РТ, уважаемого Эмомали Рахмона, о проведении этих праздников, отмечающих высокие политические, экономические, социальные и культурные достижения, по всей республике имеет важное социально-политическое значение. Эта благотворная мера способствует прославлению независимости государства, мира и единства и всестороннему укреплению этих высших благ.

В эти дни подготовки к празднованию 35-летия независимости государства и Дня Национальном единства необходимо и обязательно оглянуться на историю, приключения и судьбу нашего народа, вспомнить его достижения, победы и поражения. Потому что сегодня весь народ страны, особенно молодое поколение сегодня и наше будущее, должны гордиться этим, учиться у него, отдавать дань уважения великому духовному и культурному наследию наших предков и беречь этот бесценный дар – единство, сосуществование и национальный мир – как зеницу ока. Потому что возвышенные идеи государственной независимости, национального единства и возрождения Таджикистана, которые сегодня все больше охватывают наше общество, считаются вечной и общественной мечтой нашего творческого народа. Следует подчеркнуть, что эта миссия не временная, а постоянная. Реализация все большего числа национальных и конструктивных идей будет в равной степени укреплять основы нашей национальной государственности, что приведет к повышению духовной зрелости народа и общества.

Народ Таджикистана высоко оценил великие заслуги Героя Таджикистана, Президента страны Эмомали Рахмона в установлении мира среди таджиков, обеспечении стабильности в обществе, построении демократического, правового, светского и единого государства, проведении крупных экономических и политических реформ, включая обеспечение безопасности Таджикистана, защиту прав и свобод человека и гражданина, обеспечение продовольственной безопасности, вывод Таджикистана из коммуникационного тупика, осуществление индустриализации страны и представле-

ние Таджикистана мировому сообществу как современного демократического государства с гражданским обществом, на уровне конституционного закона.

В соответствии со ст. 2 Конституционного закона РТ, от 14 ноября 2016 г., № 1356 «Об Основателе мира и национального единства – Лидере нации» [16], Основатель мира и национального Единства - Лидер нации является выдающейся исторической личностью нации, избранный Главой государства на шестнадцатой сессии Верховного Совета РТ, внёсший заметный вклад в создание системы государственности суверенного Таджикистана, установление конституционного строя, достижение мира, национального единства и в соответствии с Конституцией 1994 г., избранный всенародным голосованием первым Президентом РТ, внёсшим достойный вклад в построение суверенного, демократического, правового, светского и социального государства, предотвратившим распад нации, исчезновение государства и избавившим народ от гражданской войны, осуществившим великие судьбоносные свершения в политическом, социально-экономическом, культурно-историческом развитии независимого государства Таджикистан.

Основатель мира и национального Единства - Лидер нации является символом долговечности таджикской суверенной государственности, мира и национального единства, гарантом стабильного и устойчивого развития общества Таджикистана.

В качестве Основателя мира и национального единства – Лидера нации признается Президент РТ - Эмомали Рахмон за великие и выдающиеся заслуги перед народом Таджикистана.

Список использованной литература:

1. Абдулов К. Бахти таърихӣ. Эҳдо ба 10 – солагии Истиқлолияти Тоҷикистон. – Душанбе, 2001. – 40 с.
2. Абдулов К. Дар ин дунё.- К.6. Иҷлосияи сарнавиштсоз. -К.6. – Хучанд: Ношир, 2002. – 438 с.
3. Абдулов К. Дар ин дунё. -Қ.5. Давлат ва давлатдорӣ. – Хучанд: Раҳим Чалил, 2000. – 425 с.
4. Абдулов К. Роҳи беҳбуд. – Душанбе, 1995, – 157 с.
5. Амирош М. Раненные страницы. – М., 2001. – 304 с.
6. Белов Е.В. Исторический опыт переговорного процесса по урегулированию межтаджикского конфликта (1993 – 1997 гг.): – Душанбе, 1999. – 434 с.
7. Бушков В.И., Микульский Д.В. Анатомия гражданской войны в Таджикистане. – М., РГНФ 1997. – Изд.2 – е. – 166с.
8. Достиев А. Аз худ натвон гурехтан. /Маҷмуи мақолаҳо, сӯҳбатҳо, баромадҳо ва ёдномаҳо. – Душанбе: Адиб. – 2001.
9. Достиев А. Тоҷикистон – шикастанҳо ва бастанҳо. – Душанбе: Ирфон, 2003.
10. Достиев А. Ситораи голиб. – Душанбе: Матбуот, 2006.
11. Дӯстов Н. Заҳм бар чисми Ватан: хотира ва андешаҳо. – Душанбе: Ирфон, 1994. – 336 с.
12. Каримов Б. Дар гирдоби зиндагӣ. Ёддошт, мақолаҳо, мусоҳибаҳо. – М.: ТОО «Можайск – Терра», 1995. -192 с.
13. Каримов Б. Фарёди солҳо.– М.: Трансдорнаука, 1997. – 1104 с.
14. Кенджаев С. Переворот в Таджикистане.- Кн 3. – Тошканд: «Ўзбекистон», 1995. – 512 с.

15. Кенджаев С. Переворот в Таджикистане. - Кн. 2. – Тошканд: «Ўзбекистон», 1994. – 496 с.
16. Кенчаев С. Табаддулоти Тоҷикистон.- К.1. – Душанбе: Фонди Кенчаев, 1993. – 496 с.
17. Конституционный закон РТ от 14 ноября 2016 г., № 1356 «Об Основателе мира и национального единства – Лидере нации». // Ахбори Маджлиси Оли РТ, 2016. -№11, ст. 872.
18. Масов Р. Евразия – наш общий дом в Содружестве Независимых Государств //Масов Р. Актуальные проблемы историографии и истории таджикского народа (Статьи и выступления). – Душанбе: Пайванд, 2005. – 250 с.
19. Махонина С.В. Военно – патриотическое сотрудничество между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией в 1993 – 1999гг.: исторический опыт и уроки: автореф. дис. канд. пол. наук. – Душанбе, 2001. – 28 с.
20. Насриддинов Х. Таркиш. – Душанбе: Афсона, 1995. – 304 с.
21. Нурӣ С.А. Оштинома. – Душанбе: Нодир, 2001. – 360 с.
22. Панфилов О. Горячие точки Таджикистана: журналисты на гражданской войне (1992 – 1997 гг.). – М.: Права человека, 2003. – 564 с.
23. Раҳмонов Э. Ваҳдат, сулҳ ва бунёдкорӣ мароми мост. – Душанбе: Ирфон, 2000. – 160 с.
24. Раҳмонов Э. Истиқлолият неъматӣ бебаҳост. – Душанбе: Шарқи озод, 2001. – 94с.
25. Раҳмонов Э. Истиқлолияти Тоҷикистон ва эҳёи миллат. - Дар 8.Ҷ. – Душанбе: Ирфон. 2002; 2005; 2006; 2007; 2009.
26. Раҳмонов Э. Роҳи мо ба сӯи ҷомеаи ҳуқуқбунёд./ Паёми президенти ҶТ бо намоёндагони Маҷлиси Олии ҶТ 27 апрели соли 2000. – Душанбе: Ирфон, 2000. – 32 с.
27. Раҳмонов Э. Тоҷикистон: 10 – соли истиқлолият, ваҳдати миллӣ ва бунёдкорӣ.- 3Ҷ. – Душанбе: Ирфон, 2001. – 512 с.
28. Раҳмонов Э. Тоҷикон дар оинаи таърих. Китоби яқум. Аз Ориён то Сомонӣён. – Лондон., 1999. – 240 с.
29. Раҳмонов Э. Главное – верховенство закона. – Душанбе: Ирфон, 1999.
30. Раҳмонов Э. Доклад на семнадцатой сессии Верховного Совета РТ, 25 июня 1993 г. – Душанбе: Ирфон, 1993.
31. Раҳмонов Э. Долгий путь к миру. – Душанбе: Шарқи озод, 1998.
32. Раҳмонов Э. Молодёжь – будущее суверенного Таджикистана. – Душанбе: Ирфон, 1997.
33. Раҳмонов Э. Мы обязаны искоренить преступность. – Душанбе: Авесто, 1999.
34. Раҳмонов Э. Наша цель – единство, согласие, созидание. – Душанбе: Ирфон, 2000.
35. Раҳмонов Э. Таджики в зеркале истории. – Душанбе: Ирфон, 1997.
36. Раҳмонов Э. Таджикистан на пороге будущего. – М., ИТАР – ТАСС, 1997.
37. Раҳмонов Э. Таджикистан: десять лет независимости, национального единства и созидания. - Дар 4 ҷилд. – Душанбе: Ирфон, 2001.
38. Раҳмонов Э. Юбилей независимости и второй всемирный форум таджиков. –Душанбе: Ирфон, 1993.

39. Раҳмонов Э. Бигузур сулҳу ваҳдати миллӣ побарҷо ва ҷовидона бошад. Мурочиатномаи Э. Раҳмонов ба муносибати ба имзо расидани Созишномаи умумии истикрори сулҳ ва оштии миллӣ дар Тоҷикистон, 27 июни соли 1997, дар шаҳри Москва //Ҷумҳурият, 2 июли 1997.

40. Раҳмонов Э. Ман ба Шумо сулҳ меоварам. – Душанбе: Авесто, 1998.

41. Саъдиев Ш. Таджикистан: путь к миру и согласию. — Душанбе, 2002.

42. Соҳибназаров А. Субҳи ситоракуш. - К.1. – Душанбе: Дониш, 1997. – 330 с.

43. Тӯраҷонзода Ҳ. А. Миёни обу оташ тарҳи сулҳ андохтем. – Техрон. 1998. – 65 с.

44. Усмонов И. Лаҳзаҳои сулҳи ботадбир. – Душанбе: Ирфон, 1999.

45. Усмонов И. Соли Набиев. – Душанбе., 1995.

46. Усмонов И. Чор рӯз ва рӯзҳои дигар. – Душанбе: Адиб, 1995.

47. Усмонов И. Сулҳнома. – Душанбе: Матбуот, 2001.

Рецензент статьи Гаюрзода Ш. К. – доктор юридических наук, профессор.

УДК: 342.951

ТАРБИЯИ ҲУҚУҚӢ ҲАМЧУН ВОСИТАИ БАЛАНД БАРДОШТАНИ ШУУРИ ҲУҚУҚӢ

Қодирзода Тохир Қамар - доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент, Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, Институти давлат ва ҳуқуқ, ходими пешбари илмии шуъбаи масоили назариявии давлат ва ҳуқуқи муосир, E-mail: t. kodirzoda@mail.ru

Фишурда. Дар мақола дар бораи тарбияи ҳуқуқӣ ҳамчун воситаи баланд бардоштани шуури ҳуқуқӣ сухан рафта, қайд карда мешавад, ки тарбияи ҳуқуқӣ аз маҷмуи принципҳо, усулҳо ва методҳои иборат мебошад, ки барои баланд бардоштани шуури ҳуқуқии шаҳрвандон равона карда шудааст. Принципу усулҳо ва методҳои тарбияи ҳуқуқӣ дар санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ, қонунгузорӣ, стратегияҳо, барномаҳо ва фаъолияти ниҳодҳои давлатӣ зикр гардида, бобати омӯхтани ҳуқуқ барои шаҳрвандон, ҷиҳати ташаккули шуури ҳуқуқии онҳо ва аз ҷониби онҳо дарк намудани ҳуқуқу уҳдадорихояшон мусоидат менамоянд.

Калидвожаҳо: Тарбияи ҳуқуқӣ, шуури ҳуқуқӣ, қонунҳо, таҳсилот, муассисаи таълимӣ, фарҳанги ҳуқуқӣ, таълими ҳуқуқӣ, муассисаҳои таълимӣ, ташаккули тарбияи ҳуқуқӣ, стратегияи давлат, фаъолияти давлатӣ.

Юридическое образование как средство повышения юридического сознания

Қодирзода Тохир Қамар - доктор юридических наук, доцент, Национальная академия наук Таджикистана, Институт государства и права, ведущий научный сотрудник отдела теоретических вопросов государства и современного права, E-mail: t. kodirzoda@mail.ru

Аннотация. В данной статье речь идет о правовом воспитании как средстве повышения правового сознания, отмечается, что правовое воспитание состоит из совокупности принципов, методов и приемов, направленных на повышение правового сознания граждан. Принципы, методы и приемы правового воспитания, изложенные в нормативно-правовых актах, законодательстве, стратегиях, программах и деятельности государственных учреждений, способствуют изучению прав граждан, формированию их правового сознания и реализации ими своих прав и обязанностей.

Ключевые слова: правовое воспитание, правовое сознание, законы, образование, образовательное учреждение, правовая культура, правовое образование, образовательные учреждения, формирование правового воспитания, государственная стратегия, государственная деятельность.

Legal education as a means of increasing legal awareness

Kodirzoda Tokhir Kamar – Doctor of Law, Associate Professor, National Academy of Sciences of Tajikistan, Institute of State and Law, Leading Researcher at the Department of Theoretical Issues of State and Modern Law, E-mail: t. kodirzoda@mail.ru

The summary. The article deals with legal education as a means of increasing legal awareness, it is noted that legal education consists of a set of principles, methods and techniques aimed at increasing the legal awareness of citizens. The principles, methods, and techniques of legal education set forth in regulatory legal acts, legislation, strategies, programs, and activities of government agencies contribute to the study of citizens' rights, the formation of their legal consciousness, and the exercise of their rights and responsibilities.

Keywords: legal education, legal consciousness, laws, education, educational institution, legal culture, legal education, educational institutions, formation of legal education, state strategy, state activity.

Масъалаи тарбияи ҳуқуқӣ ба ташаккули шуури ҳуқуқӣ дахл дошта, азҳудкунии меъёрҳои ҳуқуқӣ, эҳтироми қонунҳо ва эътиқоди зарурати риояи онҳо, тамоми ҷомеаро дар бар мегирад. Он ба ташаккули шуури ҳуқуқии шаҳрвандон чӣхати инкишофи эътиқод ва арзишҳои шахсии онҳо нигаронида шуда, барои таъмини адолат ва ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои муҳим мебошад.

Тарбияи ҳуқуқӣ бо омӯзгор, муаллим, ташвиқу тарғиб дар воситаҳои ахбори омма, воҳурию машғулиятҳо бо шаҳрвандон ва ғайра вобастагии зич дошта, ба намудҳои таълиму тарбия алоқамандӣ дорад ва он ба педагогикаи ҳуқуқӣ, ки яке аз асосҳои илмӣ баланд бардоштани шуури ҳуқуқии шаҳрвандон ва хонандагон ба шумор мебошад, алоқаманд аст.

Рафтори ҳуқуқии шахс ба донишмандони қонуният зич алоқамандӣ дошта, дар амалия риоя намудани тартиботи ҳуқуқӣ ва эҳтиром ба қонун ва ҷомеа аз ҷониби у риоя намудан буда, сатҳи маърифати ҳуқуқии ӯро нишон медиҳад ва тарбияи ҳуқуқӣ - ин худ ташаккули шуури ҳуқуқӣ мебошад.

Шуури ҳуқуқӣ ба назария ва амалияи ҳуқуқӣ алоқаманд аст ва сатҳи фаҳмиши шахсро доир ба масъалаҳои муҳими ҳуқуқӣ ифода менамояд.

Таълиму тарбияи ҳуқуқӣ метавонад дар намудҳои ҳархела ва усулҳои гуногун гузаронида шуда, интиҳоби он аз рӯйи самтҳои таълиму тарбия ва соҳаи ҳуқуқ муқаррар карда мумкин аст. Тарзҳои гузаронидани намудҳои тарбияи ҳуқуқӣ, аз инкишофи муносибатҳои қонуният ва адолат дар ҷомеа низ вобастагӣ дошта, пешравии технологӣ омили муҳимми он ба ҳисоб меравад.

Технологияҳои нав ба бисёр паҳлуҳои ҳаёти ҷамъиятӣ ва низомии ҳуқуқӣ таъсир мерасонанд[7]. Технологияҳои рақамӣ, ки хеле зуд рушд мекунад ва ба тамоми соҳаҳои фаъолияти мо, аз ҷумла соҳаи ҳуқуқ ворид мешаванд, дар ин робита аҳамияти бартаридошта доранд[4].

Тарбияи ҳуқуқӣ дар шароити рақамисозӣ як қатор хусусиятҳои муҳим дорад, ки он яқин бо тағйир додани нақши ҳуқуқ ҳамчун танзимгари асосии муносибатҳои

ҷамъиятӣ, дуҷум, бо тағйир додани низоми маориф, ки аз истифодаи технологияҳои фосилавӣ ва дигар технологияҳои электронӣ ба вучуд омадааст, муайян мегардад.

Пандемияи коронавирус равандҳои рақамисозии таҳсилотро суръат бахшид ва яке аз сабабҳои ҷудошавии донишҷӯён аз муоширати мустақим бо муаллимон ва профессорҳо гардид.

Аз ин ру, потенциали таъсири умумии тарбиявии шахсияти омузгор ба таври қонунӣ коҳиш ёфт ва бояд шаклҳо ва усулҳои нави тарбияи ҳуқуқӣ ҷустуҷу карда шаванд.

Тарбияи ҳуқуқӣ ҳолати муайяни арзишро дар бар гирифта, он ташаккули низоми муайяни арзишҳои ҳуқуқии одамонро дар назар дорад, ки аз як тараф бо арзишҳои умумии ҷомеа алоқаманданд ва аз тарафи дигар бо моҳият ва табиноти ҳуқуқ, мундариҷаи принципҳои асосии он вобастаанд.

Дар зери фишори муҳити рақамӣ, шуури ҳуқуқии инсон тағир меёбад ва баъзан идоракунии огоҳона низ сурат мегирад. Дар ин ҳолат аксар вақт арзишҳои ҳуқуқии анъанавӣ бо меъёрҳои нави арзишӣ иваз карда мешаванд, ки дар натиҷа ҳатто метавонанд зиддиҳуқуқӣ бошанд. Ҳамчун арзиши муҳими ҳуқуқӣ пешниҳод карда мешавад, ки ҳуқуқи инсон баррасӣ карда шаванд. Ин ҳолатро қариб ҳеҷ кас баҳс намекунад.

Масъалаи мазмуни ҳуқуқҳои инсон ва тафсири онҳо дар марҳилаи муосир, вақте ки ихтилофи шадид байни ҳуқуқҳои асосӣ ва нав, байни ҳуқуқҳои анъанавӣ ва ҳуқуқҳои рақамӣ ба миён меояд, хеле мураккабтар ба назар мерасад. Дар шароити рақамисозӣ, доираи ҳуқуқи инсон тамоюли васеъшавӣ, аз ҷумла тавассути фазои виртуалӣ ва имкониятҳои, ки технологияҳои нав пешниҳод мекунанд, ба даст меорад.

Мувофиқи ақидаи А. И. Николаев дар илми ҳуқуқшиносӣ дар бораи таҳаввули низоми ҳуқуқи инсон ду мавқеи муқобил паҳн шуданд[5]. Якум, он ки технологияҳои рақамӣ пайдоиши насли нави ҳуқуқи инсонро оғоз мекунанд. Ҳуқуқҳои рақамӣ, ки метавонанд ҳамчун пуррагии нави қаблан номаълум ба ҷомеа шарҳ дода шаванд. Дуҷум, он ки ҳуқуқҳои рақамӣ бояд ҳамчун ҳуқуқҳои қаблан маъруфи инсон, ки дар фазои нави виртуалӣ паҳн мешаванд, баррасӣ карда шаванд. Дар маҷмӯъ, ин масъала ҳануз дар назарияи ҳуқуқи башари ҳал нашудааст. Рушди мушоҳидашудаи технологияҳои рақамӣ ба ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шахрванд таъсири гуногун мерасонад: аз як тараф, таҳдидҳои давлат ва ҳуқуқ афзоиш меёбанд; ҷанбаҳои назариявӣ ва таърихӣ, ки ба имконияти татбиқи пурраи як қатор ҳуқуқҳо ва озодиҳо таъсир мерасонанд, аз тарафи дигар, механизмҳои нави самаранокӣ ҳифзи ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шахрванд пайдо гардида, истифода мешаванд[6].

Дар робита ба ин, тақмили тарбияи ҳуқуқӣ бояд ба эътироф ва фаҳмиши возеҳи ҳуқуқу озодиҳои бунёдии инсон, мазмуни арзиш ва муҳимияти онҳо асос ёбад. Дар ин замина, ҳуқуқи шахрвандон ба иттилооте, ки бидуни он тарбияи пурраи ҳуқуқӣ дар ҷомеаи рақамӣ вучуд надорад, аҳаммияти махсус пайдо мекунад.

Д. А. Пашенцев қайд менамояд, ки кафолатҳои технологияҳои рақамӣ ба ҳуқуқ бояд масъалаҳои таъмини амнияти иттилоотии шахсро дар бар гиранд. Яке аз самтҳои муҳими тарбияи ҳуқуқӣ дар шароити муосир тарбияи зиддикоррупсионӣ мебошад. Он ба ташаккули шуури ҳуқуқии зиддикоррупсионии ҳар як шахс ва инчунин дар маҷмӯъ ба ҷомеа равона шудааст. Ҳамчун як қисми низоми тарбияи ҳуқуқӣ дар маҷмӯъ, тарбияи ҳуқуқии зиддикоррупсионӣ ба ташаккули сатҳи баланди шуури ҳуқуқии

зиддикоррупсионӣ, таҳаммулнопазирӣ ба коррупсия дар ҷомеа ва шуури шаҳрванди алоҳида нигаронида шудааст[6].

Аммо, низоми тарбияи ҳуқуқии зиддикоррупсионӣ бояд мукаммал бошанд ва ин як қисми муҳимми низоми ягонаи тарбияи ҳуқуқӣ дар маҷмуъ мебошад. Дар шароити муосир рушди тарбияи ҳуқуқӣ, аз маҷмуи бисёр омилҳои муҳим муайян карда мешавад, ки дар байни онҳо рушди маориф, сиёсати ҳуқуқии давлатӣ, омодагии ҷомеа ҷиҳати фаҳмиши арзишҳои ҳуқуқӣ ва риояи онҳо нақши муҳим доранд.

Тарбияи ҳуқуқӣ, аз як тараф, аз ҳар як шахс гирифтани дониши амиқ дар бораи ҳуқуқ, нақши он дар ҷомеа, дурнамои рушдро дар бар мегирад. Аз тарафи дигар, таъсир ба соҳаи эҳсосӣ ва эмотсионалии шахс барои тарбияи ҳуқуқӣ яксон муҳим аст. Ҳар як шахси муносибатҳои ҷамъиятӣ бояд низоми мавҷудаи арзишҳои ҳуқуқиро, ки ба арзишҳои асосии ҷомеаи мувофиқат мекунад, ба даст орад. Дар ин ҳолат, рафтори ҳуқуқии шахс огоҳона ва ҳадафҳои тарбияи ҳуқуқӣ ба даст оварда мешаванд.

Тарбияи ҳуқуқӣ ба ташаккули ҷаҳонбинии муайян, ки бо маҷмуи устувори тасаввуроти шахс оид ба ҳуқуқ алоқаманд аст, инчунин ба рушди маҷмуи арзишҳои марбут ба муносибати мусбат ба ҳуқуқ равона карда шудааст. Аз ин ру, маърифати ҳуқуқӣ ҷузъи муҳимми тарбияи ҳуқуқӣ мебошад. Аммо, он ба ташаккули эътиқоди ҳуқуқии шахс пурра мусоидат намекунад, дониш дар бораи ҳуқуқ на ҳамеша ба меъёрҳои арзишии шахс табиқ меебад. Ба натиҷаи дилхоҳ таъсири мақсаднок ва комплекси тарбиявӣ мусоидат мекунад[2].

Маърифат ва тарбия бояд дар алоқамандӣ ҳамчун ду самти муҳим баррасӣ карда шаванд ва силсилаи илмҳои ҳуқуқӣ ва ҷанбаҳои ҷудонашавандаи фаъолияти педагогӣ бошанд. Дар раванди тарбияи ҳуқуқӣ ташаккули сифатҳои баланди ахлоқӣ ба амал меоянд, ки барои ташаккули рафтори огоҳонаи ҳуқуқии шахс аҳаммияти калон доранд: ростқавлӣ, масъулият, итоаткории қонун[6].

Бинобар ин, тарбияи ҳуқуқӣ барои ҷомеа ва давлат аҳаммияти баланд пайдо мекунад ва бояд дар асоси сиёсати мақсадноки давлатӣ амалӣ карда шаванд. Ин имкон медиҳанд, ки як қатор тезисҳо дар бораи тарбияи ҳуқуқӣ баён карда шаванд. Аввалан, тарбияи ҳуқуқӣ бояд ҳамчун яке аз афзалиятҳои фаъолияти давлат дар соҳаи маориф баррасӣ карда шавад. Ин танҳо дар заминаи умумии фаҳмиши маориф ҳамчун вазифаи муҳими давлат ва тарбия ҳамчун ҷузъи ҷудонашавандаи раванди таълим имконпазир аст. Дуюм, асоси тарбияи ҳуқуқӣ бояд модели арзишии бошад, ки ба идеалҳои баланди ҳуқуқии ҷомеаи муосир ҷавобгӯ бошад ва ба принципҳои ва меъёрҳои Конститутсияи амалкунанда мувофиқат кунад. Сеюм, барои тарбияи бомуваффақияти ҳуқуқӣ хусусияти комплексӣ ва мақсадноки он аҳаммияти муҳим доранд. Аз ин ру, пешниҳод карда мешавад, ки дар сатҳи ҷумҳурӣ Стратегияи комплекси рушди тарбияи ҳуқуқӣ дар Тоҷикистон таҳия ва қабул карда шавад. Дар мазмуни ҷунин стратегия, ки хусусияти нақшавӣ ва ояндадор дорад, бояд ҳадафҳои ва принципҳои тарбияи ҳуқуқӣ, пуррагии аксиологии он, шаклҳои ва усулҳои инъикос карда шаванд. Дар ин ҳолат, ба муваффақияти фаъолияти дахлдор умедвор шудан мумкин аст, ки натиҷаи ниҳии он ташаккули сатҳи баланди шуури ҳуқуқӣ дар одамон ҳамчун асоси рафтори дурусти ҳуқуқӣ дар ҷомеа хоҳад буд[1].

Тарбияи ҳуқуқӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд - ҶТ) барои ташаккули шуури ҳуқуқии шахс, дар асоси меъёрҳои Конститутсияи ҶТ, қонунҳои конституционӣ, кодексҳо, қонунҳо, санадҳои меъёрии ҳуқуқии байналмилалӣ, ки Тоҷикистон онҳоро

этироф кардааст ва дигар санадҳои ҳуқуқие, ки амали ҳуқуқу уҳдадориҳо ва вазифаҳои тарбиявиро вобаста ба арзишҳои миллӣ, ваҳдат, сулҳу суббот, амният, ахлоқ, манфиатҳои шахс, давлат ва ғайра дар бар мегирад, амалӣ карда мешавад.

Пешвои миллат, Президенти ҶТ муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон қайд менамоянд, ки «Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон дастоварди миллӣ буда, муқаддасоти миллӣ, андешаи давлатдории миллӣ, истифодаи васеи анъанаҳо ва осори таърихӣ миллиро эълон ва таъмин мекунад.»[8].

Конститутсияи ҶТ, ки Тоҷикистонро давлати соҳибхитӣ, демократӣ, ҳуқуқбунёд, дунявӣ ва ягона эълон менамояд ва ҳамчун давлати иҷтимоӣ барои ҳар як шахс шароити зиндагии арзанда ва инкишофи озодонаро муҳаё карда, дар як вақт ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шахсро арзиши олии этироф намуда, ҳаёт, қадр, номус ва дигар ҳуқуқҳои фитрии инсонро дахлнопазир шуморида, онҳоро риоя ва ҳифз менамояд.

Давлат ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шахрвандро ба воситаи Конститутсия, қонунҳои ҷумҳурӣ ва санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ, ки Тоҷикистон онҳо этироф намудааст ҳифз менамояд ва онҳо бевосита амалӣ мешаванд. Маҳдуд кардани ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шахрванд тибқи моддаи 14 Конститутсия фақат бо мақсади таъмини ҳуқуқ ва озодии дигарон, тартиботи ҷамъиятӣ, ҳимояи асосҳои сохтори конститутсионӣ, амнияти давлат, мудофияи мамлакат, ахлоқи ҷомеа, сиҳатии аҳоли ва тамомияти арзии ҷумҳурӣ раво дониста мешавад[3].

Конститутсия ҳар шахсро вазифадор месозад, ки Қонуни асосӣ ва қонунҳоро риоя кунад, ҳуқуқ, озодӣ, шаъну шарафи дигаронро эҳтиром намояд ва надонистани қонун ҷавобгариро истисно намекунад. Дар он принципҳои кафолати конститутсионии шахрванд муайян гардидааст, ки ҳар як шахс онҳоро донанд, аз қабилӣ, ҳар кас ҳуқуқ ба ҳаёт дорад ва ҳеҷ кас аз ҳаёт маҳрум карда намешавад, ба истисноӣ ҳукми суд барои ҷинояти махсусан вазнин; дахлнопазирӣ шахсро давлат кафолат медиҳад ва ба ҳеҷ кас шиканҷа, ҷазо ва муносибати ғайриинсонӣ раво дида намешавад: ҳар кас кафолати ҳифзи судӣ дорад ва ғайра.

Донистани меъёрҳои конститутсионӣ ва қонунҳо ба шахрвандон имкон медиҳанд, ки онҳо дар амалия барои ҳифзи ҳуқуқҳои худ истифода баранд ва тарбияи ҳуқуқӣ, ки ба ташвику тарғиби онҳо низ вобаста аст, натиҷаи муҳими худро дошта бошад.

Аз ҷумла, дар Қонуни ҶТ аз 30-уми майи соли 2017 тахти №1414 «Дар бораи санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ» фаъолияти ҳуқуқҷодкунӣ дар асоси принципҳои зерин амалӣ карда мешавад: мутобиқат ба Конститутсияи ҶТ; афзалияти ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шахрванд; қонуният; бартарияти меъёрҳои Конститутсияи ҶТ, қонунҳои бо роҳи раъйпурсии умумихалқӣ қабулгардида ва санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ, ки Тоҷикистон онҳоро этироф кардааст, нисбат ба қонунҳо ва санадҳои меъёрии ҳуқуқии зерқонунӣ; адолатнокӣ; ошкорбаёнӣ ва шаффофият; илмият; касбият; ба назар гирифтани афкори ҷамъиятӣ. Фаъолияти ҳуқуқҷодкунӣ дар ҶТ бо мақсади этироф, риоя ва ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шахрванд ба роҳ монда мешавад. Ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шахрванд мақсаду мазмунӣ қонунҳо ва санадҳои меъёрии ҳуқуқии зерқонунӣ ҶТ, фаъолияти ҳуқуқҷодкунӣ ҳамаи субъектони ҳуқуқҷодкунандаро ташкил медиҳанд. Ҳамаи ин, дар маҷму ба он далолат мекунад, ки ҳангоми омузиши санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ шахрвандон, субъектони ҳуқуқтатбиқкунанда маҳз ба ин ҷанбаҳои санадҳои меъёрии ҳуқуқии эътибор диҳанд, ки он ҳангоми амалӣ намудани ҳуқуқу уҳдадориҳо ва салоҳиятҳо худ аҳамияти муҳим дорад.

Дар Қонуни ҚТ аз 22-уми июли соли 2013 №1004 «Дар бораи маориф» сиёсати давлатӣ дар соҳаи маориф ба принципҳои баробарҳуқуқии шаҳрвандон дар гирифтани таҳсилоти босифат; қонуният; эҳтироми ҳуқуқи озодиҳои инсон ва шаҳрванд; бартариҳои соҳаи маориф дар ҳама сатҳҳои идоракунии давлатӣ; ҳатмӣ будани таълими умумии асосӣ; дастрасии таҳсилоти миёнаи умумӣ ва идомаи таҳсил дар зинаҳои минбаъдаи таҳсилот дар асоси озмун; ҳавасмандгардонии маърифатнокшавии шахс ва инкишофи истеъдоди ӯ; пайдарҳамии раванди таҳсилот, ки алоқамандии зинаҳои таҳсилот ва ягонагии таълиму тарбияро таъмин месозад; ҳамгироии таҳсилот, илм ва истеҳсолот ва ғайра, мутобиқ менамояд.

Дар Қонуни ҚТ аз 20 июни соли 2024, № 2049 «Дар бораи масъулият дар таълиму тарбияи кудак» [19] мақсади Қонуни мазкур масъулият дар таълиму тарбияи кудак бо мақсади таълиму тарбияи кудак дар руҳияи инсондустӣ, ифтихори ватандорӣ, эҳтиром ба арзишҳои миллӣ, умумибашарӣ ва фарҳангӣ танзим намуда, ба ҳифзи ҳуқуқи манфиатҳои кудак, равона гардидааст.

Қонуни ҚТ аз 20 июни соли 2024, № 2048 «Дар бораи танзими ҷашну маросим дар Ҷумҳурии Тоҷикистон» бо тақозои рушди ҷомеа ҷашну маросимро танзим намуда, ба ҳифзи арзишҳои асили фарҳанги миллӣ ва эҳтиром ба суннатҳои мардумӣ барои баланд бардоштани сатҳи иҷтимоию иқтисодии ҳаёти шаҳрвандони кишвар равона гардидааст.

Дар Қонуни ҚТ аз 24-уми декабри соли 2022 №1920 «Дар бораи тарбияи ватандустии шаҳрвандон», Тоҷикистон кишвари азизу маҳбуб барои шахс, ҷомеаи иҷтимоӣ ё миллии одамон, ки онҳо мансубияташонро ба он ҳамчун шароити зарурии некуаҳволии худ медонанд; ватандустӣ - муҳаббати шахс ба Ватан ва ғайраҳоро дарбар мегирад, ки тарғибу ташвиқи он барои шуури ҳуқуқии шахс, махсусан ҷавонон муҳим мебошад.

Самтҳои асосии танзими муносибатҳои оилавӣ роҳандозии масъалаҳои зеринро талаб мекунад: танзими ҳуқуқии муносибатҳои оилавӣ, бо дар назар доштани арзишҳои миллӣ; тақмили қонунгузории оилавӣ, бо дар назар доштани мушкilotи мавҷуда; баланд бардоштани масъулияти мақомоти дахлдори давлатӣ, муассисаҳои давлатӣ ва дигар ташкилотҳо баҳри татбиқи пурраи Конститутсия ва дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ.

Сиёсати давлатӣ дар самти баланд бардоштани маърифати ҳуқуқӣ ва таълиму тарбияи ҳуқуқии шаҳрвандон, ғайр аз Конститутсия ва қонунҳои зикргардида, инчунин дар асоси санадҳои меъёрии ҳуқуқии гуногун, аз ҷумла фармони Президенти ҚТ аз 9 апрели соли 1997, № 691 «Дар бораи сиёсати ҳуқуқӣ ва таъмини тарбияи ҳуқуқии шаҳрвандони Ҷумҳурии Тоҷикистон», қарори Ҳукумати ҚТ аз 22 августи соли 1997, №383 «Дар бораи баъзе чораҳои беҳтар намудани тарбияи ҳуқуқии шаҳрвандон ва кори ҳуқуқӣ дар ҷумҳурӣ», қарори Ҳукумати ҚТ «Дар бораи тасдиқи Консепсияи миллии тарбия дар Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 3 марти соли 2006, №94, "Дар бораи тасдиқи Консепсияи миллии тарбия дар Ҷумҳурии Тоҷикистон", Стратегияи миллии рушди ҚТ барои давраи то соли 2030, ки бо қарори Маҷлиси намояндагони Маҷлиси Олии ҚТ аз 1 декабри соли 2016 № 636 тасдиқ шудааст, Стратегияи давлатии муқовимат ба коррупсия дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои давраи то соли 2030, ки бо фармони Президенти ҚТ аз 3 августи соли 2021, №222 тасдиқ шудааст, Стратегияи муқовимат ба экстремизм ва терроризм дар ҚТ барои солҳои 2021-2025, ки фармони Президенти ҚТ аз 1 июни соли 2021, № 187 тасдиқ шудааст, Стратегияи миллии ҚТ дар соҳаи ҳифзи ҳуқуқи инсон барои давраи то соли 2038, ки бо қарори Ҳукумати ҚТ аз 5 августи соли 2023, № 357 тасдиқ шудааст, Барномаи

таълим дар соҳаи ҳуқуқи инсон барои солҳои 2022-2026, ки бо қарори Ҳукумати ҚТ аз 30 декабри соли 2021, № 565 тасдиқ шудааст, фармони Президенти ҚТ «Дар бораи Консепсияи сиёсати ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2018-2028» аз 6 феввали соли 2018, №1005, «Барномаи таълим ва тарбияи ҳуқуқии шаҳрвандони Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2009-2019», ки бо қарори Ҳукумати ҚТ аз 29 апрели соли 2009, №253 тасдиқ гардидааст, «Барномаи таълим ва тарбияи ҳуқуқии шаҳрвандони Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2020-2030», ки бо қарори Ҳукумати ҚТ аз 27 ноябри соли 2019, №599 тасдиқ гардидааст, фармони Президенти ҚТ «Дар бораи «Соли маърифати ҳуқуқӣ» эълон намудани соли 2024» аз 30 декабри соли 2023, №668, амалӣ мегардад.

Дар доираи барномаҳои таълимии муассисаҳои таҳсилоти томактабӣ ва миёнаи умумӣ (кудакистон, синфҳои ибтидоӣ, умумии асосӣ, миёнаи умумӣ ва таълими калонсолон) дар тафаккури таълимгирандагон фаҳмиши ҳуқуқӣ бояд ташаккул дода шавад. Ба муассисаҳои таълимӣ на танҳо намоёндагони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ, балки намоёндагони иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ ва бахши хусусӣ (ташкилотҳои, ки хизматрасонии ҳуқуқиро иҷро мекунам) зарур аст, таъриф оранд. Дар сатҳи таҳсилоти миёна ва олии касбӣ интиҳоб ва ҷорӣ намудани ғанҷе, ки дониш ва малакаро дар самти фарҳанги ҳуқуқӣ ва зиддикорупсионӣ ба таълимгирандагон ташаккул медиҳанд, мувофиқи мақсад мебошад. Дар ҷорчубаи қорҳои тарбиявӣ дар муассисаҳои таълимӣ гузаронидани соатҳои тарбиявӣ, мизҳои муаввар, тренинги, семинари ва қорабиниҳои дигар оид ба фаҳмондадиҳии муқарароти қонунгузори ва гирифтани ёрии ҳуқуқӣ зарур аст.

Таърибу ташвиқи ҳуқуқӣ, ин қушиши ба маълумоти ҳар як шаҳрванд расонидани сиёсати ҳуқуқии давлат дар шакли фаҳмо буда, бояд яке аз воситаҳои муҳими баланд бардоштани таълиму тарбияи ҳуқуқӣ ва фарҳанги ҳуқуқии шаҳрвандон бошад.

Ҳамин тариқ, қорҳои баланд бардоштани шуури ҳуқуқии шаҳрвандон ба онҳо фаҳмонидани санадҳои меърии ҳуқуқӣ ва қорҳои амалигардонии ҳуқуқу озодиҳои онҳо, дар қомеа рафтори эҳтиром ба қонун доштан, ҳуқуқи дигаронро эҳтиром намудан, тартиботи ҷамъиятиро риоя намудан ва ғайра буда, дар натиҷа шуури ҳуқуқии шаҳрвандон ташаккул меёбад ва ин ба амну оромии қомеа мусоидат мекунад.

Руйхати адабиёти истифодашуда:

1. Бобочонзода И.Х., Қодирзода Т.Қ. Мафҳуми «маърифати ҳуқуқӣ» дар илми ҳуқуқшиносӣ: проблемаҳои назариявӣ–ҳуқуқӣ. // Маводи конференсияи ҷумҳуриявии илмию назариявӣ дар АМИТ. Маърифати ҳуқуқӣ-омили тақвияти тартиботи ҳуқуқӣ ва қонуният./ Маҷмуи мақолаҳои илмию назариявӣ ҷумҳуриявӣ бахшида ба соли маърифати ҳуқуқӣ.- 19 апрели соли 2024. – Душанбе: «Дониш», 2024. – 260 с.
2. Бобочонзода И.Х., Қодирзода Т.Қ. Фаҳмиши «маърифати ҳуқуқӣ» дар санадҳои меърии ҳуқуқӣ.// Маволи мурами давлат, қомеа ва ҳуқуқи муосир (маҷаллаи илмӣ). -2024.- №1 (1).- Душанбе, 2024.–С. 43-54.
3. Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон бо қорӣ раъйпурсии умумихалқӣ 6 ноябри соли 1994 қабул гардида, таъиру иловаҳо ба он аз 26 сентябри соли 1999, 22 июни соли 2003 ва соли 2016 бо тартиби раъйпурсии умумихалқӣ ворид карда шудаанд. - Душанбе, 2016. - 126 с.

4. Николаев А. И. Вопросы цифровизации права в современной юридической доктрине // Вестник Московского городского педагогического университета. -Серия «Юридические науки». -2019.- № 4.- С. 44-48.
5. Николаев А. И. Права человека в условиях информационного общества // Вестник Московского городского педагогического университета. - Серия «Юридические науки». - 2017.- № 1.- С. 10-14.
6. Пашенцев Д. А. и др. Антикоррупционное правовое воспитание: научно - практическое пособие // Под ред. Д. А. Пашенцева.- М.: Проспект, 2020.- 144 с.
7. Пашенцев Д. А. Основные направления влияния современных цифровых технологий на развитие права // Право и образование.- 2019.- № 7.- С. 4-9.
8. Эмомалӣ Раҳмон. Ҳар як халқу миллат ҳамон Конститутсияро дорад, ки ба он сазовор аст./ Тафсири илмию оммавии Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон. Душанбе: Шарқи озод.- 2009. -520с.

Муқарризи мақола Бобочонзода И. Ҳ. – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор.

УДК: 340 (575.3)

НАМУДҲОИ ТАҲДИДҲО ВА ХАТАРҲОИ ИТТИЛООТӢ БА ҲУҚУҚУ ОЗОДИҲОИ ИНСОН ВА ШАҲРВАНД: ТАҲЛИЛИ НАЗАРИЯВӢ-ҲУҚУҚӢ

Сафарализода Далер Саидахтам,

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, факултети ҳуқуқшиносӣ, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсенти кафедраи ҳуқуқи инсон ва ҳуқуқшиносии муқоисавӣ. Email: daler-safaraliev@mail.ru Тел.: +992 987954864.

Фишурда.Дар мақолаи мазкур яке аз масъалаҳои муҳим ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои инсон дар баробари таҳдидҳо ва хатарҳои иттилоотӣ мавриди таҳлили илмӣ қарор дода шудааст. Дар он кӯшиш карда мешавад, ки масъалаҳои мавриди назар дар доираи ақидаҳои олимони ватанию хориҷӣ таҳлил гардад. Ташкил намудани заминаи мустаҳками қонунгузорӣ дар пасманзари таҳдидҳо ва хатарҳои иттилоотӣ шартҳои муҳими таъмини амнияти шахсиро ташкил менамояд. Ин имконият медиҳад, ки ҳуқуқҳои асоситарини инсон ба монанди ҳуқуқ ба ҳаёт, озодӣ, дахлнопазирии шахсӣ, дахлнопазирии манзил, сирри мукотиба ва ғ. мавриди ҳифз ва ҳимоя қарор дода шавад.

Калидвожаҳо: ҳуқуқи инсон, таҳдидҳои иттилоотӣ, амнияти иттилоотӣ, хатарҳои иттилоотӣ, бехатарии иттилоотӣ, таҳдидҳои дохилӣ, таҳдидҳои берунӣ, дахлнопазирии шахсӣ, дахлнопазирии манзил, сирри мукотиба

Виды информационных угроз и рисков правам и свободам человека и гражданина: теоретико-правовой анализ

Сафарализода Далер Саидахтам,

Таджикский национальный университет, юридический факультет, кандидат юридических наук, доцент кафедры прав человека и сравнительного правоведения. E-mail: daler-safaraliev@mail.ru Тел.: +992 987954864

Аннотация. В данной статье один из важных вопросов – защита прав и свобод человека в условиях информационных угроз и рисков – подвергается научному анализу. В ней предпринимается попытка рассмотреть обозначенные проблемы в рамках взглядов отечественных и зарубежных ученых. Формирование прочной законодательной базы в условиях информационных угроз и рисков является важным условием обеспечения личной безопасности. Это позволяет обеспечить защиту и охрану основных прав человека, таких как право на жизнь, свободу, личную неприкосновенность, неприкосновенность жилища, тайну переписки и др.

Ключевые слова: права человека, информационные угрозы, информационная безопасность, информационные риски, безопасность информации, внутренние угрозы, внешние угрозы, личная неприкосновенность, неприкосновенность жилища, тайна переписки.

Types of information threats and risks to human and civil rights and freedoms: a theoretical and legal analysis

Safaralizoda Daler Saidahtham,

Tajik National University, Faculty of Law, Candidate of Legal Sciences, docent of the Department of Human Rights and Comparative Law. Email: daler-safaraliev@mail.ru Тел.: +992 987954864

The summary. This article examines one of the important issues – the protection of human rights and freedoms in the face of information threats and risks – through a scientific analysis. It attempts to analyze these issues within the framework of the views of domestic and foreign scholars. The establishment of a solid legislative framework in the context of information threats and risks is an important condition for ensuring personal security. This makes it possible to protect and safeguard fundamental human rights such as the right to life, liberty, personal inviolability, inviolability of the home, privacy of correspondence, and others.

Keywords: human rights, information threats, information security, information risks, data security, internal threats, external threats, personal inviolability, inviolability of the home, privacy of correspondence.

Чомеаи муосири Тоҷикистон чомеаи иттилоотӣ мебошад. Инсоният аллакай шуруъ аз ҳазораи сеюм ба давраи навини рушд қадам ниҳода, дар тамоми самтҳои ғайриқонунии худ аз ғайриқонунии иттилоотӣ васеъ истифода менамояд. Ғайриқонунии иттилоотӣ имконият медиҳанд то амалишавии ҳуқуқи инсон дар чомеа бехтар гардида, механизмҳои ҳифз ва ҳимояи онҳо, ҳамоҳангии ғайриқонунии мақомоти давлатӣ ва самтҳои нави ҳамкориҳои байналмилалӣ рушд ёбад. Дар баробари ин, рақамикунони метавонанд таъсири манфӣ таҳдидҳои навро барои амалӣ намудани ҳуқуқи инсон ба вучуд орад. Зимни таъминоти ҳимояи ҳуқуқи инсон мушкилоти асосие, ки бештар ба

назар мерасад, ин душвории муайян кардани қонуншикан, татбиқи чораҳои воқуниш ва душвории ёфтани тавозун байни воқуниш ба қонуншиканиҳо ва ҳифзи озодӣ дар фазои иттилоотӣ мебошанд.

Ба андешаи С.В. Баринов, ҳифзи амнияти иттилоотии шахсият бояд на танҳо муҳофизат аз ҳамлаҳои киберӣ ва ихроҷи маълумоти шахсиро дар бар гирад, балки инчунин таъсири иттилоот ба ҳолати ҷисмонӣ ва равонии инсон, ҳамчунин арзишҳои ахлоқӣ ва маънавии ӯро ба назар гирад. Муайян намудани мафҳуми амнияти иттилоотии шахсият дар чунин замина имкон медиҳад, ки ҳамаи таҳдидҳо ва хатарҳои эҳтимолӣ, ки ҳангоми истифодаи технологияҳои иттилоотӣ ба миён меоянд, ба таври фарогир ба инобат гирифта шаванд. Дар ин ҳолат на танҳо ҳифзи маълумоти шахсӣ муҳим аст, балки таъмини истифодаи беҳатар ва аз ҷиҳати ахлоқӣ дурусти иттилооте низ зарур мебошад, ки метавонад ба саломатӣ ва рушди шахсият зарар расонад. Чунин равиш ба ташаккули фазои иттилоотии мутаносиб ва беҳатар барои ҳар як инсон мусоидат мекунад[4, с. 102].

Бояд зикр намуд, ки ташкил намудани заминаи мустаҳками қонунгузорӣ дар пасманзари чунин намудҳои таҳдидҳо ва хатарҳои иттилоотӣ шартӣ муҳими таъмини амнияти шахсиро ташкил менамояд. Ин имконият медиҳад, ки ҳуқуқҳои асосии инсон ба монанди ҳуқуқ ба ҳаёт, озодӣ, дахлнопазирии шахсӣ, дахлнопазирии манзил ва сирри мукотиба мавриди ҳифз ва ҳимоя қарор дода шаванд. Дар ин маврид аҳамияти муҳимро таъмини махфияти маълумоти шахсӣ ва ҳифзи иттилооти хусусияти шахсидошта дар бораи ҳаёти хусусӣ дар баробари дастрасӣ ва истифодаи ғайриқонунӣ ташкил медиҳад. В.Д. Зорькин дар ин маврид саволи муҳимро ба миён мегузорад: «Ҳуқуқҳои инсон дар чунин шароити нав чӣ маъно доранд? Дар шароити ҷомеаи пасоиндустриалӣ, иттилоотӣ ва ҳатто, ба андешаи баъзеҳо, пасоиттилоотӣ кадом ҳуқуқҳои навро бояд ҳимоя намоем?»[6, с. 43].

Маврид ба зикр аст, ки дар илмҳои гуногун, махсусан илмҳои ҳуқуқшиносӣ таҳдидҳои иттилоотиро ба намудҳои гуногун таснифбандӣ менамоянд. Инро ба инобат гирифта, таҳдидҳои иттилоотиро ба ҳуқуқи инсон ба чунин намудҳо ҷудо намудан мумкин аст.

Таҳдидҳо вобаста ба дараҷаи қасдан будани онҳо тасодуфӣ ва ғаразнок шуда метавонанд. Таҳдидҳои тасодуфӣ он таҳдидҳои иттилоотие дар назар дошта мешаванд, ки дар баробари расонидани таъсир ба кори системаҳо, ҳамзамон метавонанд ба амалишавии ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шахрванд низ таъсири манфӣ расонанд. Тавре маълум аст имруз аксарияти маълумоти хусусияти шахсидошта зимни ба амал баровардани фаъолияти инсон мавриди нигоҳдорӣ ва коркард қарор мегиранд ва ҳама гуна хатогӣ ё камбудӣ, ки сар мезананд, метавонанд доираи муайяни ҳуқуқу озодиҳои инсонро вайрон намоянд. Ба чунин таҳдидҳо дохил мешаванд: норасоии барнома ё таҷҳизоти истифодашаванда, ки метавонад боиси гум шудан ё тағйир ёфтани маълумоти шахсӣ гарданд, ғайрикасан тағйир додани файлҳои дорои иттилоот ё ворид кардани маълумоти нодуруст метавонад ба қабули қарорҳои нодуруст нисбат ба шахс оварда расонад, ирсоли маълумот ба суроғаи нодуруст низ метавонад боиси паҳн шудани маълумоти махфӣ гардад, ки ин ба ҳуқуқи инсон ба махфият ва амнияти иттилоотӣ зарар мерасонад ва ғайра.

Таҳлилҳо нишон медиҳанд, ки сабаби асосии бавучудоии чунин таҳдидҳо аксаран риоя накардани талаботи техникӣ ва қоидаҳои истифодаи системаҳои иттилоотӣ мебошад. Барои ҳифзи ҳуқуқҳои инсон дар муҳити рақамӣ зарур аст, ки сатҳи фарҳанги иттилоотӣ ва масъулияти корбарон баланд бардошта шуда, инчунин

механизмҳои бозғатимоди ҳифзи иттилоот ва назорати фаъолияти системаҳои иттилоотӣ қорӣ карда шаванд. Ин чораҳо метавонанд ба таъмини амнияти иттилоотӣ ва ҳифзи самараноки ҳукуку озодиҳои инсон мусоидат намоянд.

Яке аз намудҳои дигари таҳдидҳо, ҳамзамон нисбатан хатарнок ба ҳукуку озодиҳои инсон ин таҳдидҳои қасдона ба шумор меравад, ки бо мақсади пайдо намудани дастрасӣ ба маълумот, инчунин тағйир додан ё нобуд сохтани иттилоот анҷом дода мешаванд. Ин намуди таҳдидҳо дар шаклҳои дуздии маълумот, мушоҳида ва ғӯш кардани иттилоот, ҷамъоварӣ ва таҳлили маълумот, ҳамзамон оммавӣ намудани маълумоти хусусияти шахсидошта, воридшавии беиҷозат ба шабакаҳои иттилоотӣ ва ғайра ба амал бароварда мешаванд.

Дар баробари дигар навъҳои таҳдидҳо ва хатарҳои иттилоотӣ мавқеи марказиро барномаҳои сирояткунандаи иттилоот – вирусҳо ишғол менамоянд. Вирусҳои компютерӣ маълумотро нобуд ё таҳриф намуда, фаъолияти низоми иттилоотиро қатъ ва дастрасии шахсро ба маълумот маҳдуд менамоянд.

Мутаассифона ботҳои зараррасон пайдо шудаанд. Чунин барномаи МЭХ мебошанд, ки барои расонидани зарар (моддӣ ва ё маънавӣ) ба иштирокдорони муомилоти иттилоотӣ таҳия шудаанд. Масалан, чат – ботҳо бо номҳои виртуалӣ ба муошират ҳамроҳ мешаванд, аз боварии ҳамсухбат истифода намуда, ғайриқонунӣ дастрасӣ ба иттилооти ҳифзшаванда пайдо меkunанд [17, с. 47].

Бо дарназардошти таҳлилҳои дар боло овардашуда намудҳои асосии таҳдидҳо ва хатарҳои иттилоотиро ба ҳукуку озодиҳои инсон, ки дар натиҷаи инкишофи босуръати фанновариҳои иттилоотӣ рӯи қор омадаанд, ба риштаи таҳлил мекашем.

Таҳдидҳо ба дахлнопазирии шахсӣ ва ҳаёти шахсӣ. Поймол ё вайроншавии ҳукук ба дахлнопазирии шахсӣ ва ҳаёти шахсӣ дар шароити инкишофи босуръати фанновариҳои иттилоотӣ мубрамияти бештарро қасб намуда истодааст. Ҳукук ба дахлнопазирии шахсӣ ва ҳаёти шахсӣ дар шароити рушди босуръати технологияҳои иттилоотӣ ба яке аз мушкилоти ҷиддии ҳукуқи инсон табдил ёфтааст. Ин доираи ҳукуку озодиҳо имконият медиҳанд, ки шахс ҳаёти хусусии худро ба монанди муносибатҳои шахсӣ, мукотиба, маълумоти инфиродӣ ва иттилооти марбут ба шахсияташ аз даҳлати ғайриқонунӣ ҳифз намояд. Маврид ба зикр аст, ки ин доираи ҳукуку озодиҳо тавассути санадҳои байналмилалӣ ва қонунгузориҳои дохилидавлатӣ мавриди ҳифз ва ҳимоя қарор дода шудааст, вале бо дарназардошти ба фазои васеи маҷозӣ ворид гардидани тамоми муносибатҳои ҷамъиятӣ ва маълумоти инсон ҳифзи онҳоро аз таҳдидҳои дохилӣ ва берунӣ иттилоотӣ ба мушкилот рӯ ба рӯ намуд. Ин ҳукук яке аз арзишҳои бунёдии ҷомеаи демократӣ буда, дар санадҳои байналмилалӣ, аз ҷумла дар Эълумияи умумии ҳукуқи инсон ва Паймони байналмилалӣ оид ба ҳукуқҳои шахрвандӣ ва сиёсӣ мустаҳкам гардидааст.

Тавре, И. Рукавишникова иброн менамояд, «дар авлавият – амнияти шахсӣ қарор дорад». Ба андешаи ӯ, «пеш аз ҳама бояд принципҳо ва равишҳои умумие муайян карда шаванд, ки ҳар як шахрвандро аз истифодаи ғайрисанксионии маълумоти шахсӣ ва аз ҳар гуна таъсири технологияҳои вобаста ба зехни сунӣ ҳифз намоянд»[11]. Тавре ба ҷашм мерасад, имруз бо истифода аз имкониятҳои навини фанновариҳо ҷи ба таври ҳазлӣ ва ҷи бо мақсадҳои таҳқир эҷоди тасвирҳои инсон, босуръат рушд намуда истодааст. Айни замон тавачҷуҳ ба ин масъала ба сабаби рушди фаъоли шабакаҳои нейронии генеративӣ ва мушкилоти истифодаи маълумоти шахсӣ дар ҷараёни офариниши тасвирҳо афзоиш ёфтааст.

Масалан, В.О. Калятин бобати масъалаи истифодаи тасвирҳои инсон қайд мекунад, ки аксаран тасвирҳои бадастомада метавонанд хусусияти порнографӣ дошта бошанд, вале тибқи қонуни ҷиноятӣ нисбат ба онҳо танҳо таркиби ҷинояти тӯхмат татбиқ мегардад, ки дар муайян кардани бардурӯғии ошкор ва хусусияти бадномкунандаи маълумот мушкилот ба миён меорад[7, с. 90,94]. Яке аз намудҳои дигари таҳдидҳо ба ҳукуку озодиҳои инсон, ки дар шароити рушди фанновариҳои иттилоотӣ руи қор омадааст, ин назорат ва мушоҳидаи ғайриқонунӣ ба шумор меравад. Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон (ҶТ) дар баробари дигар ҳукуку озодиҳои асосӣ ҳамзамон маҳрамати мукотиба, суҳбатҳои телефонӣ, муросилот ва муҳобироти шахсро қарорат додааст. Дар бораи ҳаёти шахсии инсон бе розигии ӯ чамъ намудан, нигоҳ доштан, истифода ва паҳн кардани маълумот манъ аст. Гузашта аз ин, агар имкониятҳои навини фанновариҳо бе асоси қонунӣ ва берун аз доираи меъёрҳои ҳуқуқӣ истифода гардаанд, пас амалишавии ҳукуку озодиҳои инсонро ба таҳдидҳои нав рӯ ба рӯ менамоянд. Аз ин рӯ, ҷиҳати пешгирии таҳдидҳо ба ҳукуку озодиҳои инсон зарурат пеш меояд, ки истифодаи фанновариҳо дар асоси меъёрҳои ҳуқуқӣ ва санади судӣ бо ба таври шаффоф ба роҳ монда шавад. Танҳо дар шароити мувозинати манфиатҳои амниятӣ ва эҳтироми ҳукуку озодиҳои инсон метавон аз хатарҳои иттилоотӣ ҷилавгирӣ намуда, ҳуқуқ ба озодии шахсият ва зиндагии хусусиро ҳифз кард.

Ҳамин тавр, ҷиҳати дар сатҳи зарурӣ ҳифз намудани ҳуқуқ ба дахлнопазирии шахсӣ ва ҳаёти шахсӣ аз таҳдидҳо ва хатарҳои иттилоотӣ бояд чамъоварӣ ва қорқарди маълумот танҳо дар доираи қонун, бо розигии оғоҳонаи шахс ва бо риояи принципҳои маҳфият ва амниятӣ иттилоот амалӣ карда шавад.

Таҳдид ба амниятӣ шахсӣ ва шарафу эътибор. Рушди бемайлоии фанновариҳои иттилоотӣ дар баробари осон намудани ғайриқонунӣ инсон дар тамоми самтҳо ҳамзамон таҳдидҳо ба амниятӣ шахсӣ ва шаъну шарафро рӯи қор овард. Шаъну шараф яке аз арзишҳои олиии иҷтимоӣ ва ҳам ҳуқуқии шахс ба шумор рафта, муайянкунандаи мавқеи ӯ дар ҷомеа ба шумор меравад. Паҳн намудани маълумоти бардурӯғ, тӯхмат ва таҳқир дар муҳити рақамӣ боиси қоста гардидани ин арзишҳо мегардад. Хусусияти муҳими муҳити рақамӣ дар он аст, ки иттилоот дар он бо суръати баланд, фарогирии васеъ ва аксаран бидуни назорати қофӣ паҳн мешавад. Ин омил эҳтимоли расонидани зарари ҷиддӣ ба шаъну шараф ва амниятӣ равонии шахсро зиёд менамояд.

Аз ҷиҳати ҳуқуқӣ, паҳн намудани маълумоти бардурӯғ ё таҳқиромез метавонад ҳамчун ҳуқуқвайронкунӣ ё ҷиноят эътироф гардад, агар он ба шаъну шараф ва обрӯи шахс зарари воқеӣ расонад. Дар муҳити рақамӣ ҷунин қирдорҳо шаклҳои гуногун мегиранд (бадномкунӣ, паҳн кардани маълумоти хусусӣ бидуни розигӣ ва ҳамлаҳои иттилоотии мақсаднок). Ин амалҳо метавонанд ба амниятӣ равонӣ, ғайриқонунӣ қасбӣ ва муносибатҳои иҷтимоии шахс таъсири манфӣ расонанд.

Ҷиҳати дигари масъала дар тавозуни байни озодии баён ва ҳифзи шаъну шараф зоҳир мегардад. Озодии баён яке аз арзишҳои муҳими ҷомеаи демократӣ мебошад, аммо он мутлақ нест ва набояд ба поймолшавии ҳуқуқи дигарон оварда расонад. Аз ин рӯ, давлат уҳдадор аст, ки механизми ҳуқуқии мутавозинеро роҳандозӣ намояд, ки ҳам озодии суҳан ва ҳам ҳифзи обрӯ ва амниятӣ шахсро таъмин намояд.

Таҳдид ба амниятӣ шахсӣ ва шаъну шараф дар муҳити рақамӣ хусусияти комплекси ба худ қасб намуда, ҷанбаҳои ҳуқуқӣ, иҷтимоӣ ва ахлоқиро дар бар

мегирад. Ҳалли самараноки он такмили қонунгузорӣ, баланд бардоштани фарҳанги ҳукуқии аҳоли ва истифодаи механизмҳои муосири ҳифзи иттилоотро талаб менамояд.

Рушди бемайлони фанновариҳои иттилоотӣ ҳамзамон ба яке аз ҳукуқҳои асосии инсон – ҳукуқ ба озодии суҳан таъсири манфӣ мерасонад. Тавре, А.Ғ. Холиқзода, Ғ.С. Сулаймонов ва Н.А. Холиқов ибраз мекунанд, яке аз масъалаҳои муҳимме, ки дар шароити рушди бегобарии иттилооти рақамӣ дар амалӣ шудани ҳукуқ ба озодии суҳан монеа эҷод мекунад ин ҳодисаҳои нава дар фази иттилоотӣ ҷиҳати расидан ба мақсадҳо ва ғаразҳои шахсии гурӯҳӣ ва ҷамъии иқтисодист. Аз зумраи ин ҳодисаҳои нава бо манфиат маҳлутшудаи фазои иттилоотӣ - ин иттилооти шикаста, мақсаднок инҳирофшуда, ғейқҳои интернетӣ ва амсоли инҳо мебошанд[14, с.78].

Тавре, аз талилҳо бармеоянд, чунин иттилоот асосан ҳадафмандона омода ва паҳн гардида, воқеиятро дигаргун месозанд ва ба нодуруст шакл гирифтани афкори ҷамъиятӣ оварда мерасонанд. Дар ин замина, истифодабарандагони фазои иттилоотӣ имконияти дастрасӣ ба маълумоти бозғаймӣ аз даст медиҳанд, ки ин ҳолат ба маҳдуд гардидани озодии суҳан мусоидат менамояд.

Истифодаи технологияҳои муосир барои паҳн намудани иттилооти манипулятивӣ ва таблиғоти ғаразнок боиси он мегардад, ки танҳо ҳукуқи баён, балки ҳукуқ ба гирифтани иттилооти бозғаймӣ низ зери таҳдид қарор мегирад.

Ба андешаи А.В. Манойло, «хабарҳои бардурӯғ иттилооти ҳадафмандона омодашудае мебошад, ки хусусияти иғвоангезӣ дошта, ба афкори ҷамъиятӣ таъсири манфӣ мерасонанд»[8, с.40].

Агар хабарҳои бардурӯғ аз ҷониби одамон ҳамчун иттилооти дуруст қабул гарданд, пас ҳуҷуми иттилоотиро нишонрас гуфтан мумкин аст. Гузашта аз ин, «дар шароитҳои мушаххас хабарҳои бардурӯғро барои даҳшатафканӣ, тарсонидани мардум, ташкил кардани бетартибҳои оммавӣ, ё ҳалалдор сохтани тартиботи ҷамъиятӣ, бадномкунии сиёсатмадорон, маъмурони давлатӣ ва ғайроти ҷамъиятӣ, тарғиби ғайриқонунии экстремистии террористӣ низ истифода мебаранд»[8, с. 40].

Терроризми иттилоотӣ ва кибертерроризм аз ҷумлаи дигари таҳдидҳо ва хатарҳо ба ҳукуқи инсон ба шумор мераванд. Р.Р. Газизов дуруст қайд менамояд, ки на танҳо дар ҷомеа, балки дар таҳқиқоти мутахассисон низ ин мафҳумҳо аксаран ба ҷои ҳамдигар истифода мешаванд ё ҳамчун муродиф ҳисобида мешаванд[5].

Бо вучуди мавриди таҳқиқоти амиқи илмӣ қарор гирифтани масъалаҳои мазкур, дар фазои илмӣ аксаран мафҳумҳои мазкур омехта мешаванд. Як гурӯҳи муаллифони онҳоро ҳамчун ҳаммаъно истифода менамоянд, ки сабаби асосии он дар истифодаи ҳарду мафҳум дар мавриди технологияҳои иттилоотӣ ба ҷашм мерасанд.

Ба андешаи мо, терроризми иттилоотӣ ба таъсиррасонӣ ба шуури одамон, паҳн кардани маълумоти бардурӯғ, тарғибот, воҳимаангезӣ ва бесуботсозии вазъи иҷтимоӣ тавассути воситаҳои иттилоотӣ равона гардида, ба равони инсон ва идеология таъсири манфӣ мерасонад. Кибертерроризм бошад, мақсадаш таъсири мустақим ба системаҳои компютерӣ, шабакаҳо ва инфрасохторӣ мебошанд.

Терроризми иттилоотӣ – диверсияи хатарноки раванӣ-интеллектуалӣ мебошад, ки бар зидди ҳолати муътадили тафаккури инсонҳо равона гардидааст[9]. Терроризми иттилоотӣ тавассути ирсоли иттилооти бардурӯғ амалӣ мегардад, то дар зехн одамон тасаввуроти зиддунақиз, эҳсосоти манфӣ ва дарки нодуруст ба вучуд оварда шавад[3].

Х.Қ. Сафарализода тағйироти ҷомеаи иттилоотиро таҳлил намуда, як қатор мушкилоте, ки онҳо барои ҷомеаҳои замони муосир эҷод менамоянд, нишон додааст. Якум, дар самти назарфиребии (манипулятсияи) ҷомеа барои нерӯҳои иҷтимоӣ сиёсӣ

имкониятҳои нав ба вучуд меоянд. Махсусан, чунин имкониятҳоро ҳизбу ҳаракатҳои экстремистию радикалистӣ ба таври васеъ истифода мебаранд. Дуюм, бинобар сабабе, ки аксари одамон мустақилона иттилооти бадастомадаро таҳлил карда наметавонанд, на танҳо дар зери таъсири ҳуҷумҳои иттилоотӣ қарор мегиранд, балки дар ҳомае кишри аз лиҳози иттилоотӣ осебпазир ба шумор мераванд, ки чунин ҳолат барои суботи сиёсии кишвар хеле хатарнок мебошад. Сеюм, талабот нисбат ба рӯзноманигори ва омӯзгори типӣ нав хеле зиёд мегардад. Зеро маҳз онҳо қодиранд, ки иттилооти зиёдро таҳлилу баррасӣ карда, ба ҳома иттилооти коркардшуда ва безарарро пешниҳод созанд, то ки дар ташаккули рафтори иҷтимоӣ сиёсии одамон тавонанд таъсири мусбат расонанд[12, с. 222-223].

Таҳдидҳо ба озодии баён ва рушди шахсият. Фанновариҳои иттилоотӣ мумкин аст бо мақсади назорат ва пайгирии оммавӣ истифода карда шаванд, ки ба озодии баён ва рушди шахсият таҳдидҳоро ба бор меоранд. Навҳои гуногуни таҳдидҳо ба ҳуқуқи инсон ба монанди назорат ва ҷамъоварии маълумот (таърихи тамошо дар браузер, таърихи харидҳо, таърихи ҷустуҷӯ, макон, маълумоти молиявӣ, маълумот дар бораи ҳолати саломатӣ ва ғ.) метавонад ба рушди муътадили шахсият монеа эҷод намояд. Тавре Мишел Бачелет қайд мекунад, «пойгоҳҳои маълумот метавонанд шарҳи муфассали афкор, ҳислати мо, муносибатҳои мо, пайдоиши иҷтимоӣ мо, маълумоти тиббӣ, вазъи молиявӣ мо ва ғайраҳо дар бар гиранд. Онҳо метавонанд тавассути равандҳои рақамӣ коркард ва арзёбӣ шаванд барои як қатор вазифаҳо бе ягон ҳисоботдихӣ; бе назорати дурусти натиҷаҳо; ва ҳатто бе огоҳии мо дар бораи он, ки чӣ рӯй медиҳад ва ки чунин пойгоҳҳои маълумот вучуд доранд»[10]. Ба чунин вайронкунии метавон ҳолатҳои зеринро дохил намуд: назорати мукотиба ва суҳбатҳои хусусии кормандон аз ҷониби ширкатҳо; даҳлати бадхоҳон ба фаъолияти сомонҳои интернетӣ; ҷорӣ намудани назорати видеоӣ оммавӣ аз ҷониби баъзе давлатҳо бидуни мувофиқа; нигоҳдории бемӯҳлати маълумоти шахсӣ аз ҷониби сохторҳои давлатӣ ва корпоративӣ, аз қабилҳои ангишт, намунаҳои ДНК ва дигар маълумоти биометрӣ[15].

Қонунгузори мавҷудаи ҚТ ба шахс имконият фароҳам овардааст то маълумоти хусусияти шахсидоштаро идора намояд. Дар м. 20 Қонуни ҚТ «Дар бораи иттилоот» чунин муқаррарот омадааст: «Ҷамъоварӣ, ҳифз, истифода ва паҳн намудани иттилоот оид ба ҳаёти шахсӣ, ҳамчунин иттилооте, ки сирри шахсӣ ва оилавӣ, махфияти гуфтушуниди телефонӣ, муросилоти почта, телеграф ва дигар маълумоти оид ба шахсиятро бидуни розигии ӯ ошкор месозад, ба истиснои ҳолатҳои пешбинишудаи қонунгузори Ҷумҳурии Тоҷикистон манъ аст. Ҳар як шахс ҳуқуқ дорад бо иттилооти доир ба ӯ ҷамъовардашуда шинос шавад. Иттилоот оид ба шахсият ба гурӯҳи иттилооти пинҳонӣ марбут буда, тибқи қонунгузори Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳифз карда мешавад»[1].

Дар раванди танзими мушкилоти мавҷуда дар самти таҳдидҳои иттилоотӣ ба ҳуқуқи инсон номукаммалии баъзе меъёрҳои қонунгузорӣ мушкилоти иловагиро ба бор меорад. Дар аксар маврид шаҳрвандон имконияти воқеӣ барои идора кардани истифодаи маълумоти шахсии худ, додан ё бозпас гирифтани розигӣ барои коркарди он надоранд.

Аз ин рӯ, таҳдидҳои иттилоотӣ вобаста ба назорати рақамӣ на танҳо масъалаи ҳифзи маълумоти шахсӣ, балки масъалаи ҳифзи ҳуқуқ ба озодии баён ва рушди озодаи шахсият низ ба шумор мераванд. Барои пешгирии чунин хатарҳо тақмили қонунгузорӣ дар соҳаи ҳифзи маълумоти шахсӣ, таъмини шаффофияти истифодаи

технологияҳои назоратӣ ва баланд бардоштани масъулияти давлат ва ширкатҳои хусусӣ дар самти ҳифзи ҳуқуқи озодиҳои инсон дар муҳити рақамӣ аҳамияти муҳим доранд. Танҳо дар чунин шароит метавон мувозинати заруриро миёни истифодаи технологияҳои муосир ва ҳифзи ҳуқуқи бунёдии инсон таъмин намуд.

Таҳдидҳо ба ҳуқуқ ба ҳифзи маълумоти шахсӣ. Ҳуқуқ ба ҳифзи маълумоти шахсӣ ҳамчун ҷузъи таркибии ҳуқуқ ба даҳлатнопазирии ҳаёти шахсӣ баррасӣ мегардад. Рушди технологияҳои рақамӣ ва паҳншавии платформаҳои интернетӣ боиси он гардидааст, ки дар он маълумоти шахсӣ ба манбаи асосии арзиши иқтисодӣ табдил меёбад. Дар чунин низом, субъектҳои давлатӣ ва хусусӣ бо истифода аз алгоритмҳои таҳлили додаҳо рафтор, афзалият ва ҳатто эътиқодоти шахсро пешгӯӣ ва таъсиргузорӣ мекунанд. Ин ҳолат на танҳо ба даҳлатнопазирӣ, балки ба ҳуди моҳияти озодии инсон таҳдид мекунанд.

Хулосаи илмӣ аз он иборат аст, ки таҳдидҳо ва хатарҳои иттилоотӣ ба ҳифзи маълумоти шахсӣ на танҳо масъалаи техникӣ, балки масъалаи сохтории низоми муосири иҷтимоӣ ва ҳуқуқӣ мебошанд. Онҳо зарурати таҷдиди концепсияи анъанавии даҳлатнопазирӣ, таҳкими механизмҳои байналмилалӣ танзим ва мутобиқсозии қонунгузори миллӣ ба талаботи ҷомеаи рақамиро ба миён мегузоранд.

Яке аз ҷиддӣ вайроншавиҳои ҳуқуқи инсон дар шароити рақамисозӣ ихроҷи маълумоти шахсӣ мебошад. Ин мушкилот ба технологияҳои коркарди маълумот вобаста аст, ки муҳити рақамиро ба вучуд оварда, ба давлатҳо ва ширкатҳои тижоратӣ имкониятҳои васеъ фароҳам меорад, то рафтори одамонро пайгирӣ, таҳлил, пешгӯӣ ва ҳатто идора намоянд. Онҳо метавонанд барои шаъну шарафи инсон, мустақилияти шахсӣ ва даҳлатнопазирии ҳаёти хусусӣ, инчунин барои татбиқи ҳуқуқҳои инсон дар маҷмӯъ хавфҳои ҷиддӣ ба вучуд оваранд, агар онҳо бе қафолатҳои муассири ҳуқуқӣ истифода шаванд.

Ба андешаи Ю.А. Чернышова мубрамияти масъалаи ҳифзи ҳуқуқи инсон дар шароити рушди ҷомеаи иттилоотӣ, пеш аз ҳама, дар набудани концепсияи мукаммали тадбирҳои ҳуқуқии муқовимат ба таҷовуз ба ҳуқуқи инсон, инчунин дар нокифоя будани танзими қонунгузорӣ ва набудани фаҳмиши ягонаи меъёрҳои ҳуқуқӣ дар доктрина ва амалияи татбиқи ҳуқуқ зоҳир мегардад [16].

Тавре, Комиссари олии СММ оид ба ҳуқуқи инсон М. Бачелет 14 сентябри с. 2021 дар ҷаласаи Кумитаи масъалаҳои ҳуқуқӣ ва ҳуқуқи инсонии Ассамблеяи парлумонии Шурои Аврупо изҳор дошт: «Сатҳи бесобиқаи назорат дар саросари ҷаҳон аз ҷониби субъектҳои давлатӣ ва хусусӣ бо ҳуқуқи инсон мувофиқат намекунад. Бисёре аз мо аксаран намедонем, ки чӣ қадар маълумот дар бораи паҳлуҳои гуногуни ҳаёти мо ҷамъоварӣ, коркард, истифода ва паҳн карда мешавад» [2]. Қобилияти ҳифзи ҳаёти шахсӣ низ бояд аз нав баррасӣ шавад, зеро «равшан зиддият миёни талабот ба ҳифзи маълумоти шахсӣ ва ноқобилияти воқеӣ барои таъмин кардани он бо сабаби пайдоиши чунин маълумот дар Интернет» вучуд дорад [13, с. 117-149].

Бо дарназардошти таҳлилҳои илмӣ дар самти коҳиш додани таҳдидҳо ва хатарҳои иттилоотӣ ба ҳуқуқи инсон зарур аст, ки масъалаҳои зерин мавриди коркард ва танзим қарор дода шавад: тақмили қонунгузорӣ дар соҳаи амнияти иттилоотӣ; баланд бардоштани фарҳанги ҳуқуқӣ ва рақамии аҳоли; таҳкими механизмҳои ҳифзи маълумоти шахсӣ; таъмини шаффофияти фаъолияти платформаҳои рақамӣ.

Ҳамин тавр, хулоса баровардан мумкин аст, ки рушди бесобиқаи фанновариҳои иттилоотӣ ва вобастагии инсон аз онҳо дар баробари имкониятҳои васеъ, ҳамзамон таҳдидҳо ва хатарҳои навро низ ба миён меорад. Нигоҳдории мувозинат миёни

рушди фанновариҳои иттилоотӣ ва хифзи ҳуқуқу озодиҳои инсон яке аз самтҳои асосии сиёсати ҳуқуқии кишвар ба шумор меравад.

Рӯйхати адабиёти истифодашуда:

1. Қонуни ҚТ «Дар бораи иттилоот» //Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с. 2002, №4, қ. 2, мод. 320; с. 2012, №7, мод. 698.
2. Statement by United Nations High Commissioner for Human Rights, Michelle Bachelet. 14 September 2021 (Заявление Верховного комиссара ООН по правам человека Мишель Бачелет 14 сентября 2021 г.). URL: <https://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=27455&LangID=E> (дата обращения: 20.10.2021).
3. Антюхов В.И., Жуков Ю.И., Кадулин В.Е., Примакин А.И. Информационный терроризм: прошлое, настоящее и будущее. — СПб.: МВД России, 2000.
4. Баринов С.В. О правовом определении понятия «информационная безопасность личности» // Актуальные проблемы российского права. 2016. – № 4 (65). – С. 87 -102.
5. Газизов Р.Р. Информационный терроризм. Материалы международной научно-практической конференции 16—17 октября 2003 года. Часть I. — Уфа: РИО БашГУ, 2003.
6. Зорькин В. Д. Современный мир, право и Конституция. – М., 2010.
7. Калятин В.О. Дипфейк как правовая проблема: новые угрозы или новые возможности? // Закон. - 2022.- № 7. – С.81 - 94.
8. Манойло, А.В. «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного воздействия [Текст] / А.В. Манойло // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2019. –№2. – С.31 -40.
9. Материалы конференции 6 апреля 2005 г. на третьем международном конгрессе по борьбе с киберпреступностью в Лондоне // РИА «Новости» // www.rian.ru
10. Права человека в новую эпоху // Выступление Верховного комиссара ООН по правам человека Мишель Бачелет в Женевском университете 14 ноября 2018 г. URL: <https://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=23874&LangID=R> (дата обращения: 10.02.2026).
11. Рукавишникова рассказала, из чего будет состоять Цифровой кодекс России // Официальный сайт «Парламентская газета» https://www.pnp.ru/politics/rukavishnikova-rasskazala-iz-chego-budet-sostoyat-cifrovoy-kodeks-rossii.html?utm_source=rfinanc
12. Сафарализода Х.Қ. Таҳдидҳои замони муосир ва таъсири онҳо ба суботи сиёсии Ҷумҳурии Тоҷикистон: дисс. ... д.и.с. – Душанбе, 2024.
13. Талапина Э.В. Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в европейском контексте // Труды Института государства и права РАН. - 2018.- № 5.- С. 117-149.
14. Холиқзода А.Ғ., Сулаймонов Ф.С., Холиқов Н.А. Иттилооти рақамӣ ва мушкилоти илми ҳуқуқ (аз қаринаи ҳуқуқ ба озодии сухан ва манфиатҳои миллӣ). Монография / Зери таҳрири доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор Холиқзода А.Ғ. – Душанбе: «ЭР-граф», 2025. – 224с.
15. Цифровые права в контексте норм международного права. Сайт: Ассоциация юристов России. URL: <https://alrf.ru/articles/tsifrovye-prava-v-kontekste-aktualnykh-norm-mezhdunarodnogo-prava/> (Дата обращения: 11.03.2026)

16. Чернышева Ю.А. Права человека в условиях цифровизации общества. // Психология и право. - 2019. Том. 9, №4. С.90–102 // Портал психологических изданий: PsyJournals.ru — https://psyjournals.ru/psyandlaw/2019/n4/Chernysheva_full.shtml (Дата обращения: 21.02.2026)

17. Гаюрзода Ш. К. Право на анонимность: некоторые вопросы гражданского права. // «Современные тенденции правового обеспечения устойчивого развития, цифровизации и искусственного интеллекта»: матер. межд. конф., от 16. 04. 2026г. – Душанбе, 2026. – 282с. – С. 43 – 50.

Муқарризи мақола Раҳмон Д.С. – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор.

УДК: 341. 231

**ОИД БА БАЪЗЕ МАСЪАЛАҲОИ ТАСНИФОТИ ҲУҚУҚҲОИ ШАҲРВАНДӢ ДАР
САМТИ ИМПЛЕМЕНТАТСИЯИ МЕЪЁРҲОИ ПАЙМОНИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ
ОИД БА ҲУҚУҚҲОИ ШАҲРВАНДӢ ВА СИЁСӢ ДАР ҚОНУНГУЗОРИИ
ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН**

Қодиркулов Хуршед Раҳмонович,

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, факултети ҳуқуқшиносӣ, кафедраи ҳуқуқи байналмилалӣ,
дотсент, номзоди илмҳои ҳуқуқшиносӣ. E-mail: khurshed.inis@gmail.com,

Давлатзода Азиза Баҳридин,

Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, Институти давлат ва ҳуқуқ, докторант PhD курси 3.
E-mail: davlatzoda_aziza00@mail.ru

Фишурда. Дар мақолаи мазкур масъалаҳои мушаххаси марбут ба таснифоти ҳуқуқҳои шаҳрвандӣ ва сиёсӣ дар заминаи татбиқи Паймони байналмилалӣ оид ба ҳуқуқҳои шаҳрвандӣ ва сиёсӣ дар низоми ҳуқуқи Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳлил карда шудааст. Дар он равишҳои назариявӣ ва ҳуқуқӣ ба мафҳум ва мундариҷаи ҳуқуқҳои шаҳрвандӣ мавқеи онҳо дар низоми ҳуқуқ ва озодиҳои асосии инсон ва шаҳрванд ва хусусиятҳои таҳкими онҳо дар қонунгузори миллии баррасӣ мешаванд. Таваҷҷуҳи махсус ба робитаи байни уҳдадориҳои байналмилалӣ ҳуқуқи Ҷумҳурии Тоҷикистон ва меъёрҳои конституционӣ ва ҳуқуқӣ, механизмҳои татбиқи мустақим ва ғайримустақими муқаррароти Паймон ва амалияи татбиқи онҳо дар мақомоти ҳифзи ҳуқуқ зоҳир карда мешавад.

Калидвожаҳо: ҳуқуқи шаҳрвандӣ, Паймони байналмилалӣ оид ба ҳуқуқҳои шаҳрвандӣ ва сиёсӣ, таснифоти ҳуқуқҳо, татбиқи ҳуқуқи байналмилалӣ, ҳифзи ҳуқуқи инсон, қонунгузори Ҷумҳурии Тоҷикистон, механизмҳои байналмилалӣ ҳифзи ҳуқуқҳо, татбиқи меъёрҳои дохилӣ, ҳуқуқ ва озодиҳои инсон, назорати риояи ҳуқуқҳо, уҳдадори давлатӣ.

Некоторые вопросы классификации гражданских прав при имплементации норм международного Пакта о гражданских и политических правах в законодательстве Республики Таджики-

-кистан

Кодиркулов Хуршед Рахмонович,

Таджикский национальный университет, юридический факультет, кафедра международного права, доцент, кандидат юридических наук. E-mail: khurshed.inis@gmail.com,

Давлатзода Азиза Бахридин,

Национальная академия наук Таджикистана, Институт государства и права, докторант PhD 3 курс. E-mail: davlatzoda_aziza00@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу отдельных проблем классификации гражданских прав в контексте имплементации норм Международного пакта о политических и гражданских правах в правовой системе Республики Таджикистан. Рассматриваются теоретико-правовые подходы к понятию и содержанию гражданских (личных) и политических прав, их место в системе основных прав и свобод человека и гражданина, а также особенности их закрепления в национальном законодательстве. Особое внимание уделяется вопросам соотношения международно-правовых обязательств Республики Таджикистан с конституционно-правовыми нормами, механизмам прямого и опосредованного действия положений Пакта, а также практике их реализации в правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: политическое права, Международный пакт о гражданских и политических правах, классификация прав, имплементация международного права, защита прав человека, законодательство Республики Таджикистан, международные механизмы защиты прав, внутригосударственное применение норм, мониторинг соблюдения прав, обязанность государства.

On some issues of classification of civil rights in the implementation of the international covenant on civil and political rights in the legislation of the Republic of Tajikistan

Qodirqulov Khurshed Rahmonovich,

Tajik National University, Faculty of Law, Department of International Law, associate Professor, Candidate of Legal Sciences . E-mail: khurshed.inis@gmail.com,

Davlatzoda Aziza Bahridin,

National Academy of Sciences of Tajikistan, Institute of State and Law, PhD doctoral student, 3rd year. E-mail: davlatzoda_aziza00@mail.ru

The summary. This article analyzes specific issues related to the classification of civil and political rights in the context of the implementation of the International Covenant on Civil and Political Rights in the legal system of the Republic of Tajikistan. It examines theoretical and legal approaches to the concept and content of civil (personal) and political rights, their place in the system of fundamental human and civil rights and freedoms, and the specifics of their enshrinement in national legislation. Particular attention is paid to the relationship between the international legal obligations of the Republic of Tajikistan and constitutional and legal norms, the mechanisms for the direct and indirect

application of the Covenant's provisions, and the practice of their implementation in law enforcement.

Keywords : civil rights , International Covenant on Civil and Political Rights, rights classification, implementation of international law , human rights protection, legislation of the Republic of Tajikistan, international human rights mechanisms . domestic application of norms. monitoring of rights, compliance state obligation.

Дар шароити муосири рушди ҳуқуқи байналмилалӣ мушкилоти таносуби шартномаҳои байналмилалӣ дар соҳаи ҳуқуқи инсон ва қонунгузории миллии давлатҳо аҳамияти махсус пайдо мекунад. Татбиқи самараноки ҳуқуқ ва озодиҳои инсон аз он вобаста аст, ки меъёрҳои шартномаҳои байналмилалӣ то чӣ андоза пурра ва пайваста ба низоми ҳуқуқии миллий имплементатсия карда мешаванд. Дар байни санадҳои байналмилалӣ Паймони байналмилалӣ оид ба ҳуқуқҳои шаҳрвандӣ ва сиёсӣ ҷойгоҳи махсусро ишғол мекунад, ки ҳуқуқ ва озодиҳои бунёдии шахсро мустақкам мекунад ва уҳдадориҳои давлатҳои иштирокчиро оид ба таъмин ва ҳимояи онҳо муқаррар мекунад. Ҷумҳурии Тоҷикистон (ҚТ) ба Паймони мазкурро аз соли 1999 ҷамроҳшуда, уҳдадориҳои ҳуқуқии байналмилалиро оид ба мутобиқ гардонидани қонунгузории миллий ба муқаррароти он ба зимма гирифтааст.

Дар ҳошияи мақолаи мазкур, мо ба таври пурра таносуби ҳуқуқҳои шаҳрвандиро бо Паймони байналмилалӣ оид ба ҳуқуқҳои шаҳрвандӣ ва сиёсӣ (ПБҲШС) дар қонунгузории миллий пурра таҳқиқ карда наметавонем, аз ин лиҳоз мо баъзе масъалаҳои таносуби ҳуқуқи шаҳрвандиро (шахсиро) мавриди баррасӣ қарор додем.

Нақши шартномаҳои байналмилалиро м. 10 Конститутсияи ҚТ муайян кардааст. "Санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ, ки Тоҷикистон онҳоро эътироф кардааст, қисми таркибии низоми ҳуқуқии ҷумҳурӣ мебошанд. Дар сурати номутобиқат будани байни қонунҳои ҷумҳурӣ ва санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ эътирофгардида, меъёрҳои санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ татбиқ карда мешаванд"[6,с.5.]. Лозим ба таъкид аст, ки санадҳои байналмилалӣ оид ба ҳуқуқи инсон, ки Тоҷикистон онҳоро эътироф кардааст, расман ҷузъи ҷудонашавандаи низоми ҳуқуқии Тоҷикистон мебошанд. Дар м. 4 Қонуни ҚТ «Дар бораи шартномаҳои байналмилалӣ» аз соли 2016 [16], омадааст, ки санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ, ки ҚТ онҳоро эътироф кардааст, ҷузъи таркибии низоми ҳуқуқии он мебошанд.

Ҳамин тариқ, татбиқи тамоми муқаррароти ин ҳуҷҷат барои ҷумҳурӣ ҳатмӣ мебошад. Дар маъхазҳои таълимию илмӣ яке аз масъалаҳои калидӣ - ин таснифи ҳуқуқи инсон ва ташаккули рушди ҳуқуқҳои шаҳрвандӣ ва сиёсӣ дар ҚТ, дар робита бо имплементатсияи санадҳои ҳуқуқи байналмилалӣ мебошанд. Дар ин асно, дар адабиётҳои ҳуқуқӣ оид ба ин масъала назару андешаҳои гуногуни олимону муҳаққиқон ба назар мерасанд.

Ба андешаи А. И. Ковлер "ҳамаи намуди таснифот шартӣ буда, вале метавонад ҳамчун олооти муҳим баҳри таҳқиқи масъалаҳои ҳуқуқӣ хизмат намояд "[4, с.381.]. Ҳамзамон, А. В. Шавсова бар он ақидааст, ки мавҷудияти гуногуни ҳуқуқ ва озодиҳои инсон имкон медиҳад, ки онҳоро ба асосҳои гуногун, вобаста ба мақсад ва ҳадафи гузошташуда тасниф намуд[13,с.35.]. Вобаста ба ин чунин мешуморем, ки таснифи ҳуқуқи инсон ва шаҳрванд хусусияти шартӣ ва аломатҳои ба худ хос доранд, яъне ба фарди муайяне нигаронида шудаанд.

Моҳиятан ҳамаи ҳуқуқҳои инсон (маданӣ, иҷтимоӣ, иқтисодӣ ва ғайра), ҳамчун ҳуқуқҳои шахсӣ маҳсуб меёбанд, чунки онҳо ба шахсияти инсон тааллуқ доранд. Аммо ҳангоми таснифоти ҳуқуқҳои инсон ба гурӯҳҳои муайян, ҳуқуқҳои шахрвандӣ баҳри нишон додани хусусиятҳои онҳо ва тафовут гузоштани онҳо аз ҳуқуқҳои дигар чудо карда мешаванд. Сарфи назар аз ин тақсимоат, онҳо бо ҳам тавъаманд ва вобастаанд. Дар ин ҳусус А.Имомов дуруст кайд мекунад, ки низоми ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шахрванд ҳамчун як шакли воҳид амал карда, соҳаҳои гуногуни ҳаёти ҷамъиятии инсон ва шахрвандро танзим менамояд. Бинобар ин тақсим ба ҳуқуқҳои шахсӣ ва сиёсӣ низ шартӣ аст, зеро ҳуқуқҳои шахрвандӣ ва сиёсӣ баъзан аз ҳамдигар ҷудонашавандаанд ва ба ҳамдигар ворид мешаванд. Ҳамин тавр, озодии ҳаракатро метавон ба ҳуқуқҳои шахсӣ, сиёсӣ ва иқтисодии инсон нисбат дод, ё озодии суҳанро метавон ба ҳуқуқҳои шахсӣ ва сиёсӣ ва ғайра нисбат дод. Таҳлили ҳар як ҳуқуқ аз рӯи мансубият мақсади таҳқиқоти мо нест ва аз ин рӯ, дар ин кор шартӣ будани тақсимоат асосан хусусияти техникӣ дорад[3,с.66.].

А.И. Ковлер бо омузиши проблемаҳои муносибати байни ҳуқуқҳои шахсии инсон ва дигар ҳуқуқҳо ва назару ақидаи олимони дар ин мавзӯ мафҳуми зерини ҳуқуқи шахсӣ (шахрвандӣ)-ро медиҳад: "Ҳуқуқҳои шахсӣ (ҳуқуқҳои насли аввал) барои таъмини озоӣ ва мустақилияти шахс ҳамчун узви ҷомеаи шахрвандӣ, ҳифзи ҳуқуқи ӯ аз ҳар гуна даҳлати ғайриқонунии беруна пешбинӣ шудаанд. Асоси табиӣ ва ҳадафи асосии ҳуқуқи шахрвандӣ таъмини афзалияти шахсият, дастурҳои дохилӣ барои рушди ҳар як фард мебошад. Ин намуди ҳуқуқҳо аз он иборат аст, ки давлат озодии шахсро дар соҳаи муайяни муносибатҳо, ки ба ихтиёри шахс дода шудааст, эътироф мекунад ва объекти даъвои давлат шуда наметавонад. Ин ҳуқуқҳо, ки хусусияти ҳар як фард буда, барои ҷимояи ҳуқуқӣ фазои амали манфиатҳои шахсӣ, кафолати имкониятҳои худмуайянкунии инфиродӣ ва худтаъминкунии шахсият даъват карда шудаанд"[4, с.382.]. Илова бар ин, ҳуқуқ ва озодиҳои шахсро метавон ҳамчун манфиатҳо, арзишҳо ва имкониятҳои шахс маънидод кард, ки ӯро аз даҳлати ғайриқонунӣ, аз ҳад зиёд ва беасос ба ҳаёт ва озодии шахсии ӯ ҳифз мекунанд ва барои таъмини мустақилияти шахс пешбинӣ шудаанд.

Дар адабиёти илмӣ тафсирҳои гуногуни ҳуқуқҳои шахсӣ мавҷуданд. Аксар вақт, ҳуқуқҳои шахсро ҳамчун ҳуқуқҳои узви ҷомеаи шахрвандӣ дар муносибатҳои он бо давлат шарҳ медиҳанд. Чунончи, Е. А. Лукашева ҳуқуқҳои шахсро ҳамчун "ҳуқуқҳои, ки барои таъмини озоӣ ва мустақилияти шахс ҳамчун узви ҷомеаи шахрвандӣ, ҳифзи ҳуқуқи ӯ аз ҳама гуна даҳлати ғайриқонунии беруна пешбинӣ шудаанд", мефаҳмад[7,с.142.]. Чунин баҳодиҳии ҳуқуқҳои шахсӣ аз он вобаста аст, ки онҳо новобаста аз шахрвандии ӯ (муносибати ҳуқуқӣ бо давлат) ба шахс тааллуқ доранд. Ба ибораи дигар, ҳуқуқҳои шахсӣ дар сатҳи ҳуқуқи байналмилалӣ ва миллий ҳамчун ҳуқуқҳои воқеан мавҷуда, табиӣ (модарӣ ва ҷудонашаванда), ки ба ҳар як фард ҳамчун шахс, шахсият тааллуқ доранд, эътироф карда мешаванд.

Б.А. Сафарзода ба он ақида мебошад, ки ҳуқуқҳои шахрвандӣ мансубият ба ҳар як шахс буда, сарфи назар аз вожаи «шахрвандӣ» доштани он, пайвастагии бевосита бо мансубияти шахс ба ташкилоти муайяни давлатӣ робитаи мустақим надоранд ва аз он бар намеоянд. Ҳуқуқҳои шахрвандӣ нисбат ба ҳама гуна субъекти ҳуқуқ, новобаста аз шахрвандӣ, ҷинс, синну сол, наҷод, мансубияти этникӣ ва динӣ ҳамчун табиатан ва

дахлнопазир эълон карда мешаванд. Мавҷудияти ҳуқуқҳои шахрвандӣ аз зарурати ҳифзи ҳаёт, шаъну шараф ва озодии шахс вобаста аст[11, с.48.].

Ҳуқуқҳои шахсӣ ё ба таври дигар маданӣ - маҷмӯи ҳуқуқ ва озодиҳои асосии табиӣ ва ҷудонашавандае мебошанд, ки ба инсон аз лаҳзаи таввалуд тааллуқ дошта ва тобеият доштани ӯ ба ин ё он давлат вобастагӣ надорад[2]. И.И. Саидов ба он ақида мебошад, ки “ҳуқуқ ва озодиҳои шахсиро метавон ҳамчун неъматҳо, арзишҳо ва имкониятҳои инсон тавсиф намуд, ки ӯро аз даҳолати ғайриқонунӣ, аз ҳад зиёд ва беасос ба ҳаёти шахсӣ ва озодии ӯ ҳифз намуда, барои таъмини мустақилияти шахс хизмат мекунанд”[10,с.47.].

Дар баробари ин, ҳуқуқҳои сиёсӣ аз ҳуқуқҳои шахсӣ бо он фарқ мекунанд, ки онҳо бо шахрвандии ин ё он давлат алоқамандии зич доранд ва мутобиқан иштироки шахрвандонро дар ҳаёти иҷтимоӣ сиёсии кишвар муайян мекунанд. Аммо ҳуқуқҳои маданӣ (шахсӣ) бошад, ба давлат ва ё мансубияти дигар алоқамандӣ надошта, онҳо аз лаҳзаи таввалуд то ба марг ба инсон тааллуқ доранд.

Пеш аз ҳама, биед дар бораи муқаррароти м. 2 ПБҲШС таваққуф кунем, ки тибқи он Тоҷикистон ҳамчун иштирокчии Паймон вазифадор аст, ки ба ҳамаи ашхоси дар ҳудуди худ ва таҳти салоҳияти худ ҳуқуқҳои дар Паймон эътирофшударо, сарфи назар аз ҳама гуна тафовутҳо таъмин намояд; вазифадор аст тамоми чораҳои конститусиониро бинад; ба ҳар як шахсе, ки ҳуқуқу озодиҳои ӯ поймол карда мешавад, сарфи назар аз мавқеи хизмати вайронкунандагон, воситаҳои самарабахши ҳифзи ҳуқуқиро, ки мақомоти салоҳиятдор мутобиқи қонунгузории дохилии давлат муқаррар кардаанд, таъмин намояд.

Бояд дар назар дошт, ки бар хилофи Паймон дар бораи ҳуқуқҳои иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангӣ, ки иҷроӣ онро вобаста ба захираҳои мавҷуда тақозо мекунад, ПБҲШС бошад, уҳдадориҳои фавриро оид ба эҳтиром ва таъмини ҳуқуқҳои дар он эълоншуда ва андешидани чораҳои қонунгузорӣ ва дигар чораҳои заруриро барои ноил шудан ба натиҷаҳо тақозо менамояд. Маҳз дар асоси моддаи 2, яъне муқаррароти умумӣ дар бораи хусусияти уҳдадориҳои Тоҷикистон ҳамчун узви Паймон, тибқи ПБҲШС, дараҷаи иҷроӣ уҳдадориҳои кишвар оид ба эҳтироми ҳуқуқҳои шахрвандӣ дар қонунгузории кишвар баррасӣ карда мешавад[8].

Мутобиқи м. 6 ПБҲШС, ҳар як инсон ҳуқуқи ҷудонашавандаи зиндагӣ дорад ва онро қонун ҳифз мекунад ва онро худсарона аз он маҳрум кардан мумкин нест. Паймон аз давлатҳои узв талаб намекунад, ки ҳукми қатлро бекор кунанд. Ҳукми қатл метавонад танҳо дар асоси ҳукми ниҳии суди салоҳиятдор иҷро карда шавад. Шахсе, ки ба марг маҳкум шудааст, бояд ҳуқуқи авф ё иваз кардани ҷазоро дошта бошад. Ҳукми қатлро нисбати ашхоси то 18-сола ва нисбат ба занони ҳомила татбиқ кардан мумкин нест.

Дар моддаи мазкури Паймони байналмилалӣ оид ба ҳуқуқҳои шахрвандӣ ва сиёсӣ сабт шудааст, инчунин давлат уҳдадор мешавад, ки барои коҳиш додани ғавти қудакон ва пешгирӣ аз муноқишаҳои мусаллаҳона чораҳои дарозмуддат андешад. Баъзе ҳуқуқҳо, аз қабилӣ манъи таблиғи ҷанг ва тарғиби кинаю адовати миллӣ, наҷодӣ ва динӣ (м. 20) асосан ба таври уфуқӣ амал мекунанд ва аз давлат талаб мекунанд, ки доираи васеи чораҳои муҳофизатӣ барои пешгирии нақзи ин ҳуқуқҳо аз ҷониби шахсони алоҳида андешад. Ҳуқуқҳои дигар, аз қабилӣ ҳуқуқ ба муҳокимаи одилона (м. 14), эътирофи ҳар як инсон ҳамчун субъекти ҳуқуқӣ (м. 16), ҳимояи ақди никоҳ ва оила

(м.23) ё кафолатҳои ҳуқуқҳои сиёсӣ (м. 25) таъмини ҳифзи институтсионалиро тавассути таъмини кафолатҳои мурофиавӣ ва таъсиси институтҳои махсуси ҳуқуқӣ талаб мекунад.

Кафолатҳои конституционии ҳуқуқ ба ҳаёт дар м. 5 Конститутсияи ҚТ муқаррар карда шудаанд. М. 18-и Конститутсия манъи маҳрум кардан аз ҳаётро ба истиснои ҷинояти махсусан вазнин ва бо ҳукми суд, ки бояд босалоҳият, мустақил ва бегаразона бошад, манъ мекунад. Дар қонунгузориҳои ҷиноии Тоҷикистон ҷазои қатл барои ҷиноятҳои зерин пешбинӣ шудааст: куштор (м. 104, қ. 2), таҷовуз ба номус (м. 138, қ. 3), терроризм (м. 179, қ. 3), истехсол ё паҳн кардани силоҳи қатли ом (м. 398) ва генотсид (м. 399)[5].

М. 37-и Кодекси тандурустӣ чораҳои муайян кардани лаҳзаи марги шахс аз ҷониби кормандони соҳаи тибро пешбинӣ мекунад, дар ин модда инчунин муқаррароти манъи эвтаназия мавҷуд аст: «Ба кормандони соҳаи тиб иҷроии эвтаназия манъ аст». Чунин амалҳо иҷроии дархости бемори бемор дар бораи тезонидани лаҳзаи марг тавассути амалҳо ё усулҳои мушаххас, аз ҷумла ҷудо кардани системаҳои таъминоти сунъии ҳаёт ҳисобида мешаванд. Шахсе, ки дидаю доништа беморро ба эвтаназия водор мекунад, тибқи қонунгузориҳои Тоҷикистон ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида мешавад.

Эътироф кардан лозим аст, ки қоидаҳои Кодекси тандурустӣ ва Кодекси ҷиноятӣ, аз ҷумла бо назардошти манъи эвтаназия, ки дар қонун пешбинӣ шудааст, ҳамчун кирдори алоҳидаи ҷиноятӣ мутобиқ карда шаванд. Қонунгузориҳои ҷиноӣ меъёреро дар бар намегирад, ки ҷавобгариро барои эвтаназия пешбинӣ мекунад. Аз ин рӯ, тибқи муқаррароти Паймон зарур аст, ки ба КҶ ҚТ, м. 104 мазмуни зерин ворид карда шавад: «Эвтаназия қонунгардонидани дархости бемор дар бораи тезонидани марги ӯ бо ҳар гуна амал ё васила, аз ҷумла қатъи чораҳои сунъӣ барои нигоҳ доштани ҳаёт ҷазо дода мешавад...»[15]. Мавриди тазаккур аст, ки ҳукми қатл дар ҚТ ба таври де-юре мавҷуд буда, соли 2004 маратория эълон гардид, то кунун чунин шакли ҷазо дар амал татбиқ карда нашудааст[9].

Мутобиқи м. 7-и ПБҶШС, ҳеҷ кас набояд таҳти азият ё муомила ва ҷазои саҳт, ғайриинсонӣ ё таҳқиркунандаи шаъну шараф ӯ қарор гирад. Ягон шахс набояд бидуни ризоияти озодонаи ӯ таҳти таҷрибаҳои тиббӣ ё илмӣ қарор дода шавад. Муқаррароти мазкур бо талаботи мусбати дар қ. 1 м. 10 Паймон зикршуда пурра карда шудааст, ки талаботи муносибати инсондӯстона ва эҳтиромонаро мувофиқи шаъну шарафи инсон нисбат ба ашхоси аз озодӣ маҳрумшуда инъикос менамояд.

Илова ба м. 18 ва 47 Конститутсияи ҚТ, ки дахлнопазирии шахс ва ғайри қобили қабул будани муносибати бераҳмона ва ғайриинсониро кафолат медиҳанд, манъи озмоишҳои зӯроварии тиббӣ ва илмӣ дар дигар санадҳои ҳуқуқӣ низ пешбинӣ шудааст.

А.Имомов зимни омузиши ин масъала аҳамияти конституционии ин ҳуқуқро кайд мекунад. Принципҳои конституционӣ дар КҶ ҚТ, Кодекси мурофиавии ҷиноятӣ ҚТ (КМҶ ҚТ) ва Кодекси иҷроии ҷазои ҷиноятӣ (КИҶ ҚТ) муайян карда шудаанд [3,с.66.].

Тавре ки мебинем, қонунгузориҳои Тоҷикистон дар бораи манъи шиканча хеле фарогир аст, аммо ба ҳар ҳол меъёрҳои номбаршуда барои риояи уҳдадорӣҳои давлат аз рӯи тамоми талаботи м. 7 ПБҶШС кофӣ нестанд. Аз ҷумла, КҶ шиканчаро таъриф мекунад, вале тафсири "муомилаи бераҳмона, ғайриинсонӣ ва таҳқиркунандаи шаъну шараф"-ро надорад. Ҳимоя аз шиканча ва муомила, ки дар м. 7 Паймон пешбинӣ

шудааст, дар сатҳи миллӣ маҳдуд буда, донишҷӯён ва беморони муассисаҳои тиббиро дар бар намегиранд.

М. 18-и Паймон ҳуқуқи ҳар касро ба озодии ақида, вичдон ва дини интихобкардаи худ, бидуни маҷбурӣ, инчунин озодии инфиродӣ ё дар якҷоягӣ бо дигарон, ошкоро ё хусусӣ барои эътиқод ба дин ё эътиқоди худ эълон мекунад. Маҳдудиятҳоро танҳо дар қонун муқаррар кардан мумкин аст. Онҳо барои ҳифзи амнияти ҷамъиятӣ, тартибот, саломатӣ ё ахлоқ ё ҳуқуқу озодиҳои асосии дигарон заруранд.

Дар м. 26 Конститутсияи ҚТ омадааст, ки ҳар як шахс ҳуқуқ дорад мустақилона дар бораи эътиқоди динии худ қарор қабул кунад ва ҳар гуна динро дар алоҳидагӣ ва ё якҷоя қабул намояд, инчунин ҳуқуқи иштирок дар оинҳо, расму оин ва маросимҳои динӣ дорад.

Қонуни ҚТ «Дар бораи озодии вичдон ва иттиҳодияҳои динӣ» [14] ба шахрвандон ҳуқуқҳои зеринро медиҳад: ҳуқуқи озодона муайян кардани муносибати худ ба дин - ҳуқуқи пайравӣ кардан ё пайравӣ накардан ба ягон дин дар алоҳидагӣ ё дар ҷомеа, баён ва паҳн кардани эътиқоди динӣ; ҳуқуқи падару модар ё парасторон бо мувофиқаи тарафайн барои таъмини тарбияи кудак мутобиқи ақидаи динии худ; манъи маҷбур кардани шахс ба эътиқоди муайяни динӣ, эътиқод доштан ё надоштан ба ягон дин, иштирок кардан ё иштирок накардан дар намоз, расму оинҳои динӣ, инчунин омузиши дин (м. 5). Мутобиқи қонуни зикршуда, татбиқи ҳуқуқ ба дин метавонад бо мақсади ҳифзи тартиботи ҷамъиятӣ ва амнияти ҷамъиятӣ, саломатӣ ва ахлоқ, инчунин ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои шахрвандони дигар, ки қонун ва уҳдадориҳои дахлдори байналмилалӣ ҚТ таъмин намудаанд, маҳдудиятҳои зарурӣ гузоранд.

Шахрвандони Тоҷикистон, сарфи назар аз эътиқоди динӣ, дар ҳамаи соҳаҳои ҳаёти шахрвандӣ, сиёсӣ, иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва маданӣ дар назди қонун баробаранд. Маҳдудияти мустақим ё ғайримустақими ҳама гуна ҳуқуқҳои шахрвандон, баргарӣ додан вобаста ба дин, барангехтани хусумати динӣ ва адовати динӣ, асосӣ ба ҷавобгарии ҳуқуқӣ кашидан мегарданд. Ҳеҷ кас наметавонад аз уҳдадориҳои қонунии худ бинобар эътиқоди динӣ безътиноӣ кунад; вале бо тартиби муқарраршуда иваз кардани баъзе уҳдадориҳо иҷозат дода мешавад (м.4).

Мутобиқи м. 40 Паймони байналмилалӣ оид ба ҳуқуқҳои шахрвандӣ ва сиёсӣ, давлатҳои иштирокчии ҳамин Паймон уҳдадор мешаванд, ки дар бораи чораҳои андешидаашон барои амалӣ намудани ҳуқуқҳои дар ҳамин Паймон эътирофшуда ва дар бораи пешрафти татбиқи ин ҳуқуқҳо: дар давоми як соли баъди эътибор пайдо кардани ҳамин Паймон барои давлатҳои манфиатдори иштирокчӣ ва баъд аз ҳар вақте, ки Кумитаи ҳуқуқи инсон дар ин бора дархост кунад, ҳисобот пешниҳод мекунанд. Ҳама гузоришҳо ба Котиби Генералии СММ пешниҳод карда мешаванд ва ӯ онҳоро барои баррасӣ ба Кумитаи ҳуқуқи инсон мефиристад. Дар гузоришҳо бояд омилҳо ва мушкилоте, ки ба татбиқи ҳамин Паймон таъсир мерасонанд, нишон дода шаванд. Кумита метавонад пас аз машварат бо СММ нусхаҳои чунин қисматҳои гузоришҳоро, ки ба доираи салоҳияти онҳо мансубанд, ба муассисаҳои махсуси дахлдор ирсол намояд. Кумита гузоришҳои пешниҳоднамудаи давлатҳои иштирокчии ҳамин Паймонро баррасӣ мекунад. Он ба давлат-иштирокчиён маърузаҳои худ ва чунин шарҳҳои умумиро, ки ба онҳо мувофиқ мешуморад, мефиристад. Кумита метавонад, инчунин ин эродҳоро ба Шӯрои иқтисодӣ ва иҷтимоӣ ҳамроҳ бо нусхаҳои гузоришҳое, ки аз давлатҳои иштироккунандаи ҳамин Паймон гирифтаанд, ирсол намояд. Давлатҳои

иштирокчии ҳамин Паймон метавонанд ба Кумита муроҷиатҳои худро оид ба ҳама гуна эродҳое, ки мутобиқи қ. 4 ҳамин модда баён карда мешаванд, пешниҳод кунанд. Мутобиқи талаботи м. 40 Паймон таҳия намудани ҳисоботҳо, чун қоида, ба ҳукуматҳо барои муайян кардани камбудииҳо ва мушкилоти мавҷуда кӯмак мерасонад.

Дар тафсири умумие, ки Кумита оид ба ҳуқуқи инсон оиди м. 2 ПБҲШС интишор кардааст, чунин гуфта мешавад: Кумита қайд мекунад, ки м. 2 Паймон одатан онро ба давлатҳои узв вогузор мекунад, ки чӣ тавр дар ҳудуди худ дар доираи ин модда татбиқ намудани онро ҳал кунанд. Аз ҷумла, эътироф карда мешавад, ки татбиқи он на танҳо ба муқаррароти қонунгузории конституционӣ вобаста аст, ки дар худ аксаран нокифоя мебошанд. Кумита зарур мешуморад, ки таваҷҷуҳи давлатҳои узвро ба он ҷалб намояд, ки уҳдадорҳои онҳо тибқи Паймон танҳо бо риояи ҳуқуқҳои инсон маҳдуд нашуда, балки давлатҳои узв низ уҳдадор мешаванд, ки ин ҳуқуқҳоро барои ҳамаи шахсони дар доираи салоҳияти худ амалӣ намоянд. Ин чанба аз ҷониби давлатҳои узв як навъ амалеро талаб мекунад, то ба шахсони алоҳида барои амалӣ намудани ҳуқуқҳои худ имкон диҳанд. Инро дар як қатор моддаҳо дидан мумкин аст (масалан, дар м. 3, ки дар зер дар Шарҳи умумии 4 баррасӣ мешавад), аммо дар асл он ба ҳамаи ҳуқуқҳои дар Паймон зикршуда дахл дорад. Дар робита ба ин, муҳим аст, ки шахсони алоҳида донанд, ки онҳо тибқи Паймон ва дар ҳолати зарурӣ тибқи Протоколи факултативӣ кадом ҳуқуқҳо доранд ва ҳамаи мақомоти маъмурӣ ва судӣ аз уҳдадорӣ ҳе, ки давлати узв мутобиқи Паймон ба уҳда гирифтааст, огоҳ бошанд. Бо ин мақсад, Паймон бояд ба ҳамаи забонҳои расмӣ давлат нашр шаванд ва барои ошно кардани мақомоти дахлдор бо мундариҷаи он дар доираи омӯзиши онҳо чораҳо андешида шаванд. Инчунин дар бораи ҳамкории давлати узв бо Кумита таълиф кардан, бамаврид мебуд.

Баръакси Паймон оид ба ҳуқуқҳои иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангӣ, ки татбиқи пай дар пай дар асоси захираҳои мавҷударо талаб мекунад, давлат-аъзоҳои ПБҲШС уҳдадоранд, ки ҳуқуқҳои эълонкардашро фавран «эҳтиром ва таъмин» намояд ва барои ноил шудан ба ин натиҷа тамоми чораҳоро андешиданд. Инро Кумитаи ҳуқуқи инсон ба таври возеҳ баён кардааст ва дар адабиёти ҳуқуқӣ баҳс намекунанд.

Муаллифон дар адабиётҳои илмӣ таъкид менамоянд, ки расман таҳким бахшидани меъёрҳои байналмилалӣ дар қонунгузории миллий кафили дар амал қарор додани он намебошад. Ба ақидаи А.Х. Абашидзе имплементатсияи бомуваффақият натавонанд таҳкимёбии меъёро, балки бунёди механизми иҷро ва назоратро тақозо мекунад[1,с.180.]. Е.А. Лукашева бошад қайд мекунад, ки ҳамгироии стандартҳои байналмилалӣ дар таҷрибаи ҳуқуққабулкунӣ дар таъмини ҳимояи аслии ҳуқуқи инсон нақши калидиро иҷро менамояд[7,с.350.]. Зимнан, чи тавре, ки муҳаққиқони ватанӣ қайд мекунанд, таҳкими натиҷабахш бевосита аз сатҳи тайёркунии кадрҳо, фарҳанги ҳуқуқии мақомотҳои давлатӣ ва шахрвандон, инчунин аз мезанизмҳои назоратии риояи ҳуқуқ ва озодиҳои инсон, вобаста мебошад[12, с.280.].

Ҳамин тавр, қонунгузории ҚТ дар самти ҳуқуқҳои шахрвандӣ ва сиёсӣ дар маҷмӯъ ба меъёрҳои Паймони байналмилалӣ мутобиқат намуда, раванди ҳамоҳангсозии он бо стандартҳои байналмилалӣ идома дорад. Таснифоти ҳуқуқҳои шахрвандӣ ва сиёсӣ дар низоми ҳуқуқии миллий асосан дуруст инъикос ёфтааст, вале дар баъзе самтҳо зарурати такмили минбаъдаи меъёрҳои ҳуқуқӣ ва механизмҳои амалисозӣ ба мушоҳида мерасад. Имплементатсияи меъёрҳои Паймони байналмилалӣ на танҳо қабули қонунҳо, балки татбиқи самараноки онҳо дар амалро тақозо менамояд, ки дар ин раванд нақши мақомоти

давлатӣ ва ниҳодҳои ҳифзи ҳуқуқ муҳим мебошанд. Мушкилоти муайян дар самти иҷрои пурраи уҳдадориҳои байналмилалӣ ва таъмини кафолатҳои воқеии ҳуқуқҳои шаҳрвандӣ ва сиёсӣ боқӣ мондааст, ки такмили низоми назоратӣ ва ҳуқуқтатбиқиро талаб мекунад. Бо мақсади баланд бардоштани сатҳи ҳифзи ҳуқуқҳои шаҳрвандӣ ва сиёсӣ зарур аст, ки раванди ҳамгироии қонунгузори миллӣ бо меъёрҳои байналмилалӣ идома дода шуда, маърифати ҳуқуқии аҳоли низ тақвият дода шавад. ҚТ аз ҷиҳати мутобиқати санадҳои байналмилалӣ дар сатҳи баланд қарор дорад, аммо дар амалия иҷро намудани ҳуқуқҳои шаҳрвандӣ, мукамал намудани механизмҳои институтсионалӣ ва дар амалияи судӣ инкишофи баланд бардоштани фарҳанги ҳуқуқиро, тақозо доранд.

Руйхати адабиёти истифодашуда:

1. Абашидзе А.Х. Международное право прав человека: учебник для вузов. - М.: Норма, 2013. - 560 с.
2. Головистикова А.К. Классификация прав человека // Право и жизнь. - 2007. - № 106(1). - Электрон. ресурс. - Режим доступа: www.low-n-life.ru (дата обращения: 22.03.2026).
3. Имомов А. Правовой статус человека и гражданина: права, свободы и основные обязанности. - Душанбе: Офсет ИМПЕРИЯ, 2013. - 192 с.
4. Ковлер А.И. Антропология права: учебник для вузов. - М.: Норма, 2002. - 427 с.
5. Кодекси ҷиноятӣ ҚТ // Ахбори Маҷлиси Олии ҚТ. - 1998–2009. [Захираи электронӣ]. – Манбаи дастрасӣ: URL: <http://mmk.tj> (Санаи муроҷиат: 22.03.2026).
6. Конституция РТ. - Душанбе: Ирфон, 2016. - 64 с.
7. Лукашева Е.А. Права человека: учебник // Под ред. Е.А. Лукашевой. -М.: Норма, 2009. - 640 с.
8. Общий комментарий 3 : Реализация на национальном уровне, 27/07/84 и Общий комментарий 31: Характер общих правовых обязательств, налагаемых на государства, являющиеся членами пакта 26.05.04, URL: [http://www.unhchr.ch/tbs/doc/nsf\(Symbol\)\(дата обращения: 22.03.2026](http://www.unhchr.ch/tbs/doc/nsf(Symbol)(дата обращения: 22.03.2026)
9. О приостановлении применения смертной казни: Закон РТ от 15 июля 2004 г. // Ахбори Маҷлиси Олии РТ. -2004. -№ 7. - Ст. 452.
10. Саидов И.И. Развитие личных и политических прав человека в Таджикистане: историко-правовой и общетеоретический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. - Душанбе, 2015. - 209 с.
11. Сафарзода Б.А. Международные стандарты в области прав человека: история и современность. - Душанбе, 2016. - 219 с.
12. Холиков А.Г., Диноршоев А.М. Защита прав человека: теория и практика. -М.: Юрайт, 2015. - 288 с.
13. Шавцова А.В. Права человека. - Минск: ТетраСистемс, 2011. -192с.
14. Закон РТ «О свободе совести и религиозных объединениях» // Ахбори Маҷлиси Олии РТ. -2009. -№ 3. -Ст. 82; Закон РТ от 28.06.2011 № 739. - Электрон. ресурс. - Режим доступа: <http://mmk.tj> (дата обращения: 22.03.2026).
15. Кодекс здравоохранения РТ // Ахбори Маҷлиси Олии Республики Таджикистан. - 2017. - № 5.- Режим доступа: <http://mmk.tj> (дата обращения: 22.03.2026).
16. Закон РТ «О международных договорах». - Электрон. ресурс. - Режим доступа: <https://mfa.tj/tg/main/view/126/qonunin-jumhurii-tojikiston-dar-borai-shartnomahoi-bainalmilali> (дата обращения: 22.03.2026).

Муқарризи мақола Мирзамонзода Х. М. — доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор.

УДК: 340.114.3

МАФҲУМ ВА РОҲҶОИ ТАЪМИНИ САМАРАНОКИИ ФУНКСИЯҶОИ ҲУҚУҚИ ТОҶИКИСТОН

Қаландарова Кибриё Абдуғаффоровна,

**Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, факултети ҳуқуқшиносӣ, докторанти PhD-и
кафедраи назария ва таърихи давлат ва ҳуқуқи. E-mail: kibriyo.1998@gmail.com Тел.:
+992 997990974.**

Фишурда. Дар мақолаи мазкур самаранокии функцияҳои ҳуқуқ ва роҳҳои таъмин намудани он, дар мисоли Ҷумҳурии Тоҷикистон мавриди баррасӣ қарор дода шудааст. Функцияи ҳуқуқ дар низоми ҳуқуқшиносӣ ҷойгоҳи хоса дорад, зеро он табиноти иҷтимоии ҳуқуқ ва самтҳои асосии таъсиррасонии онро ба муносибатҳои ҷамъиятӣ ифода менамояд. Вале барои дар амал самаранок татбиқ намудани онҳо, таҳлилу омӯзиши зиёди илмиву амалӣ талаб карда мешавад, ки ин аз мураккаб будани ин падида шаҳодат медиҳад. Дар шароити давлати ҳуқуқбунёд, самаранокии фаъолияти низоми ҳуқуқӣ асосан аз дараҷаи татбиқи функцияҳои асосии он муайян карда мешавад. Муаллиф ба ҳулосае меояд, ки нақши ҳуқуқро дар ҷомеаи муосир дуруст баҳо додан имконпазир аст, азбаски функцияҳои он бояд барои таъмини заминаи ҳуқуқӣ ва қонуният дар ҷомеа дастгирӣ ва пурзӯр карда шаванд. Функцияҳои ҳуқуқ дар ҷомеаи муосир гуногунҷанба буда, ҳам вазифаҳои иҷтимоӣ-танзим ва ҳам иҷтимоӣ-ҳифозатиро дар бар мегиранд. Ҳуқуқ муҳимтарин воситаи таъмини ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои шахрвандон, фароҳам овардани шароит барои рушди иқтисодӣ ва таҳкими тартиботи ҳуқуқии байналмилалӣ мебошад.

Калидвожаҳо: функцияҳои ҳуқуқ, самаранокӣ, амалисозии ҳуқуқ, таъсиррасонии ҳуқуқ, назарияи ҳуқуқ, назарияи давлат, функцияи ҳифзқунанда, функцияи тарбиявӣ, функцияи танзимқунанда, восита, роҳҳои таъмин, татбиқи ҳуқуқ, мақсад, вазифа, муносибатҳои ҷамъиятӣ, танзими ҳуқуқӣ.

Понятие и пути обеспечения эффективности функций права Таджикистана

Каландарова Кибриё Абдугаффоровна,

**Таджикский национальный университет, юридический факультет, докторант
PhD кафедры теории и истории государства и права. E-mail: kibriyo.1998@gmail.com;
Тел.: +992 997990974.**

Аннотация: В данной статье рассматриваются эффективность функций права и способы его обеспечения, на примере Республики Таджикистан. Функция права занимает особое место в правовой системе, поскольку выражает социальное назначение права и основные направления его влияния на общественные отношения. Однако для эффективного осуществления функций права требуется большой научный и практический анализ и изучение, что свидетельствует о сложности вопроса. В

условиях правового государства эффективность функционирования правовой системы в основном определяется степенью реализации ее основных функций. Автор приходит к выводу, что роль права в современном обществе невозможно переоценить, его функции должны быть поддержаны и укреплены, чтобы обеспечить правовую основу и законность в обществе. Функции права в современном обществе являются многосторонними и включают в себя как социально-регулятивные, так и социально-охранительные задачи. Право является важнейшим инструментом обеспечения защиты прав и свобод граждан, создания условий для экономического развития укрепления международного правопорядка.

Ключевые слова: функции права, эффективность, реализация права, воздействие права, теория права, теория государства, охранительная функция, воспитательная функция, регулятивная функция, средство, пути обеспечения, применение права, цель, задача, общественные отношения, правовое регулирование.

The concept and ways to ensure the effectiveness of the functions of law in Tajikistan

Qalandarova Kibriyo Abdugafforovna,

Tajik national University, faculty of law, PhD doctoral candidate of the department of theory and history of state and law. E-mail: kibriyo.1998@gmail.com; Tel.: +992 997990974.

The summary. This article examines the effectiveness of the functions of law and the ways to ensure it using the example of the Republic of Tajikistan. The function of law occupies a special place in the system of legal science, since it expresses the social purpose of law and the main directions of its influence on public relations, however, the effective implementation of the functions of law requires extensive scientific and practical analysis and study, which indicates the complexity of the issue. In a rule-of-law State, the effectiveness of the legal system is mainly determined by the degree to which its basic functions are implemented. The author comes to the conclusion that the role of law in modern society cannot be overestimated, its functions must be supported and strengthened to ensure the legal basis and legality in society. The functions of law in modern society are multifaceted and include both social-regulatory and social-protective tasks. Law is the most important instrument for ensuring the protection of the rights and freedoms of citizens, creating conditions for economic development and strengthening the international legal order.

Keywords: functions of law, effectiveness, implementation of law, influence of law, theory of law, theory of state, protective function, educational function, regulatory function, means, ways of ensuring, application of law, goal, task, social relations, legal regulation.

Илми ҳуқуқшиносӣ доираи васеи мафҳумҳои ҳуқуқиро дар бар мегирад, ки ҳар кадоме аз онҳо моҳият ва шаклҳои худро доранд. Атрофи як падида метавонад ақидаву назарияҳои гуногун вучуд дошта бошанд, ки ин ба нодуруст дарк намудани он оварда мерасонад. Функсияи ҳуқуқ низ ҳамчун фаҳмиши илмӣ баъзан вақт фарқиятгузори дар маъно, тасниф ва дигар паҳлуҳои хеш дорад, ки ин ҳолат ҳамчун мушкилӣ боқӣ мондааст.

Дар заминаи ин гуфтаҳо Т.Н. Радко қайд мекунанд, мутаассифона, дар адабиёти илмӣ назари ягона оид ба мафҳуми функцияҳои ҳуқуқ ва муносибати ягона ба таснифи онҳо вуҷуд надорад ва набудани мафҳуми дақиқи илмӣ ва меъёри донишмандии объекти таҳқиқшавандаро ҳамеша мушкил мегардонад. Мавҷуд будани миқдори зиёди маъноҳои мафҳуми «функцияи ҳуқуқ» метавонад ба нодуруст муайян кардани ҷойгоҳи он дар низоми илми ҳуқуқшиносӣ, паст шудани арзиши илмӣ он ва аз даст додани таъиноти воқеии он оварда расонад [6, с. 22].

Бояд қайд кард, ки новобаста ба он ки оид ба мафҳум ва таснифи функцияҳои ҳуқуқ, ақидаҳои гуногун вуҷуд доранд, атрофи онҳо тадқиқотҳои илмӣ зиёд мавҷуд аст ва айни замон қариб, ки тамоми паҳлуҳои он омӯхта шудаанд. Вале мушкилии дигар ин амалисозии функцияҳои ҳуқуқ ва роҳҳои таъмини самаранокии онҳо мебошанд, ки таҳлил ва омӯзиширо талаб мекунанд.

Атрофи масъалаи амали функцияҳои ҳуқуқ низ таҳқиқотҳои гуногун аз ҷониби олимони пешниҳодгардидаанд, вале масъалаи самаранокии функцияҳои ҳуқуқ ва роҳҳои таъмини он яке аз ҷанбаҳои хеле кам омӯхташуда ба шумор меравад, ки дар ин мақола мо кӯшиш мекунем атрофи ин ҷабҳа каме тадқиқот гузаронем. Набудани таҳлилҳои мушаххас оид ба самаранокии функцияҳои ҳуқуқ мураккаб будани масъаларо нишон медиҳад. Барои дуруст муайян намудани роҳҳои самаранокии функцияҳои ҳуқуқ мо аввал ба мафҳуми онҳо таърифи менамоем.

Ба ақидаи Ю.А. Емельянов зери функцияи ҳуқуқ мақсади асосии он дар ҳаёти ҷомеа, нақши он дар танзими муносибатҳои ҷамъиятӣ, таъсири ғаёл, шоиба ва қатъиян мақсаднок ба онҳо бояд фаҳмида шавад [2, с. 6].

Шарофзода Р.Ш. қайд мекунанд, ки «функцияҳои ҳуқуқ – самтҳои асосии таъсиррасонии ҳуқуқ мебошанд, ки бо мақсади танзими муносибатҳои ҷамъиятӣ амалӣ мешаванд» [10, с. 337].

Таърифи васеи мафҳуми функцияҳои ҳуқуқро В.М. Шамаров пешниҳод мекунад, ки ба андешаи ӯ функцияҳои ҳуқуқ ин самтҳои асосии таъсиррасонии ҳуқуқӣ ба муносибатҳои ҷамъиятӣ ва рафтори одамон мебошанд, ки робитаи ҳуқуқро бо воқеияти ҳаётӣ, ки ба ин ё он марҳилаи таърихӣ рушди ҷомеа ва давлат хосанд, ифода мекунанд ва ба моҳият ва табиати ҳуқуқ бо мақсади ба тартиб даровардан, ҳал кардан ва ба ҷомеа субот, ваҳдат ва ҷараёни зарурӣ расонидан, асос ёфтаанд [9, с. 11]. Муаллиф дар таърифи пешниҳоднамудаи хеш тамоми паҳлуҳои ба функцияҳои ҳуқуқ дахлдоштаро инъикос намудааст ва ҳамзамон аз алоқамандии функцияҳо ба моҳият ва табиати ҳуқуқ, ки маҳз аз онҳо сарчашма гирифтани онҳоро ишора мекунанд.

Функцияи ҳуқуқ ҳамчун таъиноти иҷтимоии ҳуқуқ ва самтҳои асосии таъсиррасонии он ба муносибатҳои ҷамъиятӣ фаҳмида мешавад. Дар ин ҳолат таъиноти иҷтимоии ҳуқуқ нақши муҳим ва ҳалкунанда дорад, зеро маҳз он метавонад самтҳои асосии таъсири ҳуқуқро муайян намояд. Функцияи ҳуқуқ ин дарк намудани моҳияти ҳуқуқ ва муҳим будани он дар ҳаёти ҷамъиятӣ мебошад.

Аксари олимони раванди татбиқӣ ё худ амали функцияи ҳуқуқро бо худ ҷараёни амали ҳуқуқ баҳо медиҳанд, зеро функцияи ҳуқуқ ин худ дар амалия татбиқ намудани таъиноти иҷтимоии ҳуқуқ мебошад. Мақсади асосии ҳуқуқ ба танзим даровардани муносибатҳои ҷамъиятӣ ҷиҳати таъмини тартиботи умумӣ, ба роҳ

мондани назму субот ва рушди ҷомеа, яъне одамон мебошад, ки ба ҳифз ва ҳимояи онҳо равона гардидааст.

Чунин нуқтаи назарро М. В. Кузмина иброз медорад, ки ба андешаи ӯ «махз тавассути муносибатҳои ҳуқуқӣ татбиқи муқаррароти ҳуқуқӣ ба амал меояд, ки ба ҳуқуқ имкон медиҳад, ки функцияҳои худро амалӣ кунад. Ҳамин тариқ, раванди татбиқи ҳуқуқ моро бевосита ба раванди татбиқи функцияҳои он мебарад» [5, с. 48].

Шарофзода Р.Ш. ишора намудааст, ки функцияҳои ҳуқуқ аз таъйиноти ҳуқуқ дар ҷомеа бармеоянд. Шаклҳои таъсиррасонии ҳуқуқӣ бошанд дар функцияҳои ҳуқуқ ифода мегарданд [10, с. 342]. Аз меъёрҳои мазкур бармеояд, ки таъйиноти ҳуқуқ дар ҷомеа кадом аст, ҳуқуқ чӣ гуна татбиқ карда мешавад ва бо кадом шаклҳо таъсир мерасонад, махз аз функцияҳои он вобаста аст.

Бинобар ин, барои дуруст муайян намудани самаранокии функцияҳои ҳуқуқ, пеш аз ҳама самаранокии ҳуди ҳуқуқро таҳқиқ менамоем, зеро дар ҷомеа татбиқ намудани функцияи ҳуқуқ ин худ татбиқ намудани ҳуқуқ мебошад.

Ба ақидаи В.Н. Кудрявтсев ва дигарон, самаранокӣ аз шартҳои иҷтимоӣ ва таъносуби воситаҳои ҳуқуқӣ ба вазифаҳои гузошташуда муайян карда мешавад. Моҳияти он ба фаҳмидани самаранокии ҳуқуқ ҳамчун таъносуби натиҷаи воқеии амали меъёрҳои ҳуқуқ бо он ҳадафҳои иҷтимоӣ, ки барои ноил шудан ба онҳо ин меъёрҳо қабул шудаанд, оварда мерасонад [4, с. 111].

Вобаста ба ин С.Г. Воронсов се омилҳои самаранокии ҳуқуқро пешниҳод менамояд: сифати ҳуди меъёри ҳуқуқ - то кадом андоза равшан, муҳолиф ва ба арзишҳои иҷтимоӣ мувофиқ аст; фаъолияти мақомоти татбиқи ҳуқуқ - қонунҳо то чӣ андоза пайваستا ва одилона татбиқ карда мешаванд; шуури ҳуқуқии шаҳрвандон - сатҳи фаҳмиш ва эҳтиром ба ҳуқуқ дар ҷомеа мебошад [1, с. 107].

Мо ақидаи олими мазкурро ҷонибдорӣ менамоем, зеро функцияҳои ҳуқуқ он вақт самаранок амалӣ хоҳанд гашт, ки агар ҳуди санади меъёрии ҳуқуқӣ шаффоф, фаҳмо ва ба манфиати ҷомеа ва аҳоли бошад. Дар ҳолате, ки қонун дар марҳилаҳои қабули худ пурра ва асоснок мавриди омӯзиш қарор дода шуда бошад, пас он метавонад аз ҷониби мақомоти татбиқкунандаи ҳуқуқ бе мушкилӣ ва одилона истифода бурда шавад. Масъалаи эҳтироми қонун бошад дар сурате амалӣ хоҳад гашт, ки агар ҷомеа ба нафъи онҳо будани қонунро дарк намоянд. Мисоли равшан ин Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон (ҶТ) «Дар бораи танзими ҷашну маросим дар Ҷумҳурии Тоҷикистон» мебошад, ки шаҳодати сифати баланд, шаффоф ва ба нафъи халқ будани онро исбот месозад. Ҳангоми қабули қонуни мазкур урфу одат, анъана, таърих ва фарҳанги халқи тоҷик ба инобат гирифта шуда, ҳам аз ҷиҳати иҷтимоӣ ва ҳам иқтисодӣ ба нафъи ҷомеа ва давлат гардид.

Дар асоси пешниҳоди С.Г. Воронсов мо метавонем муайян намоем, ки самаранокии функцияҳои ҳуқуқ низ аз ин омилҳо вобаста мебошанд, зеро ҳуқуқ дар он вақт ба мақсади худ мерасад, ки функцияҳои худро дар ҷомеа иҷро намояд.

Дигар масъалаи муҳим ва гуногунҷабҳа ин бо кадом роҳу воситаҳо самаранокии функцияҳои ҳуқуқро таъмин намудан мебошад, ки коркарди роҳҳои самаранокӣ онҳо омӯзиши усул ва ё равишҳои гуногунро талаб менамоянд. Мо дар асоси таҳлили омӯзишҳои роҳҳои зерини таъмин намудани самаранокии функцияҳои ҳуқуқро пешниҳод менамоем. Яке аз роҳҳои аввали самаранокии функцияҳои ҳуқуқ ин баланд бардоштани сифати санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ мебошад, зеро ки дар онҳо

моҳияти ҳуқуқ ва бо кадом равиш амалӣ гардидани он пешбинӣ шудаанд. Меъёрҳои ҳуқуқӣ бояд барои омма фаҳмо бошанд, тафсир ва татбиқи яхеларо таъмин кунанд. Тафсилоти зиёдатӣ ва ё нодуруст маънидод намудани он ба иқтидори танзимкунандаи ҳуқуқ таъсири манфӣ мерасонад.

М.З. Раҳимзода ва А.Р. Нематов масъалаи мазкурро чунин арзёбӣ менамоянд: «Сифати баланди шарҳи мафҳумҳо, усули сода ва одии баёни техникаи ҳуқуқшодкунӣ, сатҳи баланд ва одии баррасии меъёрҳо, ба инобат гирифтани нуктаҳои мухталифи илмӣ ва назарӣ нисбат ба шарҳи истилоҳоти ҳуқуқӣ ва ҷамъбасти ҳулосаҳои шахсӣ нисбат ба падидаҳои ҳуқуқӣ мутобиқ ба табиати давлати демократӣ, ҳуқуқбунёд ва иҷтимоии Тоҷикистон ва мувофиқ ба талаботи Конститутсияи кишвар, шаҳодати масъулияти баланди касбии муаллифон ва эътимоднокии шарҳу тафсири эшон ба қонун аст. Қонун барои доираи васеъ ва номуайяни иштирокчиёни муносибатҳои ҷамиятӣ эҷод карда мешавад. Бинобар ин матни қонун бояд ба ҳар як аъзои ҷамъият низ дастрас ва фаҳмо бошад» [7, с. 66]; Функсияи ҳуқуқӣ бидуни дарки муносиби субъектҳо самаранок буда наметавонад. Ин далели он аст, ки байни субъектҳои дар марҳилаи баррасӣ ва қабули қонун иштироккунанда, аз ҷумла Парламент ҳамчун мақоми одии қонунгузор, инчунин субъектҳои татбиқкунандаи қонун, аз ҷумла мақомоти ҳифзи ҳуқуқ ва омма бояд муносибати муайян ва алоқамандӣ бошад. Масъалаи баланд бардоштани сатҳи шуур ва фарҳанги ҳуқуқии аҳоли дар низоми функсияҳои ҳуқуқ ҷойгоҳи хоса дорад, аз ҷумла яке аз навъҳои функсияи ҳуқуқ (функсияҳои таълимӣ (тарбиявӣ) ва иттилоотӣ), амалисозии функсияҳои ҳуқуқ (шакли иттилоотӣ) ва роҳҳои таъмини самаранокии функсияҳои ҳуқуқ (баланд бардоштани сатҳи шуури ҳуқуқӣ ва фарҳанги ҳуқуқӣ) мебошанд. Дар тамоми сатҳҳо инъикос ёфтани ин масъала аз муҳим ва афзалиятнок будани он ишора менамояд; Функсияҳои таълимӣ (тарбиявӣ) ва иттилоотӣ ба рушди маърифат, саводнокии ҳуқуқӣ ва эҳтироми қонун дар ҷомеа, равона гардидаанд. Шарофзода Р.Ш. қайд намудааст, ки «функсияи тарбиявии ҳуқуқ дар таълиму тарбияи ҳуқуқӣ ифода мегардад. Таълиму тарбияи ҳуқуқӣ яке аз шаклҳои сиёсати ҳуқуқии давлат буда, бо истифода аз воситаҳо, усулҳо, шаклҳои гуногуни таълиму тарбия, аз қабилӣ таҳсилоти ҳуқуқӣ, тарбияи донишҳои ҳуқуқӣ, бозомӯзии ҳуқуқӣ ва ғ. роҳандозӣ мешавад. Функсияи иттилоотӣ-арзишии ҳуқуқ ба хотири он амалӣ мешавад, ки ҳуди ҳуқуқ як шакли иттилоот, аниқтараш иттилооти ҳуқуқӣ мебошад. Тавассути ҳуқуқ одамон роҷеъ ба қонунҳо ва санадҳои дигари меъёрии ҳуқуқии қабулшуда, ҳуқуқу озодиҳо ва вазифаҳои конститусионӣ, ҳуқуқҳои субъективӣ ва уҳдадорӣҳои ҳуқуқӣ, амалҳои ҷоизӣ ва манъшуда, тартиби бастанӣ ақди никоҳ, аҳдномаҳо ва ғ. иттилои кофӣ дар даст меорнад» [10, с. 338].

Шакли иттилоотии амалисозии функсияҳои ҳуқуқ бошад «ба мурочиаткунандагон (аҳоли) талаботҳои давлат вобаста ба рафтори одамон фаҳмонида мешавад, яъне ба маълумоти онҳо расонида мешавад, ки кадом имкониятҳо, объектҳо, воситаҳо ва усулҳои ноил шудан ба ҳадафҳои аз ҷиҳати иҷтимоӣ муфид дар ҷомеа мавҷуданд, аз ҷониби давлат тасдиқ ё иҷозат дода мешаванд ва баръакс, кадоме аз онҳо ба манфиатҳои ҷомеа, давлат ва шахрвандон муҳолифанд» [5, с. 49].

Дар ҚТ атрофи баланд бардоштани сатҳи шуури ҳуқуқӣ ва фарҳанги ҳуқуқии аҳоли таҳлилу омӯзишҳои гуногун ҳам дар сатҳи илмӣ ва ҳам аз ҷониби Ҳукумати кишвар гузаронида шудааст. Ба муносибати 30-солагии қабули Конститутсияи ҚТ,

Президенти ҶТ муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон дар Паёми худ «Дар бораи самтҳои асосии сиёсати дохилӣ ва хориҷии ҷумҳурӣ» ба Маҷлиси Олии ҶТ аз 28 декабри соли 2023 соли 2024-ро Соли маърифати ҳуқуқӣ эълон намуданд. Ин иқдом бо мақсади азхуд намудани донишҳои ҳуқуқӣ, огоҳӣ пайдо намудани аҳолии кишвар аз нақши ҳуқуқ ва қонун дар ҷомеа, дарк намудани вазифаҳои шаҳрвандии ҳеш ва эҳтиром гузоштан ба риояи қонунҳо иборат буд. Аз ҷониби мақомоти идораҳо дар кишвар корҳои тарғиботию ташвиқотӣ, баргузор намудани семинарҳо, мизҳои мудавав ва чорабиниҳои дигари оммавӣ бо мақсади дарки меъёрҳои Конститутсия ва дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ доир шуданд, ки аз дуруст ба роҳ мондани функсияҳои ҳуқуқ шаҳодат медиҳад. Бо ин роҳ ҳам функсияҳои ҳуқуқ самаранок амалӣ карда мешавад, ҳам ҷомеа аз фаъолияти ҳуқуқэҷодкунии давлат, ки пеш аз ҳама ба манфиати онҳо равона гардидаанд, огоҳ мегарданд.

Роҳи дигари таъмин намудани самаранокии функсияҳои ҳуқуқ - ин дуруст ба роҳ мондани фаъолияти мақомотҳои татбиқкунандаи ҳуқуқ мебошад. Бояд қайд кард, ки ҳатто меъёрҳои ҳуқуқии мукамалтарин бидуни амалияи дурусту устувор ва одилона ба роҳ монда намешаванд. Барои дуруст ба роҳ мондани ин фаъолият амалияи ягонаи судӣ ва маъмурӣ, мустақилият ва салоҳияти шахсони татбиқкунандаи қонун, инчунин дастрасии шаҳрвандон ба адолат зарур мебошад.

Амалияи ягонаи судӣ ва маъмурӣ дар дуруст ва ягона татбиқ намудани меъёри қонун дар фаъолияти ҳокимияти судӣ, мақомотҳои ҳифзи ҳуқуқ ва дигар субъектҳои маъмурӣ, ки меъёрҳои қонунгузории маъмуриро дар амал татбиқ менамоянд, ифода меёбад. Дар ҶТ оид ба ин масъала заминаҳои устувори ҳуқуқӣ ва назариявӣ амалӣ вучуд дорад. Мавҷуд будани Қарорҳои Пленуми Суди Олии ҶТ ва ҷамъбасти амалияи судӣ вобаста ба парвандаҳои ҷиноятӣ, маданӣ, оилавӣ, маъмурӣ ва ғайра далели он мебошанд, ки меъёрҳои ҳуқуқ аз ҷониби ҳам мақомоти судӣ ва ҳам мақомотҳои ҳифзи ҳуқуқ дуруст ва ягона ба роҳ монда мешаванд.

Зери мониторинги татбиқи функсияҳои ҳуқуқ ин мушоҳида намудан, таҳлил ва то ҷӣ андоза самаранок амалӣ шудани меъёрҳо ва вазифаҳои ҳуқуқ дар ҷомеа мебошад. Ин роҳ имкон медиҳад, ки камбудҳои, мушкилиҳои ҷойдошта дар фаъолият ва номувофиқатии байни меъёрҳои ҳуқуқӣ ва татбиқи воқеии онҳо ошкор карда шаванд. Н.Н. Черногор мониторинги ҳуқуқиро чунин шарҳ додааст: «Мониторинги ҳуқуқӣ ин фаъолияти мунтазами ҳамаҷонибаи субъектҳои ваколатдор оид ба мушоҳида, таҳлил, баҳодиҳии сифати раванди ҳуқуқсозӣ, меъёрҳои ҳуқуқӣ ва амалияи татбиқи онҳо барои ноил шудан ба ҳадафҳои ҳангоми қабули онҳо гузошташуда, инчунин пешгӯии роҳҳои такмили ҳуқуқэҷодкунӣ ва татбиқи ҳуқуқ мебошад» [8, с. 8].

Ҳадафҳои асосии мониторинги ҳуқуқ ин пеш аз ҳама арзёбии самаранокии қонунгузорӣ мебошад, яъне то ҷӣ андоза меъёрҳои қонун дар амал кор мекунанд. Инчунин муайян кардани мушкилии татбиқи қонун ба шумор меравад. Дар заминаи мониторинг як қатор пешниҳодҳо оид ба беҳтар намудани қонунгузорӣ ва амалияи татбиқи ҳуқуқ коркард карда мешавад.

Мисол, функсияи сиёсии ҳуқуқ дар танзими ҳуқуқии муносибатҳои интиҳобот ва раъйпурсӣ ва таъмини иштироки халқ дар онҳо ифода меёбад. Мониторинги татбиқи функсияи сиёсӣ дар шакли гузаронидани таҳлилҳои омӯрӣ сурат мегирад. Дар ин сурат ҳангоми гузаронидани таҳлили омӯрӣ муайян карда мешавад, ки чанд

фоизи шаҳрвандон дар интихобот ва ё раёйпурсӣ иштирок намуданд. Дар асоси натиҷаи омили иштироки шаҳрвандон метавонем як қатор чораҳоро барои таъмини ғайбонаи онҳо роҳандозӣ намоем.

Дигар намуна ин омили шумораи муроҷиатҳо ба суд ва дигар мақомоти ҳифзи ҳуқуқ мебошад, ки дар асоси онҳо муайян карда мешавад, ки шикоятҳо бештар ба кадом самт рағона шудаанд ва оид ба ин масъала давлат метавонад чораҳои дахлдор ва қорҳои тағлиғотию пешгирикунанда дар байни аҳоли гузаронад.

Функсияи дигар ин иттилоотӣ-арзишии ҳуқуқ аст, ки метавонад тавассути гузаронидани пурсишҳои сотсиологӣ миёни аҳоли ба роҳ монда шавад. Аз ҷумла, доистани шаҳрвандон оид ба ҳуқуқу ҳдадориҳои шаҳрвандии худ.

Ҷомеаи муосир бо суръати тез рушд ёфта истодааст ва нақши технологияҳои муосир асосӣ мебошад. Гузариш ба низоми рақамикунонӣ, истифодаи зеҳни сунъӣ дастовардҳои беназири инсоният ба шумор мераванд, ки дар тамоми соҳаҳо истифода бурда мешаванд. Ин навгонӣ дар соҳаи илм, хусусан илми ҳуқуқшиносӣ таъсир мерасонад ва ба самаранокӣи функсияҳои ҳуқуқӣ низ таъвир медиҳад. Мисол, дастрасии аҳоли ба қонунҳо ва дигар меъёрҳои ҳуқуқӣ тавассути пойгоҳи сомонаҳои электронӣ, назорати самаранокӣи танзими ғайбияти мақомоти идораҳо ва ба таври электронӣ ба роҳ мондани ғайбияти онҳо, инчунин қабули электронии муроҷиатҳои шаҳрвандон хеле ғайданок буда, ҳам вақт ва ҳам аз ҷиҳати иқтисодӣ муғид мебошанд.

Ҳукумати ҚТ дар самти мазкур як қатор чораҳоро андешидааст, аз ҷумла бо мақсади вусъат бахшидан ба рағандҳои инноватсионӣ ва истифодаи ҳамаҷонибаи имкониятҳои технологияҳои рақамӣ дар тамоми соҳаҳои ҳаёти кишвар солҳои 2025 – 2030 «Солҳои рушди иқтисоди рақамӣ ва инноватсия» эълон карда шуд. Чунин пешниҳод асос барои рушд додани рағанди рақамикунонӣ дар тамоми мақомоти идораҳои кишвар гардида, имконият фароҳам меорад, ки шаҳрвандони кишвар аз дастовардҳои технологияҳои муосир истифода бурда, бе мушкилӣ ба хизматрасонии давлатӣ дастрасӣ ёбанд.

Инчунин қабули Консепсияи ташаккули Ҳукумати электронӣ дар ҚТ аз 30 декабри соли 2011 мебошад. Консепсияи мазкур ташаккули Ҳукумати электрониро дар Тоҷикистон марҳила ба марҳила муайян намуда, баланд бардоштани самаранокӣи ғайбияти мақомоти иҷроияи ҳокимияти давлатӣ ва идоракунӣ, инчунин дигар мақомоти идораҳо бо истифодаи васеи технологияҳои иттилоотию коммуникатсионӣ, баланд бардоштани сифат ва дастрасӣ доштани аҳоли ба тамоми хизматрасонии иҷтимоие, ки ба шаҳрвандон ва ташкилотҳо расонида мешаванд, иборат аст [3].

Қадами дигар дар роҳи рақамисозӣ ва истифодаи технологияҳои муосир дар низоми ҳуқуқӣ ин истифодаи сомонаҳои ҳуқуқии расмӣ мебошанд, ки дастрасии ҳам мақомоти идораҳои давлатӣ ва ҳам шаҳрвандонро ба тамоми қонунҳо ва дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ таъмин месозад. Дар Тоҷикистон ба сифати чунин сомонаҳои расмӣ ин маҳзани ҳуқуқии Вазорати адлия «www.adlia.tj», ё ин ки сомонаи Маркази миллии қонунгузори назди Президенти ҚТ «mmk.tj» ва Портали интернетии иттилооти ҳуқуқии ҚТ «portali-huquqi.tj» баромад менамоянд, ки шаҳрвандон ва дигар мақомоти идораҳои кишварро бо матни электронии санадҳои меъёрии ҳуқуқии кишвар таъмин менамояд.

Аз таҳлилҳои анҷомдода ҳулоса намудан мумкин аст, ки самаранокии функсияҳои ҳуқуқӣ ин натиҷаи фаъолияти ҳамаҷониба ва ҳамоҳангии ҳокимияти қонунгузор, мақомотҳои татбиқкунандаи ҳуқуқ, сатҳи шуури ҳуқуқӣ ва фарҳанги ҳуқуқии аҳоли мебошад. Ин самаранокӣ дар сурати татбиқи фаъолияти ҳамаҷонибаи ҳамаи субъектҳо, таъмини танзими устувори ҳуқуқӣ ба манфиати ҷомеа ва механизмҳои мониторинги онҳо имконпазир аст.

Рӯйхати адабиёти истифодашуда:

1. Воронцов С.Г. Оценка эффективности правового воздействия: подходы, критерии и нерешенные вопросы теории // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. – 2004. – № 4. – С. 104-109.
2. Емельянов Ю.А. Право в системе социального управления: автореф. дис.... канд. юрид. наук. – Л., 1975. – 33 с.
3. Концепсияи ташаккули Ҳукумати электронӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 30 декабри соли 2011, №643 // Захираи электронӣ: Адлия: Маҳзани муттамаркази иттилооти ҳуқуқӣ. Версияи 7.0. (санаи мурочиат: 06.05.2025).
4. Кудрявцев В. Н. Эффективность правовых норм. – Москва: «Юрид. лит.», 1980. – 280 с.
5. Кузьмина М. В. Функции права: к вопросу о реализации // Вестник Самарского юридического института. – 2014. – № 3. – С. 48-51.
6. Радько Т.Н. Теория государства и права. – М.: «Статут», 2009. – 630 с.
7. Раҳимзода М.З., Нематов А.Р. Техникаи қонунгузорӣ. Нашри дуввум. - Маркази миллии қонунгузори назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Душанбе: «Бухоро», 2016. – 232 с.
8. Черногор Н. Н. Актуальные проблемы правотворчества: учеб. пособие. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: юридическая фирма «Контракт», 2018.
9. Шамаров В.М. Функции права: их содержание и классификация в современной учебной литературе // Вестник Академии права и управления. – 2013. – № 30. – С. 9-20.
10. Шарофзода Р.Ш. Назарияи давлат ва ҳуқуқ: китоби дарсӣ барои муассисаҳои таҳсилоти олии касбӣ. – Душанбе: «Сино», 2023. – С. 688.

Муқарризи мақола Абдуллозода П. С. – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор.

II. ИЛМҲОИ ОММАВӢ – ҲУҚУҚӢ (ДАВЛАТӢ – ҲУҚУҚӢ) (ИХТИСОС: 5. 1. 2)

II. ПУБЛИЧНО – ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО – ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 5. 1. 2)

УДК: 34. (575.3)

ФАЪОЛИЯТИ ҚОНУНГУЗОРИИ МАҶЛИСИ ОЛӢ - ДАЪВАТИ ЯКУМ

Имомов Ашурбой,

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, факултети ҳуқуқшиносӣ, профессори кафедраи ҳуқуқи конститусионӣ ва маъмурӣ, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ,

Неъматова Мосафар Абдуллоевна,

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, факултети ҳуқуқшиносӣ, ассистенти кафедраи ҳуқуқи конститусионӣ ва маъмурӣ. E-mail: Mosafar0372@gmail.com

Фишурда. Дар мақолаи мазкур фаъолияти қонунгузории Маҷлиси Олӣ - даъвати якум бо далелҳо ва таҳлилҳои ҳуқуқӣ мавриди баррасӣ қарор гирифтааст. Қайд кардан ба маврид аст, ки новобаста аз ҷой доштани нуқсонҳо, нақши ҳар як даъвати Маҷлиси Олии ҶТ дар устувор гардонидани заминаҳои сиёсии ҳуқуқии сохтори конститусионӣ, мавқеи хосаи намояндагӣ, қонунгузорӣ, рушди шаклҳои фаъолияти Маҷлиси Олӣ, сифатан беҳтаршавии онҳо, иштироқи самараноки намояндагони он дар кори муассисаҳои парлумонии байналмилалӣ ва минтақавӣ ва хориҷӣ хеле муҳим мебошанд.

Фаъолияти Маҷлиси Олии ҶТ, даъвати якум оғози гузариш ба низоми нави мақомоти намояндагии олии ҳокимияти давлатии ҶТ ба ҳисоб рафта, дар маҷмӯъ ба фаъолияти то соҳибхитӣ мақомоти олии намояндагии ҷумҳурӣ (Анҷумани Шурои Советҳо, Кумитаи Марказии Иҷроияи Тоҷикистон, Шурои Олӣ, Раёсати Шурои Олии ҶТ) хотима гузошт ва низоми нави мақомоти олии намояндагиро ба воқеият табдил дод.

Калидвожаҳо: фаъолияти қонунгузорӣ, раванди қонунгузорӣ, ислоҳоти конститусионӣ, Эълومияи соҳибхитӣ, санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ, вакилони халқ, қонунҳои конститусионӣ, қонунҳои ҷорӣ, фаъолияти қонунгузории Маҷлиси Олӣ даъвати якум, низоми намояндагӣ, робитаҳои байнипарлумонӣ, кумитаҳо ва комиссия, парлумони касбӣ.

Законодательная деятельность Маджлиси Оли первого созыва

Имомов Ашурбой.,

Таджикский национальный университет, юридический факультет, кафедра конституционного и административного права, кандидат юридических наук, профессор,

Неъматова Мосафар Абдуллоевна,

Таджикский национальный университет, юридический факультет, ассистент кафедры конституционного и административного права. E-mail: Mosafar0372@gmail.com

Аннотация. В данной статье с доказательной базой и глубоким правовым анализом рассматриваются законодательная деятельность Маджлиси Оли первого созыва. Следует отметить, что, несмотря на имеющиеся недостатки, роль каждого созыва Маджлиси Оли Республики Таджикистан в укреплении политико-правовых основ конституционного строя, особого положения представительства, законодательства, развитии форм деятельности Маджлиси Оли, их качественном совершенствовании, эффективном участии его представителей в работе международных, региональных и зарубежных парламентских институтов, весьма важна.

Деятельность Маджлиси Оли Республики Таджикистан первого созыва считалась началом перехода к новой системе высших представительных органов государственной власти Республики Таджикистан и в целом положила конец деятельности до суверенных высших представительных органов республики (Съезд Советов, Центральный Исполнительный Комитет Таджикистана, Верховный Совет, Президиум Верховного Совета Республики Таджикистан) и воплотила в реальность новую систему высших представительных органов.

Ключевые слова: законодательная деятельность, законодательный процесс, конституционные реформы, Декларация о суверенитете, нормативные правовые акты, народные депутаты, конституционные законы, действующие законы, законодательная деятельность Маджлиси Оли первого созыва, система представительства, межпарламентские связи, комитеты и комиссии, профессиональный парламент.

Legislative Activity of the First Convocation of the Majlisi Oli

Imomov Ashurboy,

Tajik National University, Faculty of Law, Department of Constitutional and Administrative Law, Candidate of Legal Sciences, Professor,

Nematova Mosafar Abdulloevna,

Tajik National University, Faculty of Law, Assistant at the Department of Constitutional and Administrative Law. E-mail: Mosafar0372@gmail.com

The summary. This article, using evidence and in-depth legal analysis, examines the legislative activities of the Majlisi Oli of the first convocation. It should be noted that, despite existing shortcomings, the role of each convocation of the Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan in strengthening the political and legal foundations of the constitutional order, the special status of representation, legislation, the development of the Majlisi Oli's forms of activity, their qualitative improvement, and the effective participation of its representatives in international, regional, and foreign parliamentary institutions is extremely important.

The activities of the Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan of the first convocation were considered the beginning of the transition to a new system of supreme representative bodies of state power of the Republic of Tajikistan and, in general, put an end to the activities of the pre-sovereign supreme representative bodies of the republic (the Congress of Soviets, the Central Executive Committee of Tajikistan, the Supreme Council, the Presidium of the Supreme Council of the Republic of Tajikistan) and brought the new system of supreme representative bodies into reality.

Keywords: legislative activity, legislative process, constitutional reforms, Declaration of Sovereignty, normative legal acts, people's deputies, constitutional laws, current laws, legislative activity of the Majlisi Oli of the first convocation, system of representation, inter-parliamentary relations, committees and commissions, professional parliament

Қабул ва амали Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон (ҶТ) соли 1994, сарчашмаи муҳимми ташкили мақомоти нави олии намояндагӣ - Маҷлиси Олӣ ва оғоз ёфтани давраи нави фаъолияти қонунгузорӣ дар ҶТ мебошад. Оғози фаъолияти қонунгузории Маҷлиси Олии ҶТ моҳиятан ба даъвати якуми кори он (солҳои 1995-1999) рост меояд. Бо ҳукми таърих маҳз Маҷлиси Олии даъвати якум ба навгардонии низоми қонунҳои ҷумҳурӣ машғул гардид. Гарчи маъракаи интихоботи вакилони халқ ба Маҷлиси Олӣ даъвати якум ва ҳайати вакилон аз рӯи қоидаи усулҳои демократӣ, бенуқсон набуд ва дар байни вакилон шахсони тасодуфӣ буданд. Аммо тавассути интихобшавии чанде вакилони ихтисосманд – олимони ҳуқуқшинос ва мутахассисони таҷрибаи бои татбиқи қонунҳо ва санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ дошта, фаъолияти қонунгузории Маҷлиси Олии даъвати якум инкишоф ёфта, ба раванди бунёди қонунгузории давраи нави рушди ҷумҳурӣ ҳиссаи муайян гузоштанд [1, с. 424].

Фаъолияти қонунгузории Маҷлиси Олии ҶТ даъвати якум тибқи Конститутсияи ҶТ соли 1994 сурат гирифт. Аммо баъзе ҳуҷҷатҳои ҳуқуқии сиёсӣ, ки ба раванди тайёр ва қабул кардани Конститутсияи мазкур таъсири бевосита доштанд, минбаъд ба фаъолияти қонунгузории Маҷлиси Олӣ низ таъсири калон гузоштанд.

Дар ин ҷо сухан дар хусуси Қонуни ҶТ «Дар бораи ислоҳоти конститутсионӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон, тартиби қабул ва ба амал даровардани Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон», аз 20 июли соли 1994, № 974, меравад. Дар қонуни мазкур бо мақсади пай дар пай амали намудани ислоҳоти конститутсионӣ, таъмини идоманокӣ ва самаранок қор кардани ҳамаи шохаҳо ва дараҷаи ҳокимияти давлатӣ ва идоракунии давлатӣ дар рафти азнавташкилдихии дар пешистода, муҳайё кардани шароит барои сари вақт ба амал даромадани меъёрҳои Конститутсияи ҶТ, ба манфиати мустаҳкам кардани заминаҳо барои баромадани ҷумҳурӣ аз буҳрони иҷтимоӣ-иқтисодӣ, боз ҳам устувор гардонидани вазъи дохилии сиёсӣ, ноил гаштан ба ваҳдати ҷамъиятӣ, барои ба халқ, аз ҷумла шаҳрвандони гурезаи ҷумҳурӣ, додани имкони тақдири мамлакати худро ҳал кардан Эъломияи соҳибхитиёрии ҶТ - ро ба асос гирифта, дар асоси м. 1, 2, 5, 99 ва 103 Конститутсияи ҶТ ба чунин қарор омад: Конститутсияи нави ҶТ дар раъйпурсии умумихалқӣ қабул карда шавад; мақоми Президенти ҶТ таъсис дода шуда, Президент дар интихоботи умумихалқӣ интихоб карда шавад; муқаррар карда шавад, ки ҳамаи мақомоти давлатии ҶТ то ба амал даромадани Қонститутсияи ҶТ ваколатҳои худро дар мувофиқа бо Конститутсияи ҶТ иҷро намоянд;

қонунҳои ҚТ ва санадҳои ҳуқуқии мақомоти давлатӣ ва мақомоти идоракунии ҚТ, ки барвақт қабул гашта буданд ва бо Конститутсияи нави ҚТ ихтилоф надоранд амали худро идома медиҳанд; ҳамаи қонунҳо ва санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ бояд бо Конститутсияи ҚТ дар мухлати ду сол пас аз ба амал даромадани он мувофиқ гардонида шаванд; қонунҳое, ки дар Конститутсияи ҚТ конститутсионӣ номида шудаанд, дар мухлати як сол пас аз ба қувва даромадани Конститутсия бояд қабул карда шаванд; пас аз ба қувва даромадани Конститутсияи ҚТ вакилони халқ ҳуқуқ ва ваколатҳои худро то кушодашавии иҷлосияи якуми Маҷлиси Олӣ нигоҳ медоранд. Ин мухлат аз мухлати ваколоти Шурои Олии ҚТ даъвати дувоздахум зиёд шуда наметавонад; Президенти ҚТ, пеш аз ба ҷаъолият шурӯъ кардан дар иҷлосияи Шурои Олии ҚТ даъвати дувоздахум савганд ёд мекунад; Шурои Вазирони ҚТ то таъсис додани Ҳукумати нав ваколатҳои Ҳукуматро амалӣ менамояд, ки Конститутсияи ҚТ пешбинӣ кардааст; Шурои вакилони халқи ВМКБ, вилоятҳо, шаҳрҳо, ноҳияҳо, деҳот ва шаҳракҳо, кумитаи иҷроияи онҳо ваколатҳои худро тибқи Конститутсияи ҚТ ва қонунгузории амалкунанда, дар қисми ба онҳо муҳолифат надошта, то таъсиси мақомоти нави маҳаллии ҳокимияти давлатӣ амалӣ менамоянд; судҳои ҳақамии ҚТ бояд ба судҳои иқтисодии ҚТ табдил дода шаванд; Кумитаи назорати конститутсионии ҚТ то интихоби Суди конститутсионии ҚТ амал кунад; қонуни мазкур қувваи Қонуни конститутсионӣ дошта аз рӯзи қабули он ба амал медарояд.

Санади олии ҳуқуқии мазкур қувваи олии ҳуқуқӣ дошта, ба қабули Конститутсияи нави ҷумҳурӣ, интихоботи Президенти ҚТ, қабули қонунҳои нави ҚТ, интихоб ва ба ҷаъолият шурӯъ кардани мақомоти ҳокимияти давлатӣ ва мақомоти судҳо заминаи бозътимоди ҳуқуқӣ гардид. Дар ҳуди санади мазкур конститутсионӣ эълон шудани он, ба таҷрибаи анъанавии ташаккули қонунгузорӣ ва таъсиси низоми қонунгузорӣ мувофиқ намеомад, аммо ин амсоли нодири ҳуқуқӣ-конститутсионие гардид, ки ба рушди минбаъдаи раванди қонунгузорӣ ва ҳатто сохтори конститутсионӣ таъсири калон гузошт.

Ҳамзамон набояд фаромӯш кард, ки Қонуни мазкур дар асоси Эълумияи соҳибхитӣроии давлатии ҚТ ва мувофиқи чандин моддаҳои Конститутсияи (Қонуни Асосӣ) ҚТ, ки то ин марҳила амал мекард, қабул карда шуда буд. Ин амал далели равшани риояи усули идоманокӣ ташаккулёбии низоми нави қонунгузории конститутсионии ҚТ гардид. Ва рушди минбаъдаи қонунгузории конститутсионӣ ба ин омил зич пайвастагӣ дорад [3, с. 262].

Аз рӯи тақвими таҳияи лоиҳа ва қабули қонунҳои конститутсионӣ ва қонунҳои ҷорӣ муайянкардаи Қонуни конститутсионии мазкур суръат гирифтани пайдоиши низоми қонунгузории нав низ далели равшани тасдиқи риояи усули таҷзияи ҳокимияти давлатӣ мебошад.

Дар таъмини иҷрои тақвими мазкур ҷаъолияти Маҷлиси Олии даъвати якум мисоли хеле ибратбахш аст. Дар мухлати як сол ба анҷом расонидани таҳия ва қабули қариб бист қонунҳои конститутсионӣ ва дар мухлати ду сол қабули даҳҳо қонунҳои ҷорӣ далели он аст, ки сарфи назар аз чандон ихтисосманд набудани ҳайати вакилони Маҷлиси Олӣ ба туфайли дар ин ҳайат ҷаъолият доштани як зумра ҳуқуқшиносони унвону таҷрибадор ба иҷро расонидани ин кор имконпазир гардид. Гуфтан кифоя аст, ки дар як ҳуди иҷлосияи дуҷуми Маҷлиси Олии даъвати якум дар давоми ду рӯз чунин қонунҳои конститутсионӣ қабул карда шуданд: Қонуни конститутсионӣ «Дар бораи Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 3 ноябри соли 1995, № 80; Қонуни конститутсионӣ «Дар бораи Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 3 ноябри соли 1995, № 83; Қонуни конститутсионӣ «Дар бораи Суди конститутсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 3 ноябри соли

1995, № 85; Қонуни конститутсионӣ «Дар бораи сохтори судӣ» аз 3 ноябри соли 1995, № 87; Қонуни конститутсионӣ «Дар бораи статуси вакилони халқи Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 3 ноябри соли 1995, № 89; Қонуни конститутсионӣ «Дар бораи Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 3 ноябри соли 1995, № 90; Қонуни конститутсионӣ «Дар бораи мақоми судяҳо дар Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 3 ноябри соли 1995, № 92; Қонуни конститутсионӣ «Дар бораи низоми ҳуқуқии вазъияти ғавқулодда» аз 3 ноябри соли 1995, № 94; Қонуни конститутсионӣ «Дар бораи судҳои ҳарбӣ» аз 3 ноябри соли 1995, № 96; Қонуни конститутсионӣ «Дар бораи тартиби ҳалли масъалаҳои сохтори маъмурии ҳудудии Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 4 ноябри соли 1995, № 100; Қонуни конститутсионӣ «Дар бораи Судҳои иқтисодии Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 4 ноябри соли 1995, № 102; Қонуни конститутсионӣ «Дар бораи шахрвандии Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 4 ноябри соли 1995, № 104; Қонуни конститутсионӣ «Дар бораи раёйпурсии Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 4 ноябри соли 1995, № 106; Қонуни конститутсионӣ «Дар бораи Вилояти Мухтори Кухистони Бадахшон» аз 4 ноябри соли 1995, № 108; Қонуни конститутсионӣ «Дар бораи адвокатура» аз 4 ноябри соли 1995, № 110.

Ғайр аз қонунҳои конститутсионӣ, Маҷлиси Оли рӯзҳои 3 ва 4 ноябри соли 1995, боз чандин қонунҳои ҷорӣ, қарорҳо ва дигар санадҳо қабул кард, ки дар байни онҳо чунин қонунҳои муҳим «Дар бораи Кумита ва Комиссияҳои доимии Маҷлиси Олӣ», «Дар бораи рӯзҳои ид», «Дар бораи танзими асъор ва назорати асъор», «Дар бораи хусусигардонии фонди манзил дар Ҷумҳурии Тоҷикистон», буданд [4, с. 217.].

Дар давоми ду рӯз (3 ва 4 ноябри соли 1995) қабул кардани чунин миқдори қонунҳо ва дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ дар таҷрибаи қонунгузории Маҷлиси Олӣ ҳодисаи нодирест, ки монанди он кам рӯй медиҳад. Дар назари аввал ин ҳодиса гӯё шаҳодати лаёқати ғавқулоддаи ғаёлияти қонунгузории Маҷлиси Олии даъвати якум бошад. Аммо ба хотир овардан лозим аст, ки Маҷлиси Олии даъвати мазкур на мақомоти намояндагии доимоамалкунандаи ҳокимияти давлатӣ, балки мақомоти намояндагии даъватӣ буда, мувофиқи Конститутсия соле на камтар аз ду бор иҷлосияи он даъват мегардид. Тасаввур кардан осон аст, ки ингуна мақомоти намояндагӣ лаёқати мукаммали ғаёлияти қонунгузорӣ надорад. Бинобар ин, лоиҳаи қонунҳои номбаршуда аз тарафи кумитаҳо ва Раёсати Маҷлиси Олӣ таҳия гардида, дар иҷлосия муҳокимаи чуқури онҳо барпо намегардид. Ва дар ҷаласаҳои иҷлосия вакилон асосан ба овоздихӣ ва маъқулшумории қонунҳо қаноатманд мешуданд. Ва ин таҷриба ба вакилони Маҷлиси Олӣ аз таҷрибаи Шурои Олии даъватҳои собиқ мерос монда, дар рафти баррасии лоиҳаҳо ҳануз ҳам талаби «Ба овоз монед!», садо медиҳад.

Аз рӯи шакл ва мазмун таҷрибаи иҷлосиявии қори Маҷлиси Оли даъвати якум, аз таҷрибаи қори иҷлосиявии собиқ Шурои Олии ҷумҳурӣ бо баъзе навгонҳои фарқ мекард. Яке аз онҳо ихтисор шудани шумораи ҳаёти вакилон буд. Мувофиқи Конститутсияи (Қонуни асосии) ҚТ ҳаёти Шурои Оли аз 230 вакил иборат буд, ки онро идора кардан ва қори вакилонро ба самти дарқории қонунзодкунӣ сафарбар намудан, осон набуд. Акнун Конститутсияи (Сарқонуни) ҚТ шумораи вакилони халқро то 182 кас ихтисор намуд ва онҳо бештар ба қори Кумитаҳо ва Комиссияҳои доимии Маҷлиси Олӣ вобаста карда шуданд. Вакилони халқ ваколатҳои худро дар Маҷлиси Олӣ дар асоси касбӣ ва доимӣ ва ё аз қори истеҳсолӣ ё хизматӣ ҷудо нашуда, иҷро мекарданд.

Омилҳои зикршуда боиси номукамал таҳия кардан ва қабули қонунҳо ва кодексҳо дар иҷлосияҳои Маҷлиси Олӣ даъвати якум буданд. Далели ҳулоаси

мазкур дар он равшан ифода меёфт, ки Маҷлиси Олӣ даъвати якум баробари қабули қонунҳо, мунтазам онҳоро тағйир дода, онҳоро азнав таҳрир ва қабул мекард. Ҳодисаҳои дар иҷлосияи навбатӣ ба қонуни дар иҷлосияи пешгузашта қабулшуда, дохил кардани тағйиру иловаҳо ва онҳоро азнав қабул кардан қариб ба ҳукми анъана даромада буд. Ин таҷриба, минбаъд дар фаъолияти қонунгузори Маҷлиси Олӣ таъсири худро гузошт.

Бояд қайд кард, ки Маҷлиси Олии даъвати якум дар фаъолияти худ, инчунин аз моҳияти фаъолияти қонунгузорӣ берун шуда, санадҳое қабул мекард, ки онҳо ҳилофи Конститутсия ва баъзе қонунҳои конститусионӣ буданд. Масалан, дар иҷлосияи ҳаштуми даъвати якум 12 декабри соли 1997 ду қарори Суди конституционии ҚТ баррасӣ шуда, Маҷлиси Олӣ қарор «Дар бораи тафсири моддаи 89 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон»-ро қабул кард. Суди конститусионӣ то он вақт ду қарор «Дар бораи ба моддаи 32 мувофиқ наомадани Қонуни конститусионӣ «Дар бораи Суди конституционии Ҷумҳурии Тоҷикистон» ва қисман мувофиқ наомадани қисми 2 моддаи 59 ва қисми дуюми моддаи 71 Қонуни конститусионӣ «Дар бораи Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон» қарор қабул карда буд. Дар қарори худ Маҷлиси Олии ҚТ, қ. 1 м. 89 -ро шарҳ дода, ду қарори номбаршудаи Суди конституциониро ҳилофи он ҳисоб кард. Вале моҳиятан ва мазмунан бо қарори мазкури худ Маҷлиси Олӣ бесалоҳиятии худро ошкор кард. Зеро ки Маҷлиси Олӣ: **якум**, ҳуқуқи тафсири Конститутсияро надошт; **дуум**, Маҷлиси Олӣ ҳуқуқи бекор кардани қарори Суди конституциониро надошт; **сеюм**, Маҷлиси Олӣ ваколати бо қарор (на бо қонун) шарҳ додани меъёри Конститутсияро надошт; **чорум**, даъвои Маҷлиси Олӣ дар хусуси зерӣ ибораи «қонунҳо» гӯё дар Конститутсия фақат қонунҳои қорӣ дар назар дошта шудааст ва он ба қонунҳои конститусионӣ дахл надорад, беасос ва ғалат буд. Ба эътирози Раиси Суди конститусионӣ эътибор ва ҷавоб нагاردонида, Маҷлиси Олӣ қарори ҳилофи конституционии худро, аз 12 декабри соли 1997, бетағйир монанд [4, с.55-62].

Бо ин икдоми худ Маҷлиси Олӣ ба шаъну мартабаи Суди конститусионӣ ҳалал ворид кард.

Нуксонҳои ҷойдошта ва зикршуда дар фаъолияти Маҷлиси Олии даъвати якум, бештар нуқси инкишоф ва мукамалгардӣ ба ҳисоб рафта, як навъ таҷрибаи пешакии гузариш ба низоми парлумони касбӣ доништа шудаанд. Фаъолияти Маҷлиси Олии даъватҳои минбаъда дар сатҳи парлумонӣ бо тадриҷ сифатан беҳтар гардида, ба моҳияти парлумонии он мувофиқ меомаданд.

Дар хотима қайд кардан ба маврид аст, ки сарфи назар аз ҷой доштани нуқсони инкишоф, нақши ҳар як даъвати Маҷлиси Олии ҚТ дар устувор гардонидани заминаҳои сиёсии ҳуқуқии сохтори конститусионӣ, мавқеи хосаи намоёндагӣ, қонунгузорӣ, назоратӣ пайдо кардани Маҷлиси Олӣ, рушди шаклҳои фаъолияти он, сифатан беҳтаршавии онҳо, иштироки самараноки намоёндагони он дар кори муассисаҳои парлумонии байналмилалӣ ва минтақавӣ, сазовор ифода кардан ва ҳифзи мавқеъ ва манфиати ҚТ дар онҳо ва рушди робитаҳои байнипарлумонӣ бо давлатҳои хориҷӣ, хеле муҳим мебошанд.

Фаъолияти Маҷлиси Олии ҚТ даъвати якум оғози гузариш ба низоми нави мақомоти намоёндагии олии ҳокимияти давлатии ҚТ ба ҳисоб рафта, қадами аввали даст кашидан аз низоми Шурои Олии ҚТ-ро ифода мекунад. Яъне интиҳоб ва даъват шудани Маҷлиси Олии ҚТ даъвати якум ба давраи бардавоми 64 солаи фаъолияти мақомоти олии намоёндагии ҷумҳурӣ (Анҷумани Шурои Советҳо, Кумитаи Марказии Иҷроияи Тоҷикистон, Шурои Олӣ, Раёсати Шурои Олии ҚТ) хотима гузошт ва раванди гузариш ба низоми нави мақомоти олии

намояндагиро ба воқеият табдил дод. Аз ин ҷиҳат кори Маҷлиси Олии даъвати якум аҳамияти муҳими таърихӣ дошта, давраи нави барпоёбӣ ва рушди низоми мақомоти намояндагии ҳокимияти давлатии ҚТ мебошад.

Дар чорабиниҳои имрӯзаи мо бахшида ба 30-солагии ташаккулёбӣ, рушд ва дурнамои фаъолияти қонунгузории ҚТ, ки асосан мавзуи мубоҳисаҳо, сабаки кори Маҷлиси Олии даъвати якум мебошад, яке аз вакилони ҳамин даъват, ташаббускори баргузор шудани конфронси мазкур, ходими барҷастаи давлатӣ ва ҷамъиятӣ, собиқ Вакили ду даъвати Маҷлиси Олии ҚТ, корманди Вазорати корҳои дохилии ҚТ, собиқ сарвари Академияи милитсияи ВКД, генерал-майор, олими намоёни соҳаи ҳуқуқшиносӣ ва сиёсатшиносӣ, дорандаи боз чандин унвонҳои фахрӣ, мудири шуъбаи ҳуқуқи давлатии Институти давлат ва ҳуқуқи АМИТ, доктори илми ҳуқуқшиносӣ, профессор Мачидзода Ҷурахон Зоир (Зоир Ҷурахон Мачидзода) мебошанд. Ва ба назари мо, дар ҳайати вакилони Маҷлиси Олии даъвати якум фаъолият кардани ҳамин шахси наҷиб ва ҷанде вакилони сазовори ҳамин ном ба мо асос медиҳад, ки нақши Маҷлиси Олии даъвати мазкурро дар рушди қонунгузории ҚТ бо неки ба ёд орем ва сабаки онро омӯзем.

Ҳамчунин, дар ривочу равнақи фаъолияти Маҷлиси Олии ҚТ даъвати якум ҳиссаи Вакили халқ, Устои арҷманди олимони ҷумҳурӣ, собиқ Президенти АМИТ, академик, дорандаи мукофотҳои сершумори давлатӣ ва унвонҳои гуногуни илмӣ, ходими намоёни давлатӣ ва ҷамъиятӣ, ҳоло мудири шуъбаи моделсозии риёзии равандҳои динамикии Маркази рушди иноватсионии илм ва технологияи нави АМИТ, доктори илмҳои физикаву математика, профессор, шахсияти соҳибхитрому иззатманд Маҳмадшоҳ Илолов хеле калон буд.

Ҳамин тавр, мувофиқи Конститутсияи ҚТ ва Қонуни конституционӣ «Дар бораи Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз соли 1995 ба фаъолият шуруъ кардани Маҷлиси Олии даъвати якум ва санадҳои меъёрии ҳуқуқии сершумори таҳия ва қабул кардаи он, сароғози давраи нави қонунгузории ҷумҳурӣ мебошад. Моҳияти баргузории ҷаласаҳои Маҷлиси Олии даъвати мазкур, ташкил ва кори Шуро, кумитаҳо ва комиссияҳо, ҷалб карда шудани аксарияти вакилон ба фаъолияти онҳо, нақши дастгоҳи корӣ ва самараи умумии фаъолияти мақомоти олии намояндагии ҚТ дар давраи нав, қадами ҷиддие дар иқдоми гузариш ба низоми парлумони касбӣ дар ҷумҳурӣ, ба ҳисоб мераванд.

Рӯйхати адабиёти истифодашуда:

1. Имомов А. Ҳуқуқи парлумонии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Китоби дарсӣ. – Душанбе, 2016. -424 с.
2. Имомов А. Актуальные проблемы парламентского права Республики Таджикистан: монография. –Душанбе: «Сифат – Офсет», 2020. -292 с.
3. Имомов А. Маҷлиси Олии (парлумони) Ҷумҳурии Тоҷикистон. Даъвати якум. –Санкт-Петербург, 1998. -262с.
4. Имомов А. О проблемах толкования Конституции и законов Таджикистана //Центральная Азия. Независимый общественно-политический журнал.- 1998.- № 1 (13). –С. 55-62.

Муқарризи мақола Диноршоҳ А. М. – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор.

УДК:347 (575.3)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОБСТВЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Раджабзода Махмадёр Носир,

Таджикский педагогический институт в Раштском районе, факультет права и государственного управления, кафедра права и государственного управления, доцент, кандидат юридических наук. E-mail: rajabov.m.19973@mail.ru

Аннотация. Собственность международных организаций является новой формой собственности, которая регулируется на основе норм международного права, национального права и международного частного права. Международные организации являются субъектами права собственности, которое отличается от права собственности других субъектов права собственности, таких как физические и юридические лица, а также государство, по своему статусу и природе. В статье рассматриваются особенности собственности международных организаций, такие, как применение иммунитета на собственность международных организаций, возникновение первоначальной собственности международных организаций на основе взносов государств-членов, а затем – от деятельности и капиталовложений международных организаций. Кроме того, на статус собственности международной организации всегда влияет публично-правовая природа международных организаций. В статье также рассматриваются соотношения и отличия категорий «собственность», «вещь», «имущество», место и роль норм международного права, национального права и международного частного права при регулировании собственности международных организаций. Основное внимание уделено спорным вопросам форм собственности международных организаций и важнейшим факторам, влияющим на статус международных организаций в системе субъектов международного частного права.

Ключевые слова: Конституция Республики Таджикистан, собственность, международные организации, международное право, международное частное право, правовое регулирование, формы собственности, частная собственность, государственная собственность, Гражданский кодекс, международный договор, собственность международных организаций, субъект права собственности, имущество, вещь, иммунитет собственности, право собственности, виды собственности, национальное право.

Танзими ҳуқуқи моликияти созмонҳои байналмилалӣ

Раҷабзода Маҳмадёр Носир,

Донишқадаи омӯзгории Тоҷикистон дар ноҳияи Рашт, факултети ҳуқуқ ва идораи давлатӣ, кафедраи ҳуқуқ ва идораи давлатӣ, дотсент, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ. E-mail: rajabov.m.19973@mail.ru

Фишурда. Моликияти созмонҳои байналмилалӣ яке аз навъҳои нави шакли моликият мебошад, ки дар асоси меъёрҳои ҳуқуқи байналмилалӣ, ҳуқуқи миллӣ

ва ҳуқуқи байналмилалӣи хусусӣ танзим карда мешаванд. Созмонҳои байналмилалӣ субъекти ҳуқуқи моликият мебошанд, ки аз дигар субъектҳои ҳуқуқи моликият, аз ҷумла шахсони воқеӣ ва ҳуқуқӣ ва давлат бо табиати ҳуқуқӣ ва вазъ фарқ мекунанд. Дар мақола хусусиятҳои моликияти созмонҳои байналмилалӣ баррасӣ шудаанд, аз ҷумла ба моликияти созмонҳои байналмилалӣ татбиқ шудани масунӣ, сарчашмаи аввалини пайдоиш-аъзоҳаққӣ давлатҳои аъзо, инчунин фаъолияти сармоягузорӣ мебошад, инчунин ба мақоми моликияти созмонҳои байналмилалӣ табиати оммавӣ-ҳуқуқӣи созмонҳои байналмилалӣ таъсиргузорафт. Дар мақола, инчунин таносуби истилоҳҳои «моликият», «ашё», «амвол», мақом ва нақши меъёрҳои ҳуқуқи байналмилалӣ, ҳуқуқи миллӣ ва ҳуқуқи байналмилалӣи хусусӣ дар танзими моликияти созмонҳои байналмилалӣ баррасӣ шудааст. Таваҷҷӯҳи асосӣ ба масоили баҳснок - шакли моликияти созмонҳои байналмилалӣ ва омилҳои муҳими таъсиррасон ба мақоми созмонҳои байналмилалӣ дар низоми субъектҳои ҳуқуқи байналмилалӣи хусусӣ анҷом дода шудааст.

Калидвожаҳо: Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон, моликият, созмонҳои байналмилалӣ, ҳуқуқи байналмилалӣ, ҳуқуқи байналмилалӣи хусусӣ, танзими ҳуқуқӣ, шаклҳои моликият, моликияти хусусӣ, моликияти давлатӣ, кодекси маданӣ, шартномаи байналмилалӣ, моликияти созмони байналмилалӣ, субъекти ҳуқуқи моликият, амвол, ашё, масунӣи моликият, ҳуқуқи моликият, намудҳои моликият, ҳуқуқи миллӣ.

Legal regulation of property of international organizations

Rajabzoda Mahmadyor Nosir,

Tajik pedagogical institute in Rasht district, faculty of law and public administration, department of law and public administration, associate professor, candidate of legal sciences. E-mail: rajabov.m.19973@mail.ru

The summary. The ownership of international organizations is one of the new types of ownership forms, which is regulated on the basis of the norms of international law, national law and private international law. International organizations are subjects of property right, which is distinct from the property right of other subjects of property right, such as natural and legal persons as well as the state, by its status and nature. The article examines the features of the property of international organizations, such as the application of immunity to the property of international organizations, the emergence of the original property of international organizations on the basis of contributions by statesmembers, and then from the activities and investments of international organizations. In addition, the ownership status of an international organization is always affected by the public-law nature of international organizations. The article also examines the relationships and distinctions between the categories "ownership", "thing", "property", status and role of international law, national law and private international law in regulating the property of international organizations. The main focus is on controversial issues - the forms of property of international organizations and major factors influencing the status of international organizations in the system of subjects of private international law.

Keywords: Constitution of the Republic of Tajikistan, ownership, international organizations, international law, private international law, legal regulation, forms of property, private property, state property, civil code, international agreement, property of an international organization, subject of property rights, property, thing, property immunity, property rights, types of property, national law.

Вопросы собственности всегда были и остаются одними из главных вопросов международного частного права, потому что проявление иностранного элемента в четырёх случаях по отношению к собственности неизбежно, особенно в отношении собственности международных организаций (далее - МО), и это естественно. Во-первых, в качестве правообладания выступает собственность МО, а в частноправовых отношениях всегда эти организации считались иностранными субъектами права, т.е. на территории любого государства оно является “иностраным субъектом”. Во-вторых, это верно по отношению к объекту собственности, т.е. особенно к собственности этих организаций, находящихся на территории иностранного государства, поскольку МО не имеет своей территории, а её собственность считается иностранной собственностью. В-третьих, юридический факт, т.е. основа возникновения, изменения и прекращения имущественных отношений с участием этих организаций, происходит в иностранном пространстве, т.е. это не исключено для собственности МО, а также то, что факт причинения ущерба собственности которым, имеет место в иностранном пространстве. В-четвёртых, применение права в отношении собственности МО всегда считалось “иностранным правом.” Иначе говоря, участниками данных имущественных отношений являются иностранные лица, объект находится в иностранном пространстве, возникновение или прекращение права собственности связано с иностранным пространством или иностранным элементом и, наконец, право, применимое к собственности, не свободно от “иностранного элемента”. Таким образом, именно в присутствии иностранного элемента проявляется собственность этой организаций. Но здесь надо отметить, что ч.1 ст. 1306 Гражданского кодекса Республики Таджикистан (далее – ГК РТ) определяет “иностраный элемент” “участием иностранных граждан или иностранных юридических лиц в гражданско-правовых отношениях...”. Это свидетельствует о том, что в ГК РТ (ст. 1306) не указаны другие субъекты отношений с иностранным элементом, такие как иностранное государство и МО, поскольку в ст. 1323 указанного закона предусмотрено “участие государства в гражданских правовых отношениях с иностранным элементом”. Всё это свидетельствует о том, что в ч.1 ст.1306 ГК РТ необходимо внести дополнение в следующей редакции: “Право, подлежащее применению к гражданско-правовым отношениям с участием иностранных физических и юридических лиц, иностранного государства и международных организаций, ...” и далее по тексту.

В XXI в. значительно расширилось участие указанных организаций в частноправовых отношениях с иностранным элементом: во-первых, они открывают свои представительства на территории почти всех государств мира; во-вторых, постоянно расширяется культурное, научно-техническое, инвестиционное сотрудничество между государствами, в котором принимают участие МО наравне с физическими и юридическими лицами и также государством в частноправовых отношениях. Всё это свидетельствует о широкой востребованности регулирова-

ния статуса этих организаций и определения степени их участия в имущественных правоотношениях.

В законодательстве, науке и практике используются термины “вещь”, “имущество” и “собственность”, а понятие “вещь” более широкое, чем понятия “собственность” и “имущество”. В таком смысле категории “вещь”, “собственность” и “имущество” используются в ГК РТ. А в Конституции РТ используется только термин “собственность” (ст. 12, 13, 32). В международно-правовых актах и учредительных документах международных организаций в основном используются термины “имущество” и “собственность” для международных организаций: “Собственность – это отношение субъекта к вещи” [3, с. 322].

Собственность – это понятие, определяющее принадлежность материальных вещей субъектам права и наделяющее их правом владения, пользования и распоряжения ими.

Является ли МО субъектом международного частного права? Наука, законодательство и практика признают указанную организацию как субъект международного частного права, и в этом нет сомнения, поскольку оно является субъектом международного публичного права. Но при выполнении своих целей и функций не исключено её участие в частноправых отношениях. Кроме того, в уставах большинства МО закреплено правило, что они имеют “статус юридического лица”, а также, что любая такая организация имеет право на собственность. В части первой ГК РТ от 30 июня 1999г. в качестве субъекта права собственности признавалась также МО (ст.235), а в действующем ГК РТ от 24 декабря 2022г., № 1918, в качестве субъекта права собственности признаются не только физические и юридические лица РТ, но и административно-территориальные единицы, иностранные государства и МО (ст.282).

В монографии профессора Т.Н. Нешатаевой [9], посвященной проблемам собственности МО рассматриваются в рамках темы «Иммунитет собственности» [9, с. 225-227], и в качестве видов собственности этих организаций включаются: «здания, морские суда, летательные аппараты, автомобили, банковские вклады, ценные бумаги т.д.» [9, с. 225] и она считает, что собственность этих организаций не подлежит обыску, аресту, конфискации, реквизиции, экспроприации, национализации или какой-либо иной форме вмешательства путем исполнительных, административных или судебных действий, а также освобождения от налогов и таможенных сборов [9, с. 225-226].

В работах И.В. Гетьман-Павловой и А.О.Иншакова вопросы коллизионного регулирования собственности МО рассматриваются в такой форме: “Право собственности ММПО закрепляется, как правило, в международном договоре организации с государством её места пребывания (соглашение между ООН и Швейцарией, между Францией и ЮНЕСКО). Исходное начало коллизионного регулирования права собственности – применение права места нахождения вещи. Однако международный характер собственности ММПО требует трансформации этой общей коллизионной привязки в специальные место нахождения – штаб-квартира организации, место регистрации собственности, место нахождения вещи в международном районе. Такая трансформация традиционных принципов означает применение к регулированию права собственности ММПО внутренних правил самой организации. Точно так же принято трактовать закон места заключенная сделки – закон места заключения контракта в международном районе” [4, с. 103]. “Принцип автономии воли вселцело применим и к сделкам с участием ММПО.

Современная контрактная практика ММПО свидетельствует об устойчивой тенденции отказа от применения национального права и подчинения сделки международному праву, общим принципам права, общим принципам международного права”.

Необходимо определить, в какой форма собственности в международном частном праве рассматриваются собственности МО. Здесь сначала нужно определить, что означает категория “форма собственности”. В науке и законодательстве появление категории “форма собственности” имеет не такую уж давнюю историю, т.е. её появление на территории Таджикистана характерно для советского периода, но в тот период по-разному выражались формы собственности, т.е. в Конституции Таджикской ССР от 1 марта 1937 г. Статья 5 гласила, что: “Социалистическая собственность разделена в форму государственной собственности и в форму кооперативно-колхозной собственности...”, а для Конституции Таджикской ССР от 4 апреля 1978г., (ст.10), такое положение также характерно. Но основу экономической системы Таджикской ССР составляла именно социалистическая собственность..., а государственная собственность и кооперативно-колхозная собственность считались “формами собственности”. В Конституции РТ от 6 ноября 1994г. (ст. 12) указано, что “основу экономики Таджикистана составляют различные формы собственности,...государство гарантирует... равноправие и правовую защиту всех форм собственности, в том числе частной”. В отношении “равноправия и правовой защиты всех форм собственности” Ф.С. Сулаймонов пишет: “Что означает “равноправие” всех форм собственности в данном контексте Конституции РТ? Разве у форм собственности могут быть равные права”? Следует отметить, что равноправие, как правовая категория, в основном носит субъективный характер, т.е. направлена субъектам права, и олицетворяет особенность правового статуса субъекта права. Следовательно, есть равноправные субъекты, а не равноправные объекты. Касательно равноправия форм собственности отметим, что в данном контексте категория “равноправие” означает не столько “равные права”, сколько “право на существование, право быть этими различными формами собственности” [11, с. 87-88]. Кроме того, из содержания ст.12 Конституции РТ вытекает, что конкретные формы собственности неопределены, и поэтому неизбежно появление терминов “различные” и “всех” для определения форм собственности, поскольку ст. 283 ГК РТ называется “Формы собственности”, и чётко фиксирует: “собственность в Республике Таджикистан определена в формах частной и государственной”. Но Ф.С. Сулаймонов отрицает существование “иных форм собственности” и свою позицию выражает в том смысле, “что в ст.12 Конституции Республики Таджикистан под “равноправием форм собственности “понимается возможность возникновения иных форм собственности, кроме частной собственности, в частности, и публичной (государственной).

При комментировании ст. 12 Конституции РТ профессора М.З. Рахимзода, Ш.К. Гаюрзода, Ф.А. Косимзода пишут, что “основой соотношения между производственными отношениями и силой производства общества являются разные формы собственности. Собственность, как правило, означает материальные блага, которые имеют цвет, название, размер, объем и другие индивидуальные признаки. Собственность – это отношение между собственником и определёнными материальными благами, которые в результате используются для обеспечения потребностей собственника. В экономическом смысле собственность выражается в отношении определенного лица к различным

материальным благам. А в гражданском праве собственность выражается не только различными материальными благами или имуществом, но также охватывает и нематериальные блага, т.е. личные права или неимущественные права, такие как результаты издания литературы, название фирмы, товарный знак и др. Таким образом, важную роль играют различные формы собственности в развитии экономики Таджикистана” [14, с. 80-81].

Экономика государства исходит именно из того, что собственность выступает как составляющий элемент государственного строя в интересах народа, и может развивать и иные формы собственности в её экономическом смысле. В юридическом смысле, кроме частной и публичной (государственной) форм собственности, иные формы собственности исключаются” [11, с. 88]. Но поскольку в Конституциях многих стран мира, таких как Эстония (ст. 32), Турция (ст.14), Пакистан (ст.15), Марокко (ст.25), Литвия(ст.23), ФРГ(ст.14) и др. не выделяются формы собственности, а также в Конституциях ряда государств, таких как США (поправкаV), Япония (ст.29), Испания(ст. 33), Кыргызстан (ст.19), Молдова (ст. 46) указано только о частной собственности, это не означает, что отсюда можно сделать такой вывод, что формы собственности не имеют юридического значения. Потому что, как предлагает Ф.С.Сулаймонов, понятие “форма собственности” в экономических отношениях выражается в двух признаках: это, во-первых, индивидуализация собственника, который вступает в данные отношения в качестве субъекта, а, во-вторых, принадлежность собственнику разнovidного имущества. Также форма собственности выражается в двух формах – частной и публичной (государственной) [15, с. 217; 16, с. 328].

Ф.С. Сулаймонов предлагает использовать понятия “формы права собственности” [15, с. 216] и “формы собственности” [16, с. 328]. Понятие “форма собственности”, по мнению авторов “Комментария Гражданского кодекса Республики Таджикистан.(Часть первая)”, в тексте ст. 12 Конституции РТ данное понятие используется в соответствии с его экономической сущностью и объединяет два критерия –форму собственника и виды (объекты) имущества ... и из содержания ст.12 Конституции РТ вытекает, что в обществе существуют более двух форм собственности” [8, с. 562].

По мнению авторов учебника “Гражданское право” в Российской Федерации существуют три основные формы собственности: частная, государственная и муниципальная (в соответствии с ч. 2 ст.8 Конституции и ст. 212 ГК РФ). Этот перечень не является исчерпывающим, и некоторые юристы выделяют такую форму собственности, как собственность общественных объединений” [2, с. 201].

А.Н. Гуев предлагает четыре формы собственности – частную, государственную, муниципальную и иные формы собственности (собственность религиозных, общественных организаций, объединений, политических партий, профсоюзов и т.п. организаций, объединений” [5, с. 267].

Кроме того, в ст.13 Конституции РТ сказано: “Земля, её недра, воды, воздушное пространство, животный и растительный мир и другие природные ресурсы являются исключительной собственностью государства и государство гарантирует эффективное их использование в интересах народа”. Вообще, одним из самых сложных вопросов в науке частного права в XX – XXI вв. был и остаётся вопрос о “формах собственности”. Поэтому такие видные ученые, как Е.А.Суханов, считают, что эти формы собственности не являются юридическими категориями и представляют собой экономические понятия и категории [13, с. 44]. Его позицию поддерживает Ф. С. Сулаймонов и считает форму собственности политэкономической категорией [11, с. 86].

Отстаивая свою позицию, профессор Е.А. Суханов полагает, что: “Форма собственности является экономической категорией... В зависимости от субъекта присвоения, она может быть индивидуальной, групповой (коллективной), общественной (общенародной). Формы собственности (присвоения) – это различные способы закрепления принадлежности материальных благ за конкретными субъектами (участниками) экономическими отношениями [13, с. 40-41]. Форма (вид) права собственности – это совокупность правовых норм (правовых институтов), закрепляющих принадлежность материальных благ определенным субъектам и устанавливающих правовой режим соответствующего имущества” [13, с. 45-46]. Таким образом, профессор Е.А. Суханов считает, что система форм права собственности разделяется на виды: во-первых, это право собственности государства и административно-территориальных образований. Во-вторых, право собственности юридических лиц (коллективов), ...оно представлено такими разновидностями, как ...право собственности международных организаций (тоже на имущество, находящееся на территории СССР). В-третьих, в систему форм права собственности входят права собственности граждан... А также “смешанные формы собственности”, образуемые путем “объединения имущества, находящегося в собственности граждан, юридических лиц и государства, а также иностранных юридических лиц и граждан” [13, с. 45-47].

В части первой ГК РТ от 30 июня 1999 г. формы собственности разделены на частную и публичную (государственную) (ст. 236). А в действующем ГК РТ (от 24 декабря 2022 г., № 1918) признаются формы частной и государственной собственности, но отсутствует термин “публичная собственность” (ст. 283 ГК РТ). А в Конституции РТ используется термин “...различные формы собственности...” (ст. 12), и только одна из этих форм именуется “частной”.

Таким образом, “характерные конституциям многих стран мира формы собственности не выделяются. Например, ст. 14 Основного закона ФРГ от 23 марта 1949 г., гласит: “Собственность и право наследования гарантируются...”.

Аналогичные положения закреплены в ст. 32 Конституции Эстонской Республики от 28 июня 1992 г.; ст. 23 Конституции Литовской Республики от 25 октября 1992 г.; ст. 25 Конституции Королевства Марокко от 10 марта 1972 г.; ст. 15 Конституции Исламской Республики Пакистан от 2 марта 1956 г.; ст. 14 Конституции Тунисской Республики от 1 июня 1959 г. В ряде конституций упоминается о частной собственности. Например, поправка V к Конституции США от 17 сентября 1787 г.; ст. 33 Конституции Испании от 27 декабря 1978 г.; ст. 19 Конституции Республики Кыргызстан от 5 мая 1993 г.; ст. 46 Конституции Республики Молдова от 29 июля 1994 г.

В Конституции Японии от 3 мая 1947 г. говорится о «частном имуществе» (ст. 29), в Конституции Турецкой Республики от 9 ноября 1982 г. – о «частных предприятиях» (ст. 47), в Конституции Франции (преамбула) выделяют «коллективную собственность» (но в смысле общественной, публичной). Наиболее четко выделяются формы собственности в Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. В ст. 9 закрепляется, что: «Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности» [12, с. 55-56; 1, с. 246-249].

В конституциях большинства государств ничего не говорится о формах собственности, и, по мнению Н.К. Бердинязовой, «происходит деление не форм собственности, а её субъектов» [1, с. 248]. В таком смысле академик Ю.К. Толстой пишет, что «форма собственности выражается в том, что собственность принадлежит тому или иному субъекту и определяется правовым режимом имущества, а также составляет объект этого права и спектр тех возможностей, которыми в отношении указан-

ного имущества располагает его собственник» [3, с. 330-331]. Ю.К. Толстой считает, что «собственность в Российской Федерации подразделяется на частную, государственную и муниципальную. В свою очередь в составе частной собственности различается собственность граждан и юридических лиц, государственно-федеральная собственность и собственность субъектов федерации, муниципальная собственность городских и сельских поселений и собственность других муниципальных образований. Эти формы в свою очередь могут подразделяться на виды. Так, собственность граждан и юридических лиц, федеральная собственность и собственность субъектов федерации могут рассматриваться в качестве видов соответствующих форм собственности. Классификация собственности на виды может производиться по самым различным основаниям. Она не может не выходить за пределы одной формы собственности...» [3, с. 332-333].

По мнению К.Ш. Курбонова, сущность понятия «форма собственности» с точки зрения экономической науки – это присвоение материального блага со стороны конкретного лица, и поэтому признаку разделяется на частную, коллективную и общественную. А в юридическом аспекте существует две формы собственности – частная и публичная, а других «форм» собственности не существует [7, с. 323]. Но К. Ш. Курбонов считает, что понятие «форма собственности» охватывает не только положение собственника по отношению к собственности, но также основания возникновения и прекращения собственности и порядок владения, пользования и распоряжения собственностью» [7, с. 323-324]. По мнению М.Я. Кириллова, “основой экономической системы СССР является социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и коллективно-кооперативной собственности..., собственность профсоюзов и иных общественных организаций предусмотрена Конституцией как самостоятельная форма... Все три формы социалистической собственности однотипны, но они отличаются друг от друга по источникам возникновения, кругу субъектов и способу управления. Личная собственность граждан как форма собственности не рассматривается, потому что оно носит потребительский характер, поскольку оно служит основным средством удовлетворения материальных и культурных потребностей граждан” [10, с. 298-299]. Поэтому вопросу академик М.К. Сулейменов имеет другую точку зрения, т.е. он пишет, что “собственность одна и едина по своему экономическому содержанию, нет никаких форм собственности и форм права собственности. С экономической точки зрения любая собственность – это присвоение, а с юридической – любое право собственности означает право владения, пользования и распоряжения имуществом, по своему усмотрению и в своих интересах.

Разделение собственности на виды проводится по ее субъектам. Когда мы говорим о государственной собственности, это означает, что субъектом права собственности является государство, когда речь идет о частной собственности – частные физические и юридические лица. “Форм собственности” в этом смысле может быть бесчисленное множество – столько же, сколько может быть выделено по тем или иным признакам субъектов права и их разновидностей” [12, с. 55-56].

Таким образом, можно сказать, что по вопросу о том, в какой форме включать собственность МО, в науке МЧП существует три точки зрения. Во-первых, собственность этих организаций является формой частной собственности. Во-вторых, группа ученых считают, что собственность МО является формой государственной собственности. В-третьих, т. е., последняя группа ученых, считают, что собственность МО является новой формой собственности, которая имеет свои собственные субъекты. Такая позиция ближе к истине. Если собственность МО считается формой частной или государственной собственности, тогда её регулируют нормы

национального права. В этом случае она реально не соответствует природе МО как субъекта международного публичного права. Кроме того, по природе и статусу собственность этих организаций отличается от частной и государственной собственности. В связи с этим возникает вопрос: нормы какой системы права применяются к регулированию собственности МО?

Здесь надо отметить, что не подлежит сомнению тот факт, что при регулировании собственности МО участвуют не исключительно нормы национального права. При этом обязательно норма международного права, которая регулирует статус собственности МО, содействует применению норм национального права. Вообще при регулировании собственности МО применяется комплекс норм международного права, правовых актов МО и национального права. Национально-правовое регулирование собственности МО реализуется при “допуске” норм международного права и соответствующем решении МО. Особенности национально-правового регулирования собственности МО проявляются тогда, когда эта собственность регистрируется в том или ином государстве. Например, регулирование правового статуса транспортных средств как собственности указанных организаций происходит на основе законодательства того государства, в котором происходит регистрация. Коллизионно-правовое регулирование собственности в международном частном праве происходит на основе привязок “закон места нахождения вещи”, “закон государственной регистрации вещи” и “закон государства, на основе которого возникает и прекращается право собственности”, но по отношению к собственности этих организаций такие правила не всегда совпадают.

Наконец, действительно ли проблемы собственности МО выражаются в процессе возникновения и прекращения её существования? Возникновение и прекращение существования собственности МО происходит на основе норм международного права или правовых актов этих организаций, но в определенных случаях по отношению к собственности которых применяется “закон государства, на основе которого возникает и прекращается право собственности”, но такое правило не всегда совпадает только при “допуске” международно-правовых актов.

Таким образом, собственность МО является новой формой собственности, в регулировании которой участвует комплекс норм международного права и национального законодательства, но по своей природе она имеет международный характер, т. е. эта собственность имеет иммунитет, а также указанная организация как субъект права собственности признается национальными законодательствами большинства стран мира, в том числе РТ. Вообще до сих пор на уровне национального законодательства и международно-правовых актов четко не определены объекты собственности МО, и поэтому по-разному эта категория объектов включается в объекты собственности, например, в Конвенции о привилегиях и иммунитетах ООН от 13 февраля 1946г. (ст.1, 2) и Конвенции о привилегиях и иммунитетах Специализированных учреждений ООН от 21 ноября 1947г. (ст.2, 3) в качестве объектов собственности ООН и Специализированных учреждений ООН указаны “недвижимое и движимое имущество, активы, фонд, помещение”, а в уставе ШОС (ст.15) – “движимое и недвижимое имущество, открытие счёта, денежные средства” рассматриваются как объекты её собственности, тогда как в Уставах ООН (ст.104), ЮНИДО (ст.21), МСЭ (ст.31), МАГАТЭ (ст.15) используется категория “правоспособность,” и это означает способность этих организаций иметь право на собственность. В соответствии с Соглашением между Правительством Республики Казахстан и Евразийским банком развития об условиях пребывания Евразийского банка развития на территории

Республики Казахстан от 17 июня 2006г. к его объектам собственности (Евразийского банка развития) относятся: “движимое и недвижимое имущество, автотранспорт Банка, помещения, имущество, активы, любое имущество, валюта, ценные бумаги и др.” Таким образом, МО для выполнения своих функций и достижения своих целей имеют право приобретать любое имущество за исключением имущества, изъятого из оборота в соответствии с законодательством государства, на территории которого находится указанная организация. Другая особенность собственности МО заключается в том, что статус и природа их собственности связаны с публично-правовым статусом этих организаций, и поэтому пользуются иммунитетом, и их собственность не используется в целях получения прибыли, а только для выполнения ими своих функций и достижения уставных целей.

Список использованной литературы:

1. Бердиниязова Н.Б. Право собственности как центральный институт в системе гражданского права // Гражданское право и гражданское законодательство: материалы Межд. научно-практ. конф. в рамках ежегодных цивилистических чтений, посвященных юбилею Гражданского кодекса Республики Казахстан (15-летию Общей части и 10-летию Особенной части). Алматы, 13-14 мая 2009г. / отв. ред. М.К. Сулейменов. – Алматы: НИИ частного права КазГЮУ, 2009. – 648 с.
2. Гражданское право: общая и особенная части: учебник // Отв.ред. А.П. Фоков. – М.: КНОРУС, 2006. – 688 с.
3. Гражданское право: учебник. Часть I // Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: ПРОСПЕКТ, 1997. – 600 с.
4. Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право: учебник. – М.: Эксмо, 2005. – 752 с.
5. Гуев А.Н. Гражданское право: учебник: в 3-х т. Т.1. – М.: Экзамен, 2006. – 479 с.
6. Иншакова А.О. Международное частное право: учебник. – М.: РУДН, 2011. – 374 с.
7. Курбонов К.Ш. Ҳуқуқи граждони. Қисми 1: китоби дарсӣ. – Душанбе: ЭР-граф, 2014. – 488 с.
8. Маҳмудов М.А., Тағойназаров Ш.Т., Бобочонов И.Х., Бадалов Ш.К. Тафсири Кодекси граждони Ҷумҳурии Тоҷикистон (Қисми якум). – Душанбе: ЭР-граф, 2010. – 1000 с.
9. Нешатаева Т.Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. – М.: Дело, 1998. – 272 с.
10. Советское гражданское право: учебник: в 2-х т. Т. 1 / под ред. О.А. Красавчикова. – 3-изд., перераб. и доп. – М.: Высш.шк., 1985. – 544 с.
11. Сулаймонов Ф.С. Концепция вещных прав в Республике Таджикистан: монография. – Душанбе: ТНУ, 2016. – 152 с.
12. Сулейменов М.К. Избранные труды по гражданскому праву / науч.ред. В.С. Ем. – М.: Статут, 2006. – 587 с.
13. Суханов Е.А. Лекции о праве собственности. – М.: Юрид.лит., 1991. – 240 с.
14. Тафсири илмӣ-оммавии Конститусияи Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Душанбе: ДМТ, 2024. – 670 с.

15. Ҳуқуқи граждании Ҷумҳурии Тоҷикистон. Қисми якум: китоби дарсӣ / муҳаррирони масъул Ш.К. Ғаюров, Ф.С. Сулаймонов. – Душанбе: ЭР-граф, 2013. – 320 с.

16. Ҳуқуқи граждании Ҷумҳурии Тоҷикистон. Қисми якум: китоби дарсӣ / муҳаррирони масъул Ш.К. Ғаюров, Ф.С. Сулаймонов. – Душанбе: Истеъдод, 2022. – 448 с.

Рецензент статьи Касымзода Ф. А. – доктор юридических наук, профессор.

УДК: 341.7:347.4

ДОГОВОРНАЯ РАБОТА КАК ЯДРО ЮРИДИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Имомзода Нилуфар Махмадҷусуф,

заместитель председателя Комитета по законодательству и правам человека Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Таджикского национального университета. Адрес: Душанбе, Таджикистан, проспект Рудаки, дом 108, кв. 20. E-mail: nilufar-2010@mail.ru. Тел.: + 992 904 200 400.

Сангинзода Дониер Шохмахмад,

доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и коммерческого права юридического факультета Таджикского национального университета. Телефон: (+992) 980-85-07-07. Email: doniyor_sanginov@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется договорная работа как фундаментальная основа юридической дипломатии и ключевой инструмент реализации внешнеполитических задач государств. Анализируется историческая эволюция договорных отношений, теоретико-правовые основы заключения международных договоров, а также их роль в формировании современного международного правопорядка. Особое внимание уделяется процессуальным аспектам договорной работы: подготовке и согласованию текстов, переговорным техникам, процедурам принятия и установления аутентичности, механизмам выражения согласия на обязательность. Рассматриваются современные тенденции развития договорной практики в условиях цифровизации и возрастающей сложности международных отношений, а также значение договорной работы для развития правовой системы и защиты национальных интересов Республики Таджикистан.

Ключевые слова: договорная работа, юридическая дипломатия, международный договор, право международных договоров, Венская конвенция 1969 г., переговорный процесс, имплементация, pacta sunt servanda, многосторонние соглашения, юридическая техника.

Кори шартномавӣ ҳамчун асоси дипломатияи ҳуқуқӣ

Имомзода Нилуфар Махмадҷусуф,

муовини раиси Кумита оид ба қонунгузорӣ ва ҳуқуқи инсонии Маҷлиси намояндагонии Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессори кафедраи ҳуқуқи байналмилалӣ Донишгоҳи миллии

Тоҷикистон. Суроға: Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, хиебони Рӯдакӣ, бинои 108, ҳуҷраи 20. Тел.: +992 904 200 400 Пойтаи электронӣ: nilufar-2010@mail.ru

Сангинзода Дониёр Шохмаҳмад,

доктори илмҳои ҳуқуқ, профессори кафедраи ҳуқуқи соҳибкорӣ ва тиҷоратӣ факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Телфон: (+992) 980-85-07-07. Email: doniyor_sanginov@mail.ru

Фишурда. Дар мақола кори шартномавӣ ҳамчун асоси фундаменталии дипломатияи ҳуқуқӣ ва воситаи калидии татбиқи вазифаҳои сиёсати хориҷии давлатҳо, мавриди таҳқиқ қарор гирифтааст. Таҳаввули таърихӣ муносибатҳои шартномавӣ, асосҳои назариявӣ-ҳуқуқии бастанӣ шартномаҳои байналмилалӣ, инчунин нақши онҳо дар ташаккули тартиботи ҳуқуқии байналмилалӣ муосир таҳлил мешавад. Ба ҷанбаҳои расмӣ кори шартномавӣ: тайёр кардан ва мувофиқа сохтани матнҳо, усулҳои гуфтушунӣ, тартиби қабул ва муқаррар намудани ҳақиқӣ будан (аутентикӣ), механизмҳои ифодаи ризоият ба ҳатмӣ будан диққати махсус дода шудааст. Тамоюлҳои муосири рушди амалияи шартномавӣ дар шароити рақамикунонӣ ва мураккабшавии афзояндаи муносибатҳои байналмилалӣ, инчунин аҳамияти кори шартномавӣ барои рушди низоми ҳуқуқӣ ва ҳифзи манфиатҳои миллии Ҷумҳурии Тоҷикистон баррасӣ шудааст.

Калидвожаҳо: кори шартномавӣ, дипломатияи ҳуқуқӣ, шартномаи байналмилалӣ, ҳуқуқи шартномаҳои байналмилалӣ, Конвенсияи Венаи соли 1969, раванди гуфтушунӣ, татбиқ (имплементатсия), *pacta sunt servanda*, созишномаҳои бисёрҷониба, техникаи ҳуқуқӣ.

Treaty work as the core of legal diplomacy

Imomzoda Nilufar Mahmadosuf,

Deputy Chairman of the Committee on Legislation and Human Rights Majlisi Namoyandagon of the Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan Doctor of Juridical Science, Professor Department of International Law, Tajik National University Address: Apt. 20, 108 Rudaki Ave., Dushanbe, Republic of Tajikistan. Phone: +992 904 200 400 E-mail: nilufar-2010@mail.ru

Sanginzoda Donyer Shohmahmad,

doctor of Juridical Science, Professor Department of Business and Commercial Law, Faculty of Law Tajik National University. Phone: (+992) 980-85-07-07 Email: doniyor_sanginov@mail.ru

The summary. The article examines treaty work as the fundamental basis of legal diplomacy and a key tool for implementing the foreign policy objectives of states. The historical evolution of treaty relations, the theoretical and legal foundations of concluding international treaties, as well as their role in shaping the modern international legal order are analyzed. Special attention is paid to the procedural aspects of treaty work: preparation and negotiation of texts, negotiation techniques, procedures for adoption and authentication, and mechanisms for expressing consent to be bound. Contemporary trends in the development of treaty practice in the context of digitalization and the increasing complexity of international relations are considered, as well as the importance of treaty work for the development of the legal system and protection of the national interests of the Republic of Tajikistan.

Keywords: treaty work, legal diplomacy, international treaty, law of international treaties, Vienna Convention 1969, negotiation process, implementation, pacta sunt servanda, multilateral agreements, legal technique.

В системе современных международных отношений договорная работа занимает центральное место, выступая основным инструментом правового оформления межгосударственного взаимодействия и реализации внешнеполитических задач. Как справедливо отмечается в доктрине международного права, "договорная работа представляет собой комплексную деятельность государства по подготовке, заключению, исполнению и прекращению международных договоров, которая требует сочетания глубоких правовых знаний, дипломатических навыков и понимания политической конъюнктуры"[6, с. 12].

Юридическая дипломатия, будучи особым видом правовой деятельности на международной арене, немыслима без эффективной договорной работы. Именно через договорные механизмы государства согласовывают свои интересы, принимают на себя взаимные обязательства и создают правовую основу для долгосрочного сотрудничества. По меткому выражению одного из ведущих специалистов в области юридической дипломатии, "договорная работа является тем стержнем, на котором держится вся конструкция международного правопорядка, обеспечивая предсказуемость и стабильность межгосударственных отношений" [9].

Актуальность настоящего исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, наблюдается количественный и качественный рост договорной практики: количество международных договоров постоянно увеличивается, а их содержание усложняется. Во-вторых, современные вызовы - глобализация, цифровизация, появление новых сфер международно-правового регулирования - требуют совершенствования договорных механизмов и процедур. В-третьих, для Республики Таджикистан (далее - РТ), активно вовлеченное в систему международных отношений, вопросы договорной работы имеют особое значение с точки зрения защиты национальных интересов и выполнения международных обязательств.

Как подчеркивает Д. Муллоев, "роль международного права в укреплении государственной независимости и государственности Таджикистана значительна, поскольку она способствует определению места страны в системе международных отношений и защите национальных интересов" [7, с. 60].

В юридической науке понятие "договорная работа" традиционно рассматривается в двух основных аспектах: как деятельность по подготовке, заключению и исполнению договоров и как совокупность правовых норм, регулирующих эту деятельность. Применительно к международному праву договорная работа представляет собой систематическую деятельность государств и иных субъектов международного права, направленную на создание, изменение или прекращение международных договорных обязательств.

Как отмечает О.И. Ильинская, "право международных договоров является отраслью общего международного права, представляющей собой совокупность правовых норм, регулирующих заключение, действие и прекращение международных договоров" [6, с. 8]. Соответственно, договорная работа выступает практической реализацией этих норм в деятельности уполномоченных органов и лиц.

Сущностными характеристиками договорной работы выступают: целенаправленность - договорная работа всегда ориентирована на достижение конкретного результата: заключение договора, внесение в него изменений, прекращение его действия; системность - договорная работа включает множество взаимосвязанных эта-

пов и процедур, от инициирования переговоров до имплементации принятых обязательств; правовой характер - договорная работа осуществляется в строгом соответствии с нормами международного права и внутригосударственными процедурами; субъектность - договорную работу осуществляют уполномоченные на то лица и органы, действующие в пределах предоставленных им полномочий; результативность - итогом договорной работы выступает юридически обязательный документ, порождающий права и обязанности для его участников.

В контексте юридической дипломатии договорная работа приобретает особое значение, поскольку именно через договорные механизмы реализуется основная функция дипломатии - согласование интересов государств и их правовое оформление. Как подчеркивает Д.Ш. Сангинзода, "юридическая дипломатия представляет собой особый вид правовой и дипломатической деятельности, осуществляемой уполномоченными субъектами по использованию международно-правовых норм, институциональных механизмов и правовой аргументации для реализации внешнеполитических целей"[13].

Нормативную основу договорной работы составляет право международных договоров - отрасль международного права, принципы и нормы которой регулируют порядок заключения, исполнения и прекращения международных договоров. Центральное место в системе источников этой отрасли занимает Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. [2].

Как указано в преамбуле Конвенции, государства-участники признают "все возрастающее значение договоров как источника международного права и как средства развития мирного сотрудничества между нациями, независимо от различий в их государственном и общественном строе". Конвенция подтверждает, что "принципы свободного согласия и добросовестности и норма *pacta sunt servanda* получили всеобщее признание"[4].

Венская конвенция 1969 г., определяет ключевые понятия, используемые в договорной работе. Согласно ст. 2, "договор" означает международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования.

Важное значение для договорной работы имеет определение "участвующего в переговорах государства" - государства, которое принимало участие в составлении и принятии текста договора. "Договаривающееся государство" - это государство, которое согласилось на обязательность для него договора, независимо от того, вступил ли договор в силу или нет. "Участник" - государство, которое согласилось на обязательность для него договора и для которого договор находится в силе.

Как отмечает С.Н. Арапов, "порядок и стадии заключения международных договоров представляют собой сложный многоступенчатый процесс, каждая стадия которого имеет самостоятельное юридическое значение и регулируется как международным правом, так и внутригосударственным законодательством" [2].

Юридическая дипломатия как особый вид деятельности включает в себя различные направления: нормотворческое, правоприменительное, судебно-защитное, консультативное и др. Однако именно договорная работа занимает в этой системе центральное место, выступая основным инструментом создания международно-правовых норм и оформления межгосударственных отношений.

Как отмечается в современных исследованиях, "юридическая дипломатия немыслима без эффективной договорной работы, поскольку именно через договорные механизмы государства реализуют свои внешнеполитические задачи, прини-

мают на себя обязательства и создают правовую основу для долгосрочного сотрудничества"[10].

Соотношение договорной работы и юридической дипломатии можно представить следующим образом: договорная работа как инструмент - через договорную работу реализуются цели и задачи юридической дипломатии; договорная работа как процесс - она включает множество процедурных аспектов, требующих применения дипломатических навыков и правовых знаний; договорная работа как результат - ее итогом выступает международный договор, фиксирующий согласованные позиции государств; договорная работа как искусство - успешное проведение переговоров, достижение компромиссов, нахождение оптимальных формулировок требуют высокого мастерства и профессионализма.

По справедливому замечанию К. Шмаленбах, "в процессе международного договорного нормотворчества достижение международного соглашения обычно предваряется обширными переговорами между будущими участниками. Хотя многие аспекты процесса международных переговоров не регулируются международным правом, тем не менее можно различить определенные (формирующиеся) принципы, которые носят как процедурный, так и материально-правовой характер"[16].

История договорной работы уходит корнями в глубокую древность. Первые международные договоры появились одновременно с формированием первых государственных образований и необходимостью регулирования отношений между ними. Как отмечает Б. Сен, "в начале монархии лично заключали и подписывали международные договоры, как мы их теперь знаем, участниками которых были их государства. Договор вступал в силу и становился обязательным для сторон после того, как он был составлен, подписан, скреплен печатями и вручен, то есть после того, как стороны обменивались подписанными и скрепленными печатями текстами в ходе некоей церемонии"[17].

В Древнем Египте, Месопотамии, Древней Греции и Риме заключались многочисленные межгосударственные соглашения - мирные договоры, союзные соглашения, торговые контракты. Уже в тот период формировались определенные процедуры и обычаи договорной работы: обмен послами, верительные грамоты, клятвы при заключении договоров, обмен текстами.

Особого внимания заслуживает практика Древнего Рима, где получило развитие право международных договоров (*jus gentium*), а также сложились определенные процедуры заключения соглашений. Римские юристы внесли значительный вклад в развитие договорного права, сформулировав принципы добросовестности (*bona fides*) и незыблемости договоров (*pacta sunt servanda*).

Переломным моментом в развитии договорной работы стал Вестфальский мир 1648 г., завершивший Тридцатилетнюю войну в Европе. Вестфальские договоры закрепили принципы государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела, создав предпосылки для формирования современной системы международных отношений.

Как отмечается в доктрине, "Вестфальский мир 1648 г. заложил основы суверенитета, создав предпосылки для правового регулирования межгосударственных отношений на новых основаниях"[13]. С этого периода договорная работа начинает приобретать системный характер, усложняются процедуры, появляются новые формы договорных актов.

В XVIII-XIX веках наблюдается значительный рост количества международных договоров, особенно двусторонних. Развивается практика многосторонних соглашений, особенно на мирных конгрессах (Венский конгресс 1815 г., Парижский конгресс 1856 г.). Важное значение для развития договорной работы имели Гааг-

ские конференции мира 1899 и 1907 годов, на которых были приняты многосторонние конвенции, кодифицирующие правила ведения войны и мирного разрешения споров.

Качественно новый этап в развитии договорной работы связан с созданием Организации Объединенных Наций (далее - ООН) в 1945 г. и принятием Венской конвенции о праве международных договоров в 1969 г. Как отмечает Оксфордский авторитетный источник по международному праву, "Устав ООН, ныне широко ратифицированный и в целом соблюдаемый во всех договорных процедурах, в значительной степени прояснил общее международное право, регулирующее заключение, вступление в силу и действие договоров. Это, в свою очередь, упростило текст многих заключительных положений".

Современный этап характеризуется следующими тенденциями: универсализация - международные договоры охватывают практически все сферы межгосударственных отношений и все регионы мира; институционализация - созданы многочисленные международные организации, в рамках которых разрабатываются и принимаются договоры; кодификация - систематизация и прогрессивное развитие международного права, включая право договоров; демократизация - расширение круга участников договорного процесса, вовлечение негосударственных акторов; технизация - усложнение договорной техники, появление новых видов и форм договоров.

Как подчеркивает С.А. Рачабов, "институциональное развитие науки международного права в Таджикистане способствует совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, создавая научную основу для активного участия страны в международном сотрудничестве"[8, с. 159].

Договорная работа начинается задолго до официального начала переговоров. Подготовительная стадия включает анализ необходимости заключения договора, определение его целей и задач, изучение существующей договорной практики, подготовку проектов и концепций.

Как отмечает С.Н. Арапов, "процесс заключения международных договоров можно условно разделить на несколько стадий: составление и принятие текста договора; установление аутентичности текста договора; выражение согласия на обязательность договора"[2].

Инициирование переговоров может исходить от одного или нескольких государств, международных организаций, их органов. Важное значение имеет определение формата переговоров: двусторонние или многосторонние, на уровне глав государств, министров иностранных дел, специальных представителей, в рамках международных конференций или организаций.

Ключевым элементом подготовительной стадии является определение круга участников. Согласно Венской конвенции, "каждое государство обладает правоспособностью заключать договоры" (статья 6). Однако на практике существуют определенные ограничения, связанные с признанием государств, правопреемством, членством в международных организациях.

Важнейшим процессуальным требованием договорной работы является наличие надлежащих полномочий у лиц, участвующих в переговорах и заключении договоров. Ст. 7 Венской конвенции определяет, что лицо считается представляющим государство, если оно предъявит соответствующие полномочия, или из практики государств явствует, что они были намерены рассматривать такое лицо как представляющее государство.

Особо выделяются лица, которые в силу их функций и без необходимости предъявления полномочий считаются представляющими свое государство: а) главы

государств, главы правительств и министры иностранных дел - в целях совершения всех актов, относящихся к заключению договора; б) главы дипломатических представительств - в целях принятия текста договора между аккредитуемым государством и государством, при котором они аккредитованы; в) представители, уполномоченные государствами представлять их на международной конференции или в международной организации - в целях принятия текста договора.

Ст. 8 Конвенции устанавливает, что "акт, относящийся к заключению договора, совершенный лицом, которое не может на основании ст. 7 считаться уполномоченным представлять государство с этой целью, не имеет юридического значения, если он впоследствии не подтвержден данным государством".

Переговорный процесс составляет сердцевину договорной работы. Это наиболее сложный и ответственный этап, требующий от участников высокого профессионализма, знания предмета переговоров, понимания интересов другой стороны и умения находить компромиссы.

К. Шмаленбах в своем исследовании выделяет несколько ключевых аспектов переговорного процесса: "хотя многие аспекты процесса международных переговоров не регулируются международным правом, тем не менее можно различить определенные (формирующиеся) принципы, которые носят как процедурный, так и материально-правовой характер. Особое внимание уделяется переговорам на дипломатических конференциях, с акцентом не только на правила процедуры, но и на политическую и фактическую практику, а также на такие события, как вовлечение негосударственных акторов"[16].

К числу важнейших элементов переговорного процесса относятся: определение переговорной позиции - формулирование целей, задач, "красных линий", вариантов компромиссов; стратегия и тактика - выбор оптимальной линии поведения, последовательности выдвижения предложений, использования аргументов; документирование - ведение протоколов, фиксация достигнутых договоренностей, подготовка рабочих документов; конфиденциальность - обеспечение защиты информации на различных этапах переговоров; консультации с экспертами - привлечение специалистов по различным аспектам обсуждаемых вопросов.

Современная дипломатия характеризуется многоуровневостью: переговоры идут одновременно на глобальном, региональном, двустороннем уровнях, а также с участием негосударственных акторов. Это создает дополнительные возможности для согласования позиций и поиска компромиссов [11].

Завершающим этапом переговорного процесса является принятие текста договора и установление его аутентичности. Ст. 9 Венской конвенции устанавливает общее правило: "текст договора принимается по согласию всех государств, участвующих в его составлении". Однако для многосторонних договоров, принимаемых на международных конференциях, предусмотрено исключение: текст принимается путем голосования за него двух третей государств, присутствующих и участвующих в голосовании, если тем же большинством они не решили применить иное правило.

Установление аутентичности текста (ст. 10) означает, что текст становится окончательным и больше не подлежит изменению. Это может осуществляться путем подписания, подписания *ad referendum* или парафирования представителями государств текста договора или заключительного акта конференции, содержащего этот текст.

Как отмечается в комментариях к Венской конвенции, "установление аутентичности текста является важным юридическим актом, после которого текст договора считается окончательно согласованным и может быть представлен государствам для выражения согласия на обязательность"[6, с. 67].

Заключительным этапом договорной работы является выражение государством согласия на обязательность для него договора. Статья 11 Венской конвенции предусматривает различные способы такого выражения: подписание договора, обмен документами, образующими договор, ратификация, принятие, утверждение, присоединение или любой другой способ, о котором условились.

Каждый из этих способов имеет свою юридическую специфику: подписание может иметь различное значение: окончательное (если договор вступает в силу с момента подписания) или предварительное (если требуется последующая ратификация); ратификация, принятие, утверждение представляют собой акты высших органов государственной власти, подтверждающие согласие государства на обязательность договора; присоединение используется государствами, не участвовавшими в переговорах, для выражения согласия на обязательность уже заключенного договора.

Ст. 16 Конвенции регулирует порядок обмена ратификационными грамотами и документами о принятии, утверждении или присоединении или их депонирования. Депозитарий (хранитель) многостороннего договора выполняет важные функции по хранению подлинника договора, получению подписей, подготовке заверенных копий, регистрации договора в Секретариате ООН.

Важное значение имеет ст. 18 Конвенции, которая устанавливает обязанность государства "воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели", если оно подписало договор или обменялось документами, образующими договор, под условием ратификации, принятия или утверждения, до тех пор пока оно не выразит ясно своего намерения не становиться участником договора.

Фундаментальным принципом, на котором держится вся система договорной работы, является принцип *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться). Ст. 26 Венской конвенции гласит: "Каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться".

Как отмечается в доктрине, "этот принцип является краеугольным камнем международного права, обеспечивающим стабильность и предсказуемость международных отношений. Без него договорная работа теряла бы всякий смысл, поскольку государства не могли бы полагаться на взятые друг другом обязательства"[6, с. 89].

Ст. 27 Конвенции устанавливает важное правило: "Участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора". Это правило обеспечивает примат международного права и недопустимость одностороннего отказа от выполнения международных обязательств под предлогом внутренних законодательных ограничений.

Вместе с тем, как подчеркивается в исследованиях, принцип *pacta sunt servanda* не является абсолютным. Существуют обстоятельства, освобождающие от ответственности за невыполнение договора: коренное изменение обстоятельств (*rebus sic stantibus*), невозможность выполнения, нарушение договора другой стороной и др.

Эффективная договорная работа невозможна без учета соотношения международного и внутригосударственного права. Государства, заключая международные договоры, должны обеспечить их имплементацию в национальную правовую систему.

В зависимости от подхода к соотношению международного и внутригосударственного права выделяются две основные доктрины: монистическая - международное и внутригосударственное право составляют единую правовую систему, при этом международное право имеет приоритет; дуалистическая - международное и внутригосударственное право существуют как две самостоятельные правовые си-

стемы, и для применения международного договора во внутригосударственной сфере требуется его трансформация (имплементация).

Имплементация норм международного права выступает важным фактором развития национальной правовой системы, хотя и может создавать определенные коллизии, требующие разрешения"[10].

РТ в своем законодательстве закрепила приоритет международных договоров. Согласно Конституции, международно-правовые акты, признанные Таджикистаном, являются составной частью правовой системы страны, а законы и иные правовые акты не должны им противоречить.

Толкование международных договоров является неотъемлемой частью договорной работы на этапе их применения. Как отмечается в современной монографии по данной проблематике, "толкование представляет собой сложный познавательный процесс, требующий разработки соответствующих методологических подходов".

Венская конвенция в статьях 31-33 устанавливает правила толкования международных договоров: общее правило толкования (статья 31): договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора; дополнительные средства толкования (ст. 32): подготовительные материалы и обстоятельства заключения договора используются для подтверждения значения, вытекающего из применения ст. 31, или для определения значения, когда толкование оставляет значение двусмысленным или неясным; толкование договоров на двух или нескольких языках (ст. 33): тексты на каждом языке имеют одинаковую силу, если договором не предусматривается преимущественная сила одного из них.

В современной практике все большее значение приобретает эволюционное толкование, учитывающее развитие международного права и изменение общественных отношений. Как отмечается в исследованиях, "особое внимание уделяется эволюционному толкованию, особенно в контексте Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод".

Одной из наиболее значимых тенденций современной договорной работы является ее цифровизация. Использование информационно-коммуникационных технологий трансформирует традиционные процедуры заключения и исполнения международных договоров.

Цифровая дипломатия требует от дипломатов не только правовых и политических знаний, но и понимания технических аспектов функционирования киберпространства"[12].

Цифровизация договорной работы проявляется в нескольких аспектах: электронный документооборот - использование электронных систем для обмена проектами, замечаниями, предложениями; электронное подписание - внедрение технологий электронной подписи для заключения договоров в электронной форме; онлайн-переговоры - проведение переговоров в формате видеоконференций, что особенно актуально в условиях глобальных ограничений; электронные базы данных - создание и ведение электронных реестров международных договоров, обеспечение открытого доступа к ним; искусственный интеллект - использование технологий ИИ для анализа договорных текстов, выявления коллизий, прогнозирования последствий.

Вместе с тем цифровизация порождает и новые правовые проблемы: признание юридической силы электронных документов, обеспечение безопасности и конфиденциальности, защита от кибератак и др.

Современная договорная работа характеризуется значительным усложнением договорной техники. Как отмечается в монографии "Актуальные проблемы договорного права", "современный договор представляет собой сложный юридический инструмент, включающий множество взаимосвязанных элементов: преамбулу, основные положения, заключительные статьи, приложения, протоколы и т.д." [1, с. 45].

Особое внимание уделяется заключительным статьям договора, которые, как отмечает Оксфордский источник, "регулируют вступление договора в силу после того, как текст окончательно согласован, сферу действия договора, его временную продолжительность и другие соответствующие технические аспекты, касающиеся существования договора в качестве обязательного правового инструмента".

Заключительные статьи охватывают широкий круг вопросов: порядок подписания, ратификации, присоединения, вступления в силу, временного применения, оговорки, депозитарий, аутентичные тексты, поправки, денонсация и др. Их согласование требует высокой квалификации и учета множества факторов.

В условиях формирования многополярного мира наблюдается усиление регионализации договорного регулирования. Государства все чаще заключают региональные соглашения, создавая специфические правовые режимы, учитывающие особенности данного региона.

Как отмечается в исследованиях, "региональные правовые рамки адаптируют глобальные нормы к местным реалиям, дополняя универсальные подходы" [13]. Это создает определенные преимущества в плане учета региональной специфики, но одновременно порождает риски фрагментации международного права и ослабления универсальных стандартов.

Для РТ особое значение имеют региональные договорные механизмы в рамках СНГ, ЕАЭС, ШОС, ОДКБ. Участие в этих интеграционных объединениях требует активной договорной работы по согласованию позиций, гармонизации законодательства, имплементации принятых обязательств.

Современная договорная работа характеризуется расширением круга участников за счет негосударственных участников: международных неправительственных организаций, транснациональных корпораций, экспертных сообществ, институтов гражданского общества.

Как отмечает К. Шмаленбах, "в процесс международных переговоров все активнее вовлекаются негосударственные участники, что отражает общую тенденцию к демократизации международных отношений и признанию роли гражданского общества в решении глобальных проблем" [16].

Хотя формально только государства обладают правоспособностью заключать международные договоры, негосударственные участники оказывают существенное влияние на договорный процесс: участвуют в подготовке проектов, проводят экспертизу, лоббируют определенные решения, осуществляют мониторинг выполнения договоров.

РТ осуществляет активную договорную деятельность, руководствуясь как международно-правовыми нормами, так и национальным законодательством. Правовую основу договорной работы составляют Конституция РТ, Закон РТ "О международных договорах Республики Таджикистан", а также иные нормативные правовые акты.

Конституция РТ устанавливает, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Таджикистана являются составной частью правовой системы страны. Законы и иные правовые акты не должны противоречить международным договорам, признанным Таджикистаном.

Закон "О международных договорах Республики Таджикистан" определяет порядок заключения, исполнения и прекращения международных договоров, разграничивает компетенцию различных органов государственной власти в этой сфере, устанавливает процедуры ратификации и имплементации[5].

Договорная работа РТ охватывает широкий круг направлений, отражающих многовекторный характер внешней политики страны: универсальные договоры - участие в основополагающих международных конвенциях в рамках ООН и ее специализированных учреждений; региональные соглашения - договоры в рамках СНГ, ЕАЭС, ШОС, ОДКБ, направленные на развитие интеграционных процессов; двусторонние договоры - соглашения с отдельными государствами по вопросам политического, экономического, культурного сотрудничества; отраслевые соглашения - договоры по конкретным направлениям: торговля, инвестиции, транспорт, энергетика, водные ресурсы, борьба с преступностью и др.

Особого внимания заслуживает водная дипломатия Таджикистана. По инициативе Президента страны уважаемого Эмомали Рахмона были приняты важные международные документы, включая резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о провозглашении Международного года пресной воды (2003) и Международной декады действий "Вода для устойчивого развития" (2018-2028). Это потребовало масштабной договорной работы по согласованию текстов резолюций, привлечению соавторов, обеспечению поддержки со стороны государств-членов ООН.

Как и любое государство, РТ сталкивается с определенными проблемами в процессе имплементации международных договоров. К числу наиболее значимых относятся: коллизии между международными и национальными нормами - необходимость приведения внутреннего законодательства в соответствие с международными обязательствами; недостаточная координация - между различными ведомствами, участвующими в договорной работе; кадровые проблемы - дефицит высококвалифицированных специалистов в области международного права и договорной работы; финансовые ограничения - недостаток ресурсов для полноценного участия во всех договорных процессах; мониторинг выполнения - сложности в отслеживании исполнения договорных обязательств.

Как отмечает П.С. Партыка, "общепризнанные принципы и нормы международного права оказывают существенное влияние на правовую систему РТ, и это влияние должно учитываться при разработке любых новых международных соглашений"[12].

Для решения этих проблем необходимо совершенствование национального законодательства, развитие институциональных механизмов, подготовка кадров, укрепление межведомственной координации, активизация научных исследований в области международного права и договорной работы.

С.А. Раҷабов подчеркивает: "институциональное развитие науки международного права в Таджикистане способствует совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, создавая научную основу для активного участия страны в международном сотрудничестве"[8, с. 159].

Договорная работа в XXI веке сталкивается с новыми вызовами и угрозами, требующими адекватного реагирования со стороны международного сообщества и государств: кризис доверия к международным институтам и договорным механизмам, проявляющийся в односторонних действиях, выходе из договоров, нарушении обязательств; геополитическая конфронтация, затрудняющая достижение договоренностей и подрывающая основы многостороннего сотрудничества; новые технологии, порождающие необходимость регулирования сфер, ранее не охваченных международным правом (киберпространство, искусственный интеллект, биотехно-

логии); глобальные проблемы (изменение климата, пандемии, терроризм), требующие оперативных и эффективных договорных решений; фрагментация международного права, создающая риски коллизий и противоречий между различными договорными режимами.

Как отмечается в аналитических материалах, "переговоры по всеобъемлющей конвенции ООН о киберпреступности зашли в тупик, причем ключевые разногласия, препятствовавшие прогрессу на протяжении последних лет, остаются неразрешенными"[15].

В ответ на новые вызовы договорная работа должна совершенствоваться, адаптируясь к изменяющимся условиям. К числу перспективных направлений относятся: гибкие договорные конструкции - использование рамочных соглашений, протоколов, дополнительных соглашений, позволяющих поэтапно развивать договорное регулирование; упрощенные процедуры - внедрение более оперативных процедур заключения и изменения договоров, включая "молчаливое согласие", ускоренную ратификацию и др.; электронный договорный процесс - дальнейшее развитие цифровых технологий для ускорения и упрощения договорных процедур; участие негосударственных участников - институционализация их вовлечения в договорный процесс, обеспечение баланса интересов; улучшение мониторинга - создание эффективных механизмов отслеживания выполнения договорных обязательств, включая использование современных технологий.

Юридическая дипломатия призвана играть ключевую роль в развитии договорной работы, обеспечивая сочетание правовых и дипломатических инструментов для достижения консенсуса и оформления достигнутых договоренностей.

Юридическая дипломатия остается краеугольным камнем международного порядка, сочетая правовые и дипломатические инструменты для обеспечения стабильности, предсказуемости и справедливости в межгосударственных отношениях [13].

Основные направления деятельности юридической дипломатии в сфере договорной работы являются: подготовка квалифицированных кадров - специалистов, владеющих как правовыми, так и дипломатическими компетенциями; развитие переговорных техник - совершенствование методов достижения консенсуса, учета интересов различных сторон; гармонизация подходов - сближение различных правовых традиций и культур в процессе договорной работы; институциональное строительство - создание и укрепление институтов, обеспечивающих эффективную договорную деятельность; научное обеспечение - проведение исследований, анализ практики, выработка рекомендаций по совершенствованию договорной работы.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Договорная работа представляет собой ядро юридической дипломатии, ее фундаментальную основу и ключевой инструмент реализации внешнеполитических задач государств. Через договорные механизмы осуществляется правовое оформление межгосударственных отношений, согласование интересов, принятие взаимных обязательств, создание стабильной и предсказуемой основы международного сотрудничества.

Теоретико-правовую основу договорной работы составляет право международных договоров, кодифицированное прежде всего в Венской конвенции 1969 г. Конвенция устанавливает основные понятия, принципы и процедуры заключения, исполнения и прекращения международных договоров, определяет правовой статус участников, регулирует порядок выражения согласия на обязательность, толкования, внесения поправок.

Процессуальные аспекты договорной работы включают множество взаимосвязанных этапов: подготовительную стадию и инициирование переговоров, определение полномочий представителей, переговорный процесс, принятие текста и установление его аутентичности, выражение согласия на обязательность договора, имплементацию принятых обязательств. Каждый из этих этапов имеет самостоятельное юридическое значение и требует высокой квалификации участников.

Важнейшее значение для договорной работы имеет принцип *pacta sunt servanda*, обеспечивающий стабильность и предсказуемость международных отношений. Соотношение международного и внутригосударственного права, вопросы имплементации и толкования договоров составляют неотъемлемую часть договорной работы на этапе применения принятых обязательств.

Современные тенденции развития договорной работы включают цифровизацию договорных процессов, усложнение договорной техники, регионализацию и фрагментацию договорного регулирования, вовлечение негосударственных акторов. Эти тенденции создают как новые возможности, так и новые вызовы, требующие адекватного реагирования.

Опыт РТ демонстрирует активное участие страны в договорной работе на универсальном, региональном и двустороннем уровнях. Правовую основу договорной деятельности составляют Конституция и Закон РТ "О международных договорах Республики Таджикистан". Особого внимания заслуживает водная дипломатия Таджикистана, успешно продвигающая инициативы страны на глобальном уровне.

Перспективы развития договорной работы связаны с совершенствованием договорной техники и процедур, внедрением гибких договорных конструкций, использованием цифровых технологий, развитием институциональных механизмов, подготовкой квалифицированных кадров. Юридическая дипломатия призвана играть ключевую роль в этом процессе, обеспечивая сочетание правовых и дипломатических инструментов для достижения консенсуса и оформления достигнутых договоренностей.

Таким образом, договорная работа остается ядром юридической дипломатии, обеспечивая правовую основу международного сотрудничества, стабильность и предсказуемость межгосударственных отношений, защиту национальных интересов государств в современном многополярном мире.

Список использованной литературы:

1. Актуальные проблемы договорного права. 2021: монография / Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Юридический факультет; составитель К. А. Усачева; рецензенты: А. Г. Карапетов, Д. В. Новак. — Москва: Статут, 2022. — 270 с.
2. Арапов С.Н. Порядок и стадии заключения международных договоров // Научный формат. – 2020. – № 6 (9). – С. 32-41. – Электрон. копия доступна на сайте Науч. электрон. б-ки КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poryadok-i-stadii-zaklyucheniya-mezhdunarodnykh-dogovorov> (дата обращения: 20.03.2026).
3. Белых В. С. Договорное право Англии: сравнительно-правовое исследование: монография. - М.: Проспект, 2017.- 208 с.
4. Венская конвенция о праве международных договоров (заключена в г. Вене 23.05.1969) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5205/ (дата обращения: 20.03.2026).

5. Закон РТ от 23 июля 2016 г., № 1326 "О международных договорах Республики Таджикистан" // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2016 год, №7, ст.606; 2022 год, №12, ч.2, ст. 786.

6. Ильинская О.И. Право международных договоров: учебное пособие. – М.: Проспект, 2020. – 160 с.

7. Муллоев Д. Нақши ҳуқуқи байналмилалӣ дар таҳкими истиқлолияти давлатӣ ва давлатдорӣ Тоҷикистон // Маҷаллаи академии ҳуқуқ.- 2019.- № 3 (31). - С. 60-62.

8. Раҷабов С.А. Рушди институтсионалии илми ҳуқуқи байналмилалӣ дар Тоҷикистон // Маҷаллаи академии ҳуқуқ.- 2023.- № 2 (46).- С. 157-163.

9. Сангинзода Д.Ш. Ключевые аспекты юридической дипломатии // Osiyoavrupo. — 2025. — 28 июня. — URL: <https://osiyoavrupo.tj/> (дата обращения: 19.03.2026).

10. Сангинзода Д.Ш. Роль международного права в юридической дипломатии // Osiyoavrupo. — 2025. — 30 июня. — URL: <https://osiyoavrupo.tj/> (дата обращения: 19.03.2026).

11. Сангинзода Д.Ш. Традиционная и современная дипломатия: правовой аспект // Osiyoavrupo. — 2025. — 10 июля. — URL: <https://osiyoavrupo.tj/> (дата обращения: 19.03.2026).

12. Сангинзода Д.Ш. Цифровая дипломатия: правовые аспекты// Osiyoavrupo. — 2025. — 11 апреля. — URL: <https://osiyoavrupo.tj/> (дата обращения: 19.03.2026).

13. Сангинзода Д.Ш. Юридическая дипломатия в многополярном мире: правовые основы глобального управления и вызовы XXI века // Osiyoavrupo. — 2025. — 23 июня. — URL: <https://osiyoavrupo.tj/> (дата обращения: 19.03.2026).

14. Чеговадзе Л.А. Договор и договорное регулирование / Л.А. Чеговадзе, А.А. Демин. – Нижний Новгород: ЦЕЗИУС, 2014. – 206 с.

15. Law of Treaties - Webinar track - Spring 2022 [Электронный ресурс] // UNITAR. – Режим доступа: <https://event.unitar.org/product/7972/print> (дата обращения: 20.03.2026).

16. Schmalenbach K. Lawmaking by treaty: Negotiation of agreements and adoption of treaty texts // Research Handbook on the Theory and Practice of International Lawmaking / Ed. by C. Brölmann, Y. Radi. – Edward Elgar Publishing, 2016. – P. 87-110.

17. Sen B. Treaty Making // A Diplomat's Handbook of International Law and Practice. – Dordrecht: Springer Netherlands, 1965. – P. 439-473.

Рецензент статьи Гафурзода А. Д. — доктор юридических наук, профессор.

УДК: 341.3 (575.3)

СУЩНОСТЬ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ИМ- ПЛЕМЕНТАЦИЯ

Самадзода Бахтиёр Одилджон –

д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и
международного права юридического факультета Таджикского государственного универси-
тета права, бизнеса и политики,

Султонзода Муаззамхон Орифи – соискатель

кафедры теории, истории права и государства, ассистент кафедры предпринимательского и
международного права юридического факультета Таджикского государственного универ-
ситета права, бизнеса и политики

Аннотация. В условиях международной интеграции и развития правоотношений во
внешнеэкономической сфере посредством систем правовых режимов, обеспечение законных
интересов участников осуществляется в строгом соответствии с действующим националь-
ным и международным законодательством. В области внешнеэкономической деятельности
предусмотрены таможенно-правовые режимы, реализация которых направлена на обеспе-
чение национальных интересов. В данной статье в контексте глобализации экономических от-
ношений рассматриваются правовые вопросы нормативного регулирования правовых ре-
жимов в сфере внешнеэкономической деятельности согласно законодательству Республики
Таджикистан.

Ключевые слова: Конституция, внешнеэкономическая деятельность, закон, государ-
ственная поддержка, национальный интерес, преференция, международный договор, внеш-
няя торговля

**Моҳияти низомҳои ҳуқуқӣ дар соҳаи ҷаъолияти иқтисоди хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон:
таъбиқи назариявӣ ва амалӣ**

Самадзода Бахтиёр Одилҷон –

д.и.х., дотсент, мудири кафедраи ҳуқуқи соҳибкорӣ ва байналмилалӣ факултети
ҳуқуқшиносии Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсат

Султонзода Муаззамхон Орифӣ – унвонҷуӣ кафедраи назария, таърихи ҳуқуқ

ва давлат, ассистенти кафедраи ҳуқуқи соҳибкорӣ ва байналмилалӣ факултети
ҳуқуқшиносии Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсат

Фишурда. Дар шароити ҳамгироии байналмилалӣ ва рушди муносибатҳои ҳуқуқии
соҳаҳои ҷаъолияти иқтисоди хориҷӣ тавассути низомҳои ҳуқуқ, таъмини манфиатҳои
қонунии иштирокчиёни он, мувофиқи қонунгузории амалкунанда ва байналмилалӣ амалӣ
гардонида мешаванд. Дар соҳаи ҷаъолияти иқтисоди хориҷӣ низомҳои ҳуқуқӣ-гумруқӣ
пешбинӣ гардидаанд, ки таъбиқи онҳо ба таъмини манфиатҳои миллӣ равона карда
шудаанд. Дар мақолаи мазкур масъалаҳои ҳуқуқии таъмини танзими ҳуқуқии низомҳои
ҳуқуқӣ дар ҷодаи ҷаъолияти иқтисоди хориҷӣ дар шароити ҷаҳонишавии муносибатҳои
иқтисодӣ мувофиқи қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон баррасӣ гардидааст.

Калидвожаҳо: Конститутсия, ғаволияти иқтисоди хориҷӣ, қонун, дастгирии давлатӣ, манфиатҳои миллӣ, созишномаи байналмилалӣ, савдои хориҷӣ

The essence of legal regimes in the foreign economic sphere of the Republic of Tajikistan: theoretical and practical implementation

Samadzoda Bakhtiyor Odiljon – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Entrepreneurial and International Law, Faculty of Law, Tajik State University of Law, Business and Politics,

Sultonzoda Muazzamkhon Orifi – Ph.D candidate

in the Department of theory and history of Law and state, assistant professor in the Department of entrepreneurial and international Law, Faculty of Law, Tajik State University of Law, Business, and Politics

The summary. In the context of international integration and the evolution of legal relations within the foreign economic sphere through systems of legal regimes, the protection of the legitimate interests of participants is carried out in strict accordance with prevailing national and international legislation. Within the domain of foreign economic activity, customs-legal regimes are established, the implementation of which is directed toward safeguarding national interests. This article examines the legal issues regarding the regulatory framework of legal regimes in the field of foreign economic activity under the legislation of the Republic of Tajikistan within the context of the globalization of economic relations.

Keywords: constitution, foreign economic activity, law, state support, national interest, preference, international agreement, foreign trade.

Развитие института внешнеэкономической деятельности в независимом Таджикистане (РТ) характеризуется переходом к либеральной модели регулирования. Основной принцип свободы экономической деятельности, закреплённый в ст. 12 Конституции РТ [1, с. 2], служит правовым императивом для реализации внешнеторговых отношений. Это превращает ВЭД из административной функции государства в защищённое законом право частных и юридических лиц.

Внеэкономическая деятельность это комплексная предпринимательская деятельность субъектов в международной сфере (торговля, инвестиции, финансы, услуги), которая характеризуется повышенными рисками, особым правовым статусом и потенциальными преимуществами на мировом рынке.

Международно-правовой договор является базовым инструментом регулирования внешнеэкономической деятельности, устанавливают специальные таможенно-правовые режимы для защиты национальных интересов в процессе многостороннего государственного сотрудничества. Внеэкономическая деятельность представляет собой институциональную систему трансграничного взаимодействия, охватывающую деятельность государственных институтов и субъектов частного права, направленную на формирование и интенсификацию взаимовыгодных связей с международными контрагентами и организациями.

Следует отметить, что государственная стратегия Таджикистана базируется на принципах внешнеэкономической либерализации. Ключевым вектором выступает гармонизация внутреннего инвестиционного законодательства с международными нормами. В этой связи, Основатель мира и национального единства – Лидер нации, Президент РТ Эмомали Рахмон в своём выступлении на Международном форуме предпринимателей в 2018 году

особо отметил: «Правительство Таджикистана с самого начала обретения независимости проводило политику «открытых дверей», и с каждым годом прямое экономическое и торговое сотрудничество со странами мира расширяется.

Наша цель, прежде всего, способствовать инвестиционному климату для ведения эффективного экономического предпринимательства наших отечественных и иностранных предпринимателей и соответствовать международным критериям» [2].

В своём Послании Маджлиси Оли РТ, Лидер нации, Президент РТ уважаемый Эмомали Рахмон от 16 декабря 2025 года отметил: «Всё ещё вызывают серьёзную озабоченность сложная обстановка в различных регионах мира, усиление геополитической геоэкономической конкуренции, ...ослабление международных правовых норм и других парадоксальных процессов на международной арене» [3].

Институционализация многостороннего сотрудничества в области внешнеэкономической деятельности опирается на систему международных договоров. В литературе классифицируются многосторонние акты как ключевой регулятор, фиксирующий императивные принципы и рамочные условия функционирования глобальных экономических отношений [3].

Таким образом, процесс международно-правовой имплементации в сфере внешнеэкономической деятельности РТ базируется на многоуровневой системе соглашений, например, в рамках СНГ. Фундаментальное значение имеют Соглашение о сотрудничестве (1992г.) и Договор о зоне свободной торговли (2011г.) [4], которые выступают нормативными детерминантами для гармонизации национального законодательства и формирования единого правового режима экономической интеграции.

По нашему мнению, если многосторонние соглашения формируют общую нормативную платформу взаимодействия, то двусторонние договоры выступают инструментом точного регулирования межгосударственных связей.

В их рамках осуществляется детальная регламентация прав и обязательств сторон, адаптированная к специфике взаимного сотрудничества. Ключевой функцией таких актов в сфере внешнеэкономической деятельности является установление паритетных правовых режимов - национального, наибольшего благоприятствования или специальных преференций, что минимизирует торговые барьеры для хозяйствующих субъектов [5, с. 188].

Распределение полномочий в сфере внешнеэкономической деятельности базируется на классическом принципе разделения властей. К исключительной прерогативе законодательной ветви относится формирование нормативно-правового базиса, включая законодательство, официальное толкование норм и детерминацию стратегических векторов внешней политики. В то же время, согласно ст. 69 Конституции РТ, высшая исполнительная власть в лице Президента наделена полномочиями по непосредственному определению и реализации основных направлений внешнеполитического курса, что обеспечивает единство государственного управления в международных экономических отношениях.

Так, в системе государственного управления внешнеэкономической деятельности Правительство выполняет ключевую исполнительно-распорядительную функцию. Согласно абз. 2 ст. 73 Конституции РТ, на данный орган возложена обязанность по обеспечению эффективного руководства социально-экономическими процессами и практической реализации нормативных актов Главы государства.

Как отмечается в литературе, доктринальный анализ подтверждает, что управленческий цикл в сфере внешнеэкономической деятельности замыкается на совместной деятельности Президента и Правительства, которые через издание указов и постановлений, а также формирование специализированных коллегиальных структур (советов, комиссий), обеспечивают достижение стратегических целей внешнеэкономической политики [6, с. 55].

Нормативный массив, регулирующий внешнеэкономическую деятельность в РТ, представляет собой многоуровневую систему. Она базируется на сочетании национальных

законодательных актов и международно-правового инструментария (двусторонних и многосторонних соглашений), а также на соблюдении глобальных режимов нераспространения. Отраслевую специфику внешнеторговых и инвестиционных отношений определяют законы, такие как Закон РТ «О внешнеторговой деятельности» [7.] (2012 г.), «О свободных экономических зонах» [8.] (2011 г.) и «Об инвестиции и стимулировании инвестиционной деятельности» [9.] (2025г.), формирующие правовые рамки для безопасного и эффективного трансграничного обмена товарами, транспортными средствами.

Рассматриваемый массив законодательных актов выступает фундаментальной гарантией защиты правового статуса, имущественных интересов и прав участников внешнеэкономических и инвестиционных отношений. Ключевой особенностью данных норм является соблюдение принципа равенства всех форм собственности и их соответствие императивам международного права. Это формирует необходимую нормативную базу для эффективной имплементации национальной экономики в глобальную хозяйственную систему.

В рамках осуществления внешнеэкономической деятельности нормативно-правовыми актами государства предусмотрены основные цели, что в нынешних условиях развития данной сферы являются актуальными. Таковыми, в соответствии с правовыми нормами являются: формирование условий для обеспечения устойчивого развития экономики; защита интересов товаропроизводителей, содействие увеличению экспорта отечественной продукции, развитию внешних экономических связей; активизации внешнеэкономических и региональных отношений; выбор мер государственного регулирования внешнеторговой деятельности, являющихся не более обременительными для субъектов внешнеторговой деятельности, чем необходимо для обеспечения эффективного достижения целей, для осуществления которых предполагается применить меры государственного регулирования внешнеторговой деятельности; обеспечение равной защиты интересов всех субъектов внешнеэкономической деятельности РТ, а также иностранных субъектов хозяйственной деятельности на её территории в соответствии с законами РТ; осуществление равной защиты всех субъектов внешнеэкономической деятельности РТ за пределами РТ в соответствии с нормами международного права; содействие предотвращению незаконного продвижения через таможенную границу наркотиков, вооружения, предметов исторического, этнографического и культурного значения, а также редких растений и животных и др.

Система правовых режимов внешнеэкономической деятельности в Таджикистане находит своё логическое завершение в институте национального режима. Данный правовой инструмент, закреплённый в ст. 6 Закона РТ «О внешнеторговой деятельности», что нивелирует правовые различия между национальными и зарубежными партнёрами. Установление идентичного правового режима для всех участников рынка свидетельствует о высокой степени гармонизации внутреннего законодательства Таджикистана с общепризнанными стандартами, например, ГАТТ/ВТО, что является необходимым условием для эффективной интеграции страны в мировую торговую систему.

Принцип национального режима в РТ имплементирован через систему налогового нейтралитета. Законодательство императивно устанавливает запрет на применение к импортируемым товарам любых внутренних налогов и сборов, превышающих уровень налогообложения аналогичной отечественной продукции. Данная норма гарантирует отсутствие скрытого протекционизма, обеспечивая равные конкурентные условия на всех этапах жизненного цикла товара: от логистики и распределения до реализации и конечного потребления.

В доктрине международного таможенного права национальный режим выступает в качестве фундаментального обязательства государств по предоставлению иностранным физическим и юридическим лицам правового статуса, эквивалентного статусу собственных резидентов в сфере инвестиционной и внешнеторговой деятельности. Параллельно с этим, инструментом обеспечения не дискриминации на глобальном уровне служит режим наиболь-

шего благоприятствования. Сущность данного режима заключается в юридическом закреплении обязанности договаривающихся сторон предоставлять друг другу любые преференции и права, которые уже предоставлены или будут предоставлены любому третьему государству, что гарантирует равные условия конкуренции на мировом рынке.

Так, в правовой системе Таджикистана режим наибольшего благоприятствования находит своё практическое выражение в нормах Таможенного кодекса РТ [10.] (в ст.ст. 37, 196, 397, 427). Данные положения императивно устанавливают применение таможенных пошлин по ставкам режим наибольшего благоприятствования, что минимизирует тарифные барьеры в торговле с ключевыми партнёрами. Институциональной основой реализации данного режима выступает обширная сеть двусторонних соглашений о свободной торговле, заключённых, например, с государствами СНГ (Российской Федерацией, Казахстаном, Беларусью, Узбекистаном и др.), которые формируют льготную зону экономического взаимодействия и обеспечивают стабильность трансграничных товарных потоков.

Как правило, почти во всех соглашениях устанавливается, что «договаривающиеся Стороны предоставляют друг другу режим наиболее благоприятствуемой нации» во многих вопросах, относящихся к торговле товарами и экономическому сотрудничеству, в частности в том, что касается: – таможенных пошлин и сборов любого вида, применяемых в отношении импорта и экспорта, включая способы взимания таких пошлин и сборов; – таможенного оформления, транзита, складирования и перегрузки; – прямых или косвенных налогов и других внутренних сборов любого вида, взимаемых с импортируемых товаров; – продажи, закупки, распределения и использования импортируемых товаров на внутреннем рынке; – способов платежей, международного перевода платежей и др.

Следует отметить, что государства в сфере реализации внешнеэкономической политики могут предусматривать в заключаемых ими договорах специальный режим. Так, государства - члены СНГ заключают двусторонние договоры, направленные на создание режима свободной торговли. Сущность данного режима заключается в том, что договаривающиеся государства не применяют таможенные пошлины, налоги и иные сборы в отношении товаров произведённых на их территории.

В соответствии с нормативно-правовыми актами к разновидностям специального режима можно отнести и режим приграничной торговли. В соответствии с настоящим режимом, хозяйствующим субъектам, расположенным и осуществляющим там же свою деятельность в приграничной зоне предоставляются особо благоприятные условия для ведения внешнеторговой деятельности.

Другим правовым режимом, применяемым в сфере внешнеэкономической деятельности, является преференциальный режим. В одностороннем порядке устанавливается преференциальный режим. По своей правовой природе, устанавливая этот режим, развитые государства предоставляют физическим и юридическим лицам развивающихся государств определённые льготы и преимущества без взаимности. В основном это касается таможенно-тарифного регулирования и заключается в освобождении от уплаты таможенных пошлин, или же в снижении их размера.

Так, в соответствии с нормами таможенного законодательства Таджикистана, под тарифной преференцией (тарифной льготой) понимается предоставляемая на условиях взаимности или в одностороннем порядке при реализации торговой политики Республики Таджикистан, льгота в отношении товара, перемещаемого через таможенную границу, в виде возврата ранее уплаченной таможенной пошлины, освобождения от уплаты таможенной пошлины, снижение ставки таможенной пошлины, установления тарифных квот на преференциальный ввоз (вывоз) товара. Тарифные преференции (тарифные льготы) устанавливаются в соответствии с нормативными правовыми актами РТ и международно-правовыми актами, признанными РТ (ст. 346 ТК РТ).

Наряду с этим положением, законодателем установлено, что в отношении товаров подлежат уплате таможенные пошлины по ставкам, применяемым к товарам, происходящим из стран, торгово-политические отношения с которыми не предусматривают режим наиболее благоприятствуемой нации. Если таможенным органом обнаружены признаки того, что страной происхождения товаров является страна, торгово-политические отношения с которой не предусматривают режим наиболее благоприятствуемой нации, либо предоставляется обеспечение уплаты таможенных пошлин по указанным ставкам, то применяется (восстанавливается) преференциальный режим или режим наиболее благоприятствуемой нации при условии подтверждения страны происхождения данных товаров до истечения одного года со дня принятия таможенной декларации таможенным органом (ч.2, ст. 37 ТК РТ).

Таким образом, установление того или иного режима в сфере внешнеэкономической деятельности, являясь инструментом её правового регулирования, непосредственно отражается на деятельности хозяйствующих субъектов. В зависимости от содержания предоставленных режимов хозяйствующие субъекты при осуществлении внешнеэкономической предпринимательской деятельности могут рассчитывать на получение льгот или же в отношении их деятельности могут устанавливаться определённые ограничения. Следовательно, защита государственных, национальных интересов РТ осуществляется как на всей территории, так и за её пределами исключительно в соответствии с действующим законодательством РТ, а также положениями подписанных ею международных договоров и нормами международного права.

Список использованной литературы:

1. Конституция Республики Таджикистан от 06. 11. 1994г. – Душанбе: Гандж, 2016.
2. Послание Президента РТ уважаемого Эмомали Рахмона об основных направлениях внутренней и внешней политики республики 16.12.2025 // www.president.tj (дата обращения: 25.12.2025).
3. Таможенный кодекс РТ (официальный текст). – Душанбе, 2024.
4. Закон РТ «О внешнеторговой деятельности» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2012г., №7, ст.696; Закон РТ от 8.08.2015г., №1215. www.mmk.tj (дата обращения: 25.12.2025).
5. Закон РТ «О свободных экономических зонах» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2011 г., № 3, ст. 167. www.mmk.tj (дата обращения: 25.12.2025).
6. Закон РТ «Об инвестиции и стимулировании инвестиционной деятельности» // www.mmk.tj (дата обращения: 25.12.2025).
7. Выступление Основателя мира и единства - Лидера нации, Президента РТ Эмомали Рахмона на Международном форуме предпринимателей 2018 года под лозунгом «Развитие предпринимательства, инвестиций и современные тенденции экономики» // www.president.tj (дата обращения: 15.12.2024).
8. Консультант плюс: Высшая школа. Учебное пособие. – Выпуск 37. К весеннему 2022г. Раздел: Международно-правовые акты.
9. Кузьмин Э.Л. Международное экономическое право: учебное пособие. – М., 2007. – 285 с.
10. Оймахмадов М., Махшулов М. Основы внешнеэкономической деятельности. Учебное пособие. // М.Оймахмадов, М.Махшулов. – Душанбе: Ирфон, 1997. – 304 с.
11. Самадов Б. О. Правовые аспекты государственно-правовой поддержки и ответственности в сфере предпринимательства в некоторых странах СНГ // Материалы международной научно-практической конференции на тему: «Развитие предпринимательского, коммерческого и туристического законодательства в период Государственной независимости Республики Таджикистан». – Душанбе, 2018. – 275 с.

УДК: 347. 2 (575.3)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРАВА

Гаюрзода Шукрулло Кароматулло – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета Таджикского национального университета. Тел.: (+992) 93 510 38 62. E – mail: shukrullo67@mail.ru,

Кодиров Некруз Абдулмаджидович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права юридического факультета Таджикского национального университета. Тел.: (+992) 905 80 8686. E-mail: master.nek@mai.ru,

Одиназода Убайдуллох Саймахмуд – ассистент кафедры международного права юридического факультета Таджикского национального университета. Тел.: (+992) 981 02 20 20. E-mail: odinaev_0220@mai.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу процесса формирования международного энергетического права как самостоятельной отрасли международного права. В ней рассматриваются основные этапы развития правовых норм в энергетической сфере с периода после Второй мировой войны до современности. Авторы анализируют роль политических, экономических и экологических факторов в становлении международной энергетической правовой системы, а также вклад международных организаций – в частности, Организации Объединённых Наций, Европейского Союза и других региональных структур – в укрепление межгосударственного сотрудничества в области энергетики. Аналитический материал показывает, что устойчивое развитие, обеспечение энергетической безопасности и охрана окружающей среды являются ключевыми элементами формирования этой отрасли. В результате экономической интеграции государств, международное энергетическое право стало важной частью современной системы международного права, способствующей согласованию интересов государств в использовании энергетических ресурсов.

Ключевые слова: международное право, международное энергетическое право, энергетическая безопасность, устойчивое развитие, международное сотрудничество, правовое регулирование.

Баъзе масъалаҳои ҳуқуқи байналмилалии энергетикӣ

Гаюрзода Шукрулло Кароматулло – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор, мудири кафедраи ҳуқуқи маданияи факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Тел.: (+992) 93 510 38 62. E – mail: shukrullo67@mail.ru,

Кодиров Некруз Абдулмачидович – номзоди илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент, мудири кафедраи ҳуқуқи байналмилалии факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи милли Тоҷикистон Тел.: (+992) 905 80 8686, E-mail: master.nek@mai.ru,

Одиназода Убайдуллох Саймахмуд – ассистенти кафедраи ҳуқуқи байналмилалии факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи милли Тоҷикистон. Тел.: (+992) 981 02 20 20, E-mail: odinaev_0220@mai.ru

Фишурда. Мақолаи мазкур ба таҳлили таъсисёбии ҳуқуқи байналмилалӣ энергетикӣ ҳамчун соҳаи мустақили ҳуқуқи байналмилалӣ бахшида шудааст. Дар он давраҳои асосии инкишофи меъёрҳои ҳуқуқи энергетикӣ дар давраи баъди Ҷанги дуҷуми ҳафтон то замонҳои муосир баррасӣ шудааст. Муаллифони нақши фактҳои сиёсӣ, иқтисодӣ ва экологиро дар низомҳои ҳуқуқи энергетикӣ таҳлил намуда, инчунин саҳми ташкилотҳои байналмилалӣро, ба хусус Созмони Милалӣ Муттаҳид, Иттиҳоди Аврупо ва дигар ташкилотҳои байналмилалӣ минтақавиро дар таҳкими ҳамкориҳои байнидавлатӣ дар соҳаи энергетикаро таҳлил кардаанд. Маводи таҳлилшуда нишон медиҳад, ки рушди устувор, таъмин амнияти энергетикӣ ва ҳифзи муҳити зист унсурҳои қалидии таъсисёбии соҳаи мазкур мебошанд. Дар натиҷаи интегратсияи иқтисодии давлатҳо, ҳуқуқи байналмилалӣ энергетикӣ қисми муҳими низомҳои муосири ҳуқуқи байналмилалӣ гардида, барои мувофиқакунии манфиатҳои давлатҳо дар истифодаи захираҳои энергетикӣ мусоидат мекунад.

Қалидвожаҳо: ҳуқуқи байналмилалӣ, ҳуқуқи байналмилалӣ энергетикӣ, амнияти энергетикӣ, рушди устувор, ҳамкориҳои байналмилалӣ, танзими ҳуқуқӣ.

Some issues of international energy law

Gayurzoda Shukrullo Karomatullo – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law, Faculty of Law, Tajik National University. Tel.: (+992) 93 510 38 62. E – mail: shukrullo67@mail.ru,

Kadirov, Nekruz Abdulmajidovich - Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of International Law, Faculty of Law, Tajik National University. Tel.: (+992) 905 80 8686. E-mail: master.nek@mail.ru,

Odinazada Ubaidullah Saimahmud -Associate Professor of the Department of International Law at the Law Faculty of the Tajik National University. The tel.: (+992) 981 02 20 20. E-mail: odinaev_0220@mail.ru

The summary. The article is devoted to the analysis of the formation of international energy law as an independent and significant branch of contemporary international public law. It examines the main stages in the development of legal regulation of international energy relations, from the post–World War II period to the present day. The author analyzes the impact of political, economic, and environmental factors on the evolution of international legal norms in the energy sector, as well as the role of international organizations, including the United Nations, the European Union, and regional structures, in strengthening interstate cooperation in this field. The study demonstrates that energy security, sustainable development, and environmental protection are key components of modern international energy law. It concludes that this branch of law is becoming increasingly important for coordinating states' interests in the rational and equitable use of energy resources.

Keywords: international law, international energy law, energy security, sustainable development, international cooperation, legal regulation.

Энергия, являясь продукцией соответствующих отраслей промышленности, во многом определяет присущую этой отрасли специфику: материальность основных связей; непрерывность, а часто неразрывность процессов производства, транспортировки и использования; невозможность или ограниченная возможность складирования продукции в сколько – нибудь значительном количестве; зависимость режима эксплуатации технических устройств энергоснабжающих организаций от режима использования энергии; наличие единых централизованных систем энергоснабжения, объединяющих непрерывным технологическим режимом функционирования процессы добычи, транспортировки и использования продукции. Поэтому, энергия в силу материальности производства, распределения, хранения и использования признается особой вещью - объект гражданского права Республики Таджикистан и международного правового регулирования.

Во второй половине XX века многими западно – европейскими странами была разработана модель межгосударственной интеграции, в русле которой продолжает развиваться в настоящее время Европейский Союз (далее - ЕС). Известно, что Республика Таджикистан (далее - РТ) не является членом этой организации. Однако, идеи межгосударственной интеграции и равноправного сотрудничества соответствует национальным интересам РТ. В этой связи надо признать, что ЕС заключил с РТ партнерское соглашение, включающее многие сферы взаимного интереса. Одним из направлений такого сотрудничества является сфера энергетики.

Достижение энергетической независимости признано в РТ одним из стратегических целей государства. Объективные предпосылки осуществления этой цели основаны на том, что РТ обладает значительными запасами гидроэнергетических ресурсов (8 – е место в мире и 1 – е среди стран Центральной Азии), основная часть водных ресурсов региона Центральной Азии формируется в РТ (53%) [16.].

Важность для достижения энергетической независимости страны вопросов международного энергетического права заключается также в том, что основным правом РТ в соответствии с международным правом является право самостоятельного владения, пользования и распоряжения природными ресурсами. Как обоснованно отмечает один из ведущих специалистов международного права, профессор А. Я. Капустин: «Это право является неоспоримым, неотъемлемым и постоянным, поскольку вытекает из суверенитета государства над ресурсами, расположенными в пределах его государственной территории». [17, с. 59.]. Сказанное подтверждает чрезвычайную актуальность теоретической разработки учения о природных ресурсах как объектах гражданского права РТ и международного энергетического права.

Современное международное право имеет собственные специализированные отрасли, каждая из которых регулирует определённые группы международных отношений. Одной из таких отраслей является международное энергетическое право. Эта отрасль охватывает вопросы производства, транспортировки, продажи, использования и правового регулирования энергетических ресурсов на международном уровне [1, с. 193.].

Международное энергетическое право, как самостоятельная отрасль международного права активно развивается в последние десятилетия. Такой стремительный рост связан с тем, что энергетика является одной из основных опор мировой экономики и играет решающую роль в обеспечении стабильности и развития.

Глобальные проблемы, такие как обеспечение энергетической безопасности, эффективный контроль над энергетическими ресурсами, изменение климата и

использование возобновляемых источников энергии, породили необходимость формирования транснациональной правовой системы регулирования энергетического сектора [2, с. 193.]. Особенно в условиях современного мира, характеризующегося геополитическими конфликтами и обострённой конкуренцией за энергетические ресурсы, правовое регулирование этой сферы приобретает стратегическое значение.

Энергетика охватывает не только экономические вопросы, но и тесно связана с политикой, экологией, безопасностью и правом. С развитием межгосударственных отношений в данной сфере возникла объективная необходимость выделения международного энергетического права как самостоятельной отрасли.

Глобализация мировой экономики оказала глубокое влияние на энергетический сектор. Сегодня производство, транспортировка и использование энергетических ресурсов носят транснациональный характер, что способствует формированию новых международных правовых отношений. Эффективное регулирование этих процессов невозможно без современного правового механизма.

Правительство РТ под руководством Лидера нации, уважаемого Эмомали Рохмана, реализует ряд стратегических проектов, направленных на улучшение электроснабжения и укрепление энергетической безопасности страны.

Основатель мира и национального единства – Лидер нации, Президент РТ в своем Послании Маджлиси Оли от 16 декабря 2025 г., отметил [3, с. 16-18], что по оценкам международных финансовых организаций, Таджикистан входит в число шести ведущих стран мира по доле «зеленой» энергии – экологически чистой электроэнергии, производство которой сегодня составляет 98% от общего объёма. Это является вкладом Таджикистана в предотвращение разрушительных последствий глобального потепления и реализацию экологических инициатив на региональном и глобальном уровнях.

В научной литературе международное энергетическое право трактуется как специальная отрасль международного права, включающая совокупность принципов и правовых норм, регулирующих отношения между субъектами энергетического сектора. Эта отрасль обеспечивает координацию интересов государств, энергетических компаний и других заинтересованных субъектов для достижения устойчивого развития энергетики и решения проблем, связанных с ресурсами, их использованием и транспортировкой. Международное энергетическое право признано частью международного публичного права, играющей ключевую роль в обеспечении энергетической безопасности, повышении эффективности использования энергетических ресурсов и расширении международной энергетической интеграции [4, р. 34-38].

Исторически становление международного энергетического права связано с геополитическими событиями 1970-х годов [5, с. 2-9]. По мнению А. Белицкой ссылающейся на труды А.Г. Быкова, необходимость формирования данной отрасли, возникла после «арабского нефтяного эмбарго», вызвавшего мировой энергетический кризис [6, с. 47-55]. Эмбарго, инициированное странами-членами ОПЕК во главе с Саудовской Аравией, было направлено против Соединённых Штатов, поддерживавших Израиль, в арабо-израильском конфликте. В результате этого цены на сырую нефть были увеличены сначала на 70%, затем на 128%, при одновременном снижении объемов добычи. Эти меры вызвали экономический кризис в странах Западной Европы и США [7, с. 23].

В современном мире энергетическая безопасность является ключевым элементом, напрямую связанным с экономической безопасностью. Обеспечение устойчивого доступа к энергетическим источникам и их бесперебойной транс-

портировки – это не только внутренняя проблема государств, но и предмет международного сотрудничества. Энергетическая безопасность оказывает значительное влияние на устойчивость экономики, внешнюю политику и глобальную стабильность. Поэтому в международном праве понятия «энергетическая безопасность» и «экономическая безопасность» рассматриваются как основные факторы устойчивого развития и решения глобальных проблем.

Некоторые ученые, в том числе Д.Ш. Сангинзода [8, с. 4], Н. Гаффорзода, Ф. Рахимов [9, с. 12] и А.К. Хусаинов [10, с. 75], по-разному трактуют содержание энергетической безопасности и энергетической политики, связывая их с устойчивым развитием, рациональным управлением ресурсами и стратегической независимостью государства [11].

Формирование самостоятельной правовой отрасли – один из ключевых теоретических и практических вопросов юриспруденции.

Международное энергетическое право представляет собой совокупность норм и принципов международного права, регулирующих отношения государств в сфере энергетики. Его предметом являются международные экономические отношения между субъектами международного права; объектом регулирования – энергетическая отрасль, включая ресурсы, технологии, инфраструктуру и процессы производства, транспортировки и использования энергии.

В системе международного права различаются общие и отраслевые принципы. К отраслевым принципам международного энергетического права относятся суверенитет над энергетическими ресурсами, свобода транзита, обеспечение энергетической безопасности, энергоэффективность и охрана энергетических ресурсов. Эти принципы отражают руководящие идеи, закреплённые в нормах международного права и применяемые при международном взаимодействии государств.

Как отмечал С. С. Алексеев [12, с. 192], каждая отрасль права должна обладать собственным предметом регулирования, специальным методом и системой институтов, что придаёт ей структурную самостоятельность. Этим требованиям отвечает и международное энергетическое право.

Л.И. Дембо подчеркивал, что определяющим элементом выделения отрасли права являются именно особые принципы, а не только предмет и метод регулирования. Принципы формируют внутреннюю целостность и системность отрасли, объединяя разнообразные нормы в единую структуру [13, с. 88-98].

Д.И. Фельдман развил данную концепцию, утверждая, что отрасль международного права должна представлять собой согласованную систему норм, регулирующих определённый круг международных отношений, которая обладает относительной автономией и отражает реальные потребности международного общения [14, с. 57–58].

Таким образом, в трудах ведущих исследователей международное энергетическое право признаётся самостоятельной отраслью международного публичного права. Оно направлено на регулирование отношений между государствами в использовании, управлении и охране энергетических ресурсов.

Поскольку источники энергии часто расположены в пределах национальных границ, принципы невмешательства и суверенитета имеют особое значение. Общие принципы международного права - «договоры должны соблюдаться» (*pacta sunt servanda*), невмешательство и запрет применения силы – также применимы в международном энергетическом праве, способствуя предотвращению конфликтов и укреплению энергетической безопасности [15, с. 47-56].

Следовательно, международное энергетическое право представляет собой не просто совокупность правовых норм, а комплексную отрасль международного публичного права, регулирующую сложные экономические, политические и экологические отношения в глобальном энергетическом рынке. Эта отрасль играет ключевую роль в устойчивом развитии, обеспечении энергетической безопасности и гармонизации интересов различных участников.

Вывод: международное энергетическое право, как важная отрасль международного публичного права играет ключевую роль в регулировании отношений между государствами в сфере производства, транспортировки, распределения и использования энергетических ресурсов. В условиях глобализации и возрастания взаимозависимости государств вопросы энергетической безопасности, защиты окружающей среды, регулирования мировых энергетических рынков, рационального использования ресурсов и разрешения энергетических споров приобретают особое значение.

Анализ показывает, что отсутствие универсальных обязательных международных актов, противоречие интересов государств и влияние политических факторов ограничивают эффективность международно-правового регулирования энергетики. Тем не менее развитие международного сотрудничества, совершенствование договорных механизмов и адаптация правовых норм к задачам устойчивого развития способны содействовать решению указанных проблем.

Список использованной литературы:

1. Алексеев С.С. Проблемы теории государства и права: учебник [Текст]. - М.: Юридическая литература, 1979. – 391 с.
2. Белецкая А.К. 70-летию со дня рождения Энергетического права [Текст] / А.Г. Быкова // М.: Издательская группа «Юрист» – 2008. №1. – С. 2-9.
3. Быков А.Г. Международное энергетическое право: становление и развитие [Текст] / А.Г. Быков // Журнал международного права. – 2005. – №3.- С. 47-55.
4. Гаффорзода Нигорахон. Мавқеи амнияти энергетикӣ дар сиёсати ҶТ дар даврони истиқлолият: [Матн] / Н. Гаффорзода // автореф. дис. ... канд. полит. наук – Душанбе, 2006. – 56 с.
5. Дембо Л.И. О принципах построения системы права [Текст] / Дембо Л.И. // Советское государство и право. -1956. - № 8. - С.88-98.
6. Жукова И.С. О международном энергетическом праве как отрасли международного права [Текст] / И.С. Жукова // Вестник ОГУ. -2010.- №2 (108).- С. 47-56.
7. Кузьмин Э.Л. Каграманов А.К. Глобальная энергетическая безопасность и трубопроводный транспорт Политико-правовой аспект [Текст] / Э.Л. Кузьмин, А.К. Каграманов // Научная книга. – М., 2029 – 253 с.
8. Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон мухтарам Эмомалӣ Раҳмон «Дар бораи самтҳои асосии сиёсати дохилӣ ва хориҷии ҷумҳурӣ [Матн], аз 16 декабри соли 2025. – 48 с.
9. Сангинов Д.Ш. Ҳуқуқи энергетикаи Ҷумҳурии Тоҷикистон: воситаи таълимӣ [Матн] // Зери таҳрири умумии д.и.х., проф. Ғаюров Ш.К. -Душанбе: «ЭР-граф», 2013. – 199 с.
10. Раҳимов Ф. Ташаккул ва инкишофи гидроэнергетикаи Тоҷикистон дар давраи истиқлолият [Матн] – Душанбе, 2014. – 158 с.

11. Фельдман Д.И. Система международного права [Текст] / Д.И. Фельдман – Казань.: Изд-во Казанского ун-та – 1983. – 119 с.
12. [Электронные ресурсы] <https://jumhuriyat.tj/bahsho/2807-toikiston-dar-masiri-muboriza-alaji-mushkiloti-globalii-ilim.html> (дата обращения: 25. 01. 2026).
13. Bradbrook A. Energy Law as an Academic Discipline [Text] / A. Bradbrook, J. Adrian // Journal of Energy and Natural Resources Law, Volume 14 (2), 1996. – P. 210- 217.
14. Heffron R.J. Rønne A. Tomain J.P. Bradbrook A. Talus K. A treatise for energy law [Text] / R.J. Heffron, A. Rønne, J.P. Tomain, A. Bradbrook, K.A. Talus // The Journal of World Energy Law and Business, Volume 11, Issue 1, 2018.-P.34-38.
15. Хусайнов А.Қ. Дастовардҳои энергетикӣи Тоҷикистон ва инъикоси он дар паёмҳои Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон [Заҳираи электронӣ] <https://cyberleninka.ru/article/n/dastovard-oi-energetikii-to-ikiston-va-inikosi-on-dar-payom-oi-prezidenti-um-urii-to-ikiston> (санаи муроҷиат: 31.01.2026).
16. «Концепция развития топливно – энергетического комплекса Республики Таджикистан». Утверждена Постановлением Правительства РТ от 03. 08. 2002г., № 318. // Адлия: Централиз. банк правовой информации Республики Таджикистан. Версия 6.0. // М-во юстиции РТ. – Душанбе, 2026. – 1 электрон. опт. диск (CD - ROM). (Дата обращения: 30.04.2026).
17. Капустин А. Я. Право на водные энергетические ресурсы в современном международном праве. // Сб. тезисов Межд. конф. по сокращению стихийных бедствий, связанных с водой. – Душанбе, 2008. – С. 58 – 60.

Рецензент статьи Бободжонзода И. Х. – доктор юридических наук, профессор.

УДК: 342. 4 (075. 8)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ ИНВАЛИДНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ И ЕЁ ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ ГОСУДАРСТВ СНГ

Азизулозода Муниса Хуршед,

докторант PhD, ассистент кафедры международного права юридического факультета Таджикского национального университета. Тел.: (+992) 88-333-28-08
E-mail: munisagurbonova21@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется концептуальная трансформация модели инвалидности в международном праве и особенности её имплементации в законодательствах государств СНГ. Рассматривается эволюция подходов к определению инвалидности от медицинской и реабилитационной модели к социально-правовой и био психосоциальной концепции, закреплённой в Конвенции ООН о правах инвалидов. Проводится сравнительный анализ нормативных формулировок международных актов и национального законодательства стран СНГ, выявляются различия в терминологии и содержании правового статуса лиц с инвалидностью. Особое внимание уделяется состоянию правового регулирования в Республике Таджикистан и обосновывается необходимость перехода к конвенционно-ориентированной модели. Формулируются предложения по совершенствованию национального законодательства в целях обеспечения равенства, недискриминации и полноценного участия лиц с инвалидностью в общественной жизни.

Ключевые слова: инвалидность, социально-правовая модель, медицинская модель, Конвенция о правах инвалидов, права человека, государства СНГ, имплементация международных стандартов, Республика Таджикистан, правовой статус, барьерный подход.

Хусусиятҳои концептуалии модели маъҷубият дар ҳуқуқи байналмилалӣ ва татбиқи он дар қонунгузории давлатҳои ИДМ

Азизулозода Муниса Хуршед,

докторант PhD, ассистент кафедраи ҳуқуқи байналмилалии факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Тел.: (+992) 88-333-28-08; E-mail: munisaqurbonova21@gmail.com

Фишурда. Дар мақола тағйирёбии концептуалии модели маъҷубият дар ҳуқуқи байналмилалӣ ва хусусиятҳои татбиқи он дар қонунгузории давлатҳои ИДМ таҳлил карда мешавад. Эволютсияи равишҳо аз модели тиббӣ ва реабилитсионӣ ба модели иҷтимоӣ-ҳуқуқӣ ва биопсихосоциалӣ, ки дар Конвенсияи СММ оид ба ҳуқуқҳои шахсони маъҷуб мустаҳкам гардидааст, баррасӣ мегардад. Таҳлили муқоисавии меъёрҳои санадҳои байналмилалӣ ва қонунгузории миллий анҷом дода шуда, фарқиятҳои истилоҳот ва мазмунӣ мақоми ҳуқуқии шахсони маъҷуб ошкор карда мешаванд. Ба вазъи танзими ҳуқуқӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон таваҷҷуҳи махсус дода шуда, зарурати гузариш ба модели конвенсионии иҷтимоӣ-ҳуқуқӣ асоснок мегардад. Пешниҳодҳо оид ба такмили қонунгузории миллий бо мақсади таъмини баробарӣ, манъи таъбиз ва иштироки пурраи шахсони маъҷуб дар ҳаёти ҷамъиятӣ пешниҳод мешаванд.

Калидвожаҳо: маъҷубият, модели иҷтимоӣ-ҳуқуқӣ, модели тиббӣ, Конвенсияи СММ оид ба ҳуқуқҳои маъҷубон, ҳуқуқи инсон, давлатҳои ИДМ, татбиқи меъёрҳои байналмилалӣ, Ҷумҳурии Тоҷикистон, мақоми ҳуқуқӣ, монеаҳои иҷтимоӣ.

Conceptual features of the legal category of disability in international law and its implementation in the legislation of the CIS member states

Azizulozoda Munisa Khurshed

PhD doctoral candidate, Assistant at the Department of International Law, Faculty of Law, Tajik National University. Tel.: (+992) 88-333-28-08; E-mail: munisaqurbonova21@gmail.com

The summary. The article examines the conceptual transformation of the disability model in international law and its implementation in the legislation of CIS member states. It traces the evolution from the medical and rehabilitation model toward the social and biopsychosocial approach enshrined in the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities. A comparative analysis of international legal instruments and national legislation is conducted, highlighting terminological differences and variations in the legal status of persons with disabilities. Particular attention is given to the legal framework of the Republic of Tajikistan and the necessity of transitioning to a Convention-oriented social model. The study formulates proposals for improving na-

tional legislation to ensure equality, non-discrimination, and full participation of persons with disabilities in public life.

Keywords: disability, social model, medical model, Convention on the Rights of Persons with Disabilities, human rights, CIS countries, implementation of international standards, Republic of Tajikistan, legal status, barrier-based approach.

Современное международное право исходит из необходимости формирования унифицированного и концептуально согласованного подхода к определению инвалидности как правовой категории, непосредственно связанной с системой прав и свобод человека. Понятийная определённость в праве выступает фундаментальным условием нормативной стабильности, предсказуемости право применения и единообразия юридической практики. В сфере защиты прав лиц с инвалидностью проблема терминологической неоднородности приобретает особую актуальность ввиду её прямого влияния на объём правосубъектности и характер предоставляемых гарантий.

В различных национальных правовых категориях «инвалид», «лицо с инвалидностью» и «инвалидность» интерпретируются неодинаково, что обусловлено доминированием различных концептуальных моделей: медицинской, реабилитационной или социально-правовой. Указанные различия выходят за пределы формально-лингвистической плоскости и затрагивают сущностные элементы правового статуса личности. Терминологический выбор определяет содержание субъективных прав, механизмов их реализации и степень участие лица в систему международно-правовой защиты.

Таким образом, проблема определения инвалидности представляет собой не только категориальный, но и системно-правовой вопрос, от решения которого зависит формирование эффективной модели обеспечения равенства, не дискриминации и полноценного участия лиц с инвалидностью в общественной жизни.

Современное международное право стремится к унификации терминологии, рассматривая инвалидность не просто как медицинское состояние, а как многофакторный социально-правовой феномен, возникающий на пересечении индивидуальных особенностей человека и барьеров окружающей среды. Современная терминология инвалидности - результат длительной эволюции научных подходов, где первоначальное доминирование медицинской модели сформировало язык, непосредственно связывающий её с нарушениями здоровья, утратой трудоспособности и неспособностью выполнять трудовые функции. В рамках данной модели ключевым критерием статуса инвалида долгое время считалось степень умственного физического и сенсорного недостатка, который напрямую препятствует нормальной трудовой деятельности. Так, в Рекомендации МОТ №168 (к Конвенции №159) понятие «инвалид» раскрывается следующим образом: «Термин “инвалид” означает лицо, возможности которого выполнять трудовые функции существенно ограничены вследствие физического, умственного или сенсорного недостатка»[11]. Эти акты закрепили классический медицинско-реабилитационный подход, связывающий правовой статус человека прежде всего с биологически фиксируемым нарушением. Аналогичная логика прослеживается в Протоколе Сан-Сальвадора 1988 г., где подчёркивается, что: «Каждое лицо с физическим или умственным недостатком имеет право на особую защиту»[10]. Здесь понятие инвалидности также подается через биомедицинский признак наличие телесного или психического дефицита, требующего особых мер защиты. Схожий подход отражён в Африканской хартии прав человека и народов 1981 г., в которой говорится: «... нетрудоспособные лица имеют право на особые меры

защиты соответствии с их физическими или моральными нуждами»[1]. Это ещё один пример закрепления традиционного медицинского контекста, где акцент делается на недостатке, а не на социальных барьерах. Например в реабилитационной разновидности медицинской модели представленные в Конвенции МОТ №159 о профессиональной реабилитации и занятости инвалидов, под термин «инвалид» приводится следующее: "термин "инвалид" означает лицо, возможности которого получать, сохранять подходящую работу и продвигаться по службе значительно ограничены в связи с надлежащим образом подтверждённым физическим или психическим дефектом"[5], которая трактуется как индивидуальный дефект требующие восстановительных и реабилитационных мер для людей с инвалидностью.

Проведённый анализ показывает, что ранние международно-правовые акты закрепляли преимущественно медицинскую и медицинско-реабилитационную модель инвалидности, в рамках которой правовой статус лица определялся через наличие устойчивого физического, психического или сенсорного дефекта, ограничивающего трудоспособность и требующего специальных мер социальной защиты. Нормативные формулировки концентрировались на биомедицинских признаках и функциональных ограничениях, что обуславливало индивидуализированный, дефектологический характер правового регулирования.

Такой подход рассматривал инвалидность преимущественно как следствие нарушения здоровья, а не как результат взаимодействия человека с социальными барьерами. Соответственно, юридические механизмы были ориентированы главным образом на реабилитацию и социальное обеспечение, а не на устранение дискриминационных препятствий и обеспечение равного участия в общественной жизни. Именно эта концептуальная основа предопределила дальнейшую эволюцию международных стандартов в направлении социально-правовой модели инвалидности.

ВОЗ для био психосоциальной модели предложила функциональную терминологию включающая в себя “impairment” (нарушения функций организма), “activity limitation” (ограничение активности), “participation restriction” (ограничения участия), которая легла в основу Международной классификации функционирования. Эти категории позволили описывать инвалидность не как статичный статус, а как динамическое взаимодействие биологических особенностей человека, с его психо-социальным состоянием и условий среды. В официальном тексте Международной классификации функционирования, инвалидность определяется как не болезнь, а как результат взаимодействия человека с нарушениями здоровья и барьерами в его окружении (отношение людей, недоступная среда). Подход МКФ принципиально расширяет рамки восприятия инвалидности показывая, что нарушение само по себе не определяет степень включённую человека общества и на первый план выходит взаимодействие между особенностями организма личностными факторами и барьерами окружающей среды физическими социальными и институциональными.

Социальная модель заменила реабилитационный подход на барьерный и ввела термин "лица с инвалидностью", фокусируясь на взаимодействии человека и среды. Именно она утвердила использование термина «лица с инвалидностью», подчёркивая, что ключевым является не нарушение как таковое, а взаимодействие человека и окружающей среды, которое либо обеспечивает, либо ограничивает участие. Классическим примером закрепления социальной модели выступает Конвенция ООН о правах инвалидов. В тексте приведено широко применяемое сегодня определение: «Лица с инвалидностью включают лиц, имеющих дли-

тельные физические, психические, интеллектуальные или сенсорные нарушения, которые во взаимосвязи с различными барьерами могут препятствовать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими»[3]. Это определение делает акцент не на диагнозе, а на сочетании состояния человека с социальными барьерами.

В русле той же социальной модели можно рассматривать и документы soft law. Так, Стандартные правила ООН по обеспечению равных возможностей для инвалидов 1993 года прямо фиксировали понимание инвалидности как: «...значительное число различных функциональных ограничений, которое встречается среди населения ставшими инвалидами вследствие физических, умственных или сенсорных дефектов, состояния здоровья или психических заболеваний, которые по своему характеру могут быть временными или постоянными»[12]. Несмотря на то что эти правила не являются юридически обязательными, они сыграли существенную роль в формировании современного подхода, в котором барьеры - социальные, физические и институциональные рассматриваются как главная причина ограничений.

Элементы социальной модели отражены и в Конвенции о правах ребёнка 1989 г. Хотя чёткого определения понятия «инвалидность» она не содержит, сама фиксация термина и признание того, что: «Государства-участники признают право ребёнка с инвалидностью на особую заботу...»[4] свидетельствуют о переходе к восприятию инвалидности как социального, а не чисто медицинского феномена. В Европейском праве аналогичный подход проявляется в пересмотренной Европейской социальной хартии 1996 года, где закреплено: «Право лиц с инвалидностью на независимость, социальную интеграцию и участие...»[2]. Здесь также отсутствует формальное определение инвалидности, но сама структура норм показывает, что фокус делается не на типе нарушения, а на создании условий для полноценного участия и независимой жизни. Поэтому современный выбор терминов отражает не только юридические стандарты, но и концептуальную модель понимания инвалидности.

Однако в национальных законодательных системах это понимание воплощено неодинаково: одни государства на сегодняшний 2026 г., перешли на право-защитный концепт, закреплённый в Конвенции ООН о правах инвалидов, а другие продолжают придерживаться традиционно-медицинской модели термина. Отголоски этих теоретических моделей заметно проявляются и в правовых системах стран СНГ. Используемая в национальном законодательстве терминология - преимущественно “инвалид”, “лицо с инвалидностью” или “лица с ограниченными возможностями” прямо демонстрирует, какая модель восприятия инвалидности доминирует в конкретной стране: медицинская или социально-правовая. Так, если провести доскональный анализ законодательств стран СНГ для выявления эволюции переходов с одной модели к другому, для гуманного и правосубъектного использования терминологии можно прийти к выводу что страны которые ратифицировали Конвенцию ООН о правах инвалидов и имплементировали его в своё законодательство чаще всего используют в своих законах термин “лицо с инвалидностью” который указывает на переход с медицинской модели к социально-правовому. К числу таких стран, которые внедрили более гуманную версию определения - “лицо с инвалидностью”, можно внести Армению, Азербайджан и Узбекистан. В законе Азербайджанской Республики “О правах лиц с инвалидностью” приведено такое понятие: «Лицо с инвалидностью - лицо с выраженными физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, препятствующими его полному и эффективному участию

в жизни общества наравне с другими людьми»[6]. А в Армении до 2021 г., действовал закон РА «О социальной защите инвалидов в Республике Армения» от 24.05.1993г., в которой использовали медицинскую модель в которой определение было построено по советскому образцу : инвалид - как лицо с нарушением здоровья, приводящим к ограничению жизнедеятельности и нуждающееся в социальной защите, но после принятия закона Республики Армения «О правах лиц с инвалидностью» от 24.05.2021г., с изменениями от 21.12.2021 г., был переход к социально-правовой модели в обзорах которого указывается, что в нем используется конвенционный подход: «Лицо с инвалидностью - лицо, имеющее длительные нарушения, которые в сочетании с барьерами препятствуют его полному и эффективному участию в обществе». Таким же образом, Узбекистан до 2025 г., использовал медицинскую модель понятия инвалидности. До 2025 г., использовался термин инвалид по советскому образцу, а после принятия закона от 15.10.2020г., № ЗРУ-641 «О правах лиц с инвалидностью», с изменениями от 23.10.2025 г., перешел к социально-правовой модели и начал использовать подходы КПИ: “лицо с инвалидностью - лицо со стойкими физическими, умственными, сенсорными (чувственными) или психическими нарушениями, нуждающееся в социальной помощи и защите, создании условий для полного и эффективного участия наравне с другими в политической, экономической, социальной жизни общества и государства”.

Таким образом, развитие био -психосоциальной модели, предложенной ВОЗ в рамках Международной классификации функционирования, ознаменовало концептуальный отход от узко-медицинского понимания инвалидности. Инвалидность стала рассматриваться не как статичный диагноз или индивидуальный дефект, а как результат взаимодействия состояния здоровья человека с личностными факторами и барьерами окружающей среды. Тем самым был сформирован функциональный подход, в котором ключевым становится уровень участия и участие лица в общественную жизнь.

Социальная модель, получившая нормативное закрепление в Конвенции ООН о правах инвалидов и ряде международных актов «мягкого права», окончательно сместила акцент с дефекта на устранение барьеров и обеспечение равенства возможностей. Термин «лица с инвалидностью» отражает персонализированный и правозащитный характер регулирования, ориентированный на обеспечение полноценного и эффективного участия наравне с другими.

В национальных правовых системах государств СНГ наблюдается неоднородная имплементация данного подхода. Часть государств (Армения, Азербайджан, Узбекистан и др.) перешли к конвенционной-ориентированной терминологии и социально-правовой модели, закрепив определение инвалидности через взаимодействие нарушений и барьеров. Одновременно в ряде стран сохраняются элементы медицинской модели либо смешанные конструкции, что свидетельствует о продолжающемся трансформационном процессе и неполной унификации понятийного аппарата в постсоветском правовом пространстве.

В Республике Кыргызстан определение инвалидности построено по принципам Конвенции, но в подзаконных актах всё еще сохраняется термин «лица с ограниченными возможностями здоровья», то есть действует социально-правовая модель по содержанию, при терминологическом наследии старой медицинской традиции. В примере Закон КР «О правах и гарантиях лиц с инвалидностью» в новой редакции (принят 2025 г., вступает в силу с 13.11.2025г.) у лиц имеющих инвалидность такое понятие: «Лицо с инвалидностью - лицо с длительными физическими, психическими, интеллектуальными и (или) сенсорными

нарушениями, которые при взаимодействии с барьерами могут ограничивать его полное и эффективное участие в жизни общества.». В части национальной политики и старых подзаконных актов продолжают использовать термин «лица с ограниченными возможностями здоровья», особенно в образовании и социальной сфере, пока не приведут всю систему в соответствие.

Формально ещё используется термин «лица с ограниченными возможностями здоровья» но новый закон уже закрепляет термин «лицо с инвалидностью» как базовый и ориентированный на Конвенцию по правам инвалидов.

В Молдове так же действует социально-правовая модель и она одна из первых стран СНГ, которая перешла на Конвенционно-ориентированную терминологию ещё в 2012 г. Так в Законе №60 (2012) «О социальной инклюзии лиц с инвалидностью» такое понятие: «Лицо с инвалидностью - лицо с физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые во взаимодействии с барьерами, ограничивают участие в обществе.»[9]. Раньше в некоторых старых подзаконных актах и социальных программах, старых строительных и технических нормах и в документах, которые не были обновлены после вступления закона №60 ещё встречается термин: „persoane cu handicap” - “лицо с ограниченными возможностями” но в официальном законодательстве 2012 г. он больше не используется.

Республика Казахстан использует социально-медицинскую модель если можно такое вообще говорить, так как в Законе Республики Казахстан «О социальной защите инвалидов в Республике Казахстан» [7] (2005 г., действующая редакция) используется термин «лицо с инвалидностью», то есть термин сам по себе соответствует подходам КПИ, но определение остаётся классическим постсоветским: «лицо с инвалидностью - лицо, имеющее нарушение здоровья с постоянным расстройством функций организма, обусловленным заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и необходимости его социальной защиты; инвалидность - степень ограничения жизнедеятельности, обусловленная таким нарушением». Формулировка основывается на критериях устойчивого нарушения функций организма и ограничений жизнедеятельности, без акцента на барьеры среды. Вместе с тем в административной практике и отдельных подзаконных актах продолжают встречаться выражения “лица с ограниченными возможностями”, не имеющие законодательного статуса.

В итоге только два государства участника СНГ Россия (РФ) и Таджикистан (РТ) используют только медицинскую модель инвалидности. РФ не смотря на то что в отличие от РТ ратифицировала Конвенцию ООН по правам инвалидов в 2012 г., но по сегодняшний день не реформировала свой федеральный закон от 24.11.1995г., № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»[8]. Так, ст. 1 закона определяет: «Инвалид - лицо, имеющее нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты». Закон был основан на критериях устойчивых нарушений здоровья и ограничений жизнедеятельности и не включает элементов социально-правовой модели и хотя данный закон много раз менялся и редактировался, термин «лицо с инвалидностью» не используется ни в одной редакции.

РТ остаётся единственным государством участником в СНГ на сегодняшний день которая после присоединения к Конвенции в 2018 году, не ратифицировала его. Так же как и в РФ, в Таджикистане после стольких изменений в законе

О социальной защите инвалидов модель восприятия инвалидности не менялась и в редакции Закона РТ от 17.12.2020г. №1739, используется медицинская модель понятия инвалидности как: «инвалид - лицо, имеющее нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, травмами, физическими и умственными дефектами, приведшими к ограничению жизнедеятельности, и вызывающее необходимость в его социальной защиты» и это определение не менялось со времени принятия закона в 2010 г. Модель инвалидности в правовой структуре Таджикистана так же является строго медицинским, так как она основана на диагнозе, нарушении функций организма, ограничении жизнедеятельности, необходимости медико-социальной экспертизы (ВТЭК) и отсутствии концепции «барьеров».

Таким образом, в правовом пространстве СНГ наблюдается переходный этап: часть государств перешла к социально-правовой модели, тогда как в отдельных странах сохраняется традиционная дефектологическая парадигма.

Совершенствование национального законодательства в сфере защиты прав лиц с инвалидностью должно быть направлено на поэтапный переход от медицинской к социально-правовой модели.

Прежде всего, требуется концептуальное обновление определения инвалидности в Законе РТ «О социальной защите инвалидов» с закреплением конвенционно-ориентированного подхода, основанного на признании длительных нарушений здоровья во взаимосвязи с социальными и институциональными барьерами, ограничивающими равное участие в обществе.

Необходимо также унифицировать терминологию, постепенно заменив термин «инвалид» на формулировку «лицо с инвалидностью» во всех нормативных правовых актах и подзаконных документах.

Важным направлением является законодательное закрепление барьерного подхода, включая понятия разумного приспособления и универсального дизайна, а также установление прямой обязанности государства по устранению физических, информационных и институциональных препятствий.

Требуется реформирование и система медико-социальной экспертизы с переходом к функциональной оценке ограничений участия и индивидуальных потребностей, а не исключительно к диагностическому критерию.

Завершающим этапом должно стать завершение процедуры ратификации Конвенции о правах инвалидов и приведение национального законодательства в соответствие с международными стандартами.

В целом, указанные меры позволяют трансформировать действующую модель социальной защиты в систему обеспечения равенства, недискриминации и полноценного участия лиц с инвалидностью в общественной жизни.

Список использованной литературы:

1. Африканская хартия прав человека и народов: принята 27 июня 1981 г. // Organization of African Unity.
2. Европейская социальная хартия (пересмотренная): принята 3 мая 1996 г. // Совет Европы.
3. Конвенция о правах инвалидов: принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 г. Ст. 1 // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 25.02.2026).
4. Конвенция о правах ребёнка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. Ст. 23, п. 2 // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 25.02.2026).

5. Конвенция № 159 Международной организации труда «О профессиональной реабилитации и занятости инвалидов»: принята 20 июня 1983 г.
6. О правах лиц с инвалидностью: Закон Республики Азербайджан от 31 мая 2018 г. № 1153-VQ (в ред. от 11.04.2025) // СоюзПравоИнформ.
7. О социальной защите инвалидов в Республике Казахстан: Закон Республики Казахстан от 13 апреля 2005 г. № 39-III (в действующей ред.). Ст. 1 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 14.02.2026).
8. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: ФЗ РФ от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ (в действующей ред.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 48. Ст. 4563.
9. О социальной инклюзии лиц с инвалидностью: Закон Республики Молдова от 30 марта 2012 г. № 60. Ст. 2 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova. URL: <https://www.legis.md> (дата обращения: 20.02.2026).
10. Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов: приняты резолюцией 48/96 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 г. Разд. «Введение», п. 17 // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 25.02.2026).

Рецензент статьи Диноршох А. М. – доктор юридических наук, профессор.

III. ИЛМҶОИ ХУСУСӢ – ХУҚУҚӢ (МАДАӢӢ) (ИХТИСОС: 5. 1. 3)

III. ЧАСТНО – ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 5. 1. 3)

УДК: 347 (575.3)

РОЛЬ КОНСТИТУЦИИ И ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА В ОПРЕДЕЛЕНИИ И РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Муртазозода Джамшед Саидали,

**Таджикский национальный университет, юридический факультет, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права
Email: jamshed_1972@mail.ru. Тел: + 992 93 766 90 00**

Аннотация. Статья посвящена системному анализу взаимодействия Конституции РТ и ГК РТ в определении и регулировании объектов гражданских прав. Исходя из верховенства и прямого действия конституционных норм, автор показывает, как конституционные ценности и ограничения (многообразие и равная защита форм собственности, исключительная государственная собственность на природные ресурсы, гарантии частной жизни и охрана интеллектуальной собственности) трансформируются в операционные конструкции частного права: открытую модель объектов, общий принцип оборотоспособности, классификацию вещей, режимы ценных бумаг (включая бездокументарные права), информации и коммерческой тайны, а также систему защиты личных неимущественных благ. Методология включает формально-юридический, системно-структурный, аксиологический и телеологический анализ норм Конституции и ГК РТ без обращения к сравнительному зарубежному материалу. Научная новизна состоит в обосновании двухуровневой модели «конституционная рамка - кодифицированная техника», где оборотоспособность любых объектов подлежит постоянной калибровке конституционными статусами и изъятиями. Сформулированы практические выводы о предсказуемости гражданского оборота, приоритетности частноправовых средств защиты нематериальных благ и о целесообразности точечной донастройки кодексовых категорий для цифровых феноменов (информация, реестровые и бездокументарные права) при неизменности конституционных пределов.

Ключевые слова: Конституция РТ, ГК РТ, объекты гражданских прав, оборотоспособность объектов, изъятие и ограничение из оборота, вещи и иные имущественные блага, ценные бумаги, бездокументарные права, информация как объект гражданских прав, коммерческая тайна, интеллектуальная собственность, личные неимущественные права, исключительная государственная собственность на природные ресурсы, вещные права, защита гражданских прав, гражданский оборот, конституционные ограничения, ценность частного права, цифровые объекты.

Нақши Конститутсия ва Кодекси маданӣ дар муайянкунӣ ва танзими объектҳои ҳуқуқи маданӣ

Муртазозода Ҷамшед Сайдали,

**Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, факултети ҳуқуқшиносӣ, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ,
профессори кафедраи ҳуқуқи маданӣ.
Email: jamshed_1972@mail.ru. Тел: + 992 93 766 90 00**

Фишурда. Мақола ба таҳлили низоммандӣ ҳамтаъсирии Конститутсияи ҚТ ва Кодекси маданияи ҚТ дар муайянкунӣ ва танзими объектҳои ҳуқуқи маданӣ бахшида шудааст. Аз бартарӣ ва амали бевоситаи меъёрҳои конститутсионӣ оғоз карда, муаллиф нишон медиҳад, ки чӣ гуна арзишҳо ва маҳдудиятҳои конститутсионӣ (гуногуншаклӣ ва ҳимояи баробари шаклҳои моликият, моликияти истисноии давлат бар сарватҳои табиӣ, кафолатҳои ҳаёти шахсӣ ва ҳифзи моликияти зеҳнӣ) ба констрuksияҳои амалиётҳои ҳуқуқи хусусӣ табдил меёбанд: модели қушодаи объектҳо, принсипи умумии муомилотпазирӣ, таснифи ашё, режимҳои қоғазҳои қиматнок (аз ҷумла ҳуқуқҳои бездокументарӣ), иттилоот ва сирри тиҷоратӣ, ҳамчунин низоми ҳимояи неъматҳои шахсии ғайримолумулкӣ. Методология таҳлили расмӣ-ҳуқуқӣ, низомӣ-сохторӣ, аксиологӣ ва телеологии меъёрҳои Конститутсия ва Кодекси маданияи ҚТ-ро бе муроҷиат ба маводи муқоисавии хориҷӣ дар бар мегирад. Навгониҳои илмӣ дар асосноккунии модели дусатҳии «чорҷӯби конститутсионӣ» - техникаи кодификатсионӣ» зоҳир мегардад, ки дар он муомилотпазирӣ ҳар гуна объектҳо пайваста бо мақомҳои конститутсионӣ ва берунбарориҳо аз муомилот калибр карда мешаванд. Хулосаҳои амалӣ ба пешбиниҳои муомилоти маданӣ, афзолият додани воситаҳои хусусӣ-ҳуқуқии ҳимояи неъматҳои ғайримолумулкӣ ва мақсадмандии танзими дақиқи категорияҳои кодификатсионӣ барои феноменҳои рақамӣ (иттилоот, ҳуқуқҳои реестривӣ ва бездокументарӣ) бо ҳифзи ҳудудҳои конститутсионӣ равона шудаанд.

Калидвожаҳо: Конститутсияи ҚТ, Кодекси маданияи ҚТ, объектҳои ҳуқуқи маданӣ, муомилоти ашё, аз муомилот гирифташуда ва маҳдуд кардани ашё ва дигар неъматҳои молумулкӣ, қоғазҳои қиматнок, ҳуқуқҳои тасдиқнашуда (бездокументарӣ), маълумот ҳамчун объекти ҳуқуқи шахрвандӣ, сирри тиҷоратӣ, моликияти зеҳнӣ, ҳуқуқҳои шахсии ғайримолумулкӣ, моликияти истисноии давлатӣ ба сарватҳои табиӣ, ҳифзи ҳуқуқҳои конститутсионии маданӣ, ҳуқуқҳои моликияти маданӣ, ҳифзи ҳуқуқи маданӣ, ҳуқуқи хусусӣ, объектҳои рақамӣ.

The Constitution and the Civil code in the definition and regulation of objects of civil rights

**Murtazozoda Jamshed Saidali,
Tajik National University, Faculty of Law, Doctor of Law, Professor of the Department of
Civil Law
Email: jamshed_1972@mail.ru. Тел: + 992 93 766 90 00**

The summary. This article provides a systematic analysis of the interaction between the Constitution of the Republic of Tajikistan and the Civil Code of the Republic of Tajikistan in defining and regulating the objects of civil rights. Based on the supremacy and direct effect of constitutional norms, the author demonstrates how constitutional values and restrictions (diversity and equal protection of forms of ownership, exclusive state ownership of natural resources, guarantees of privacy, and the protection of intellectual property) are transformed into operational constructs of private law: an open model of objects, the general principle of transferability, the classification of things, the regimes of securities (including book-entry rights), information and trade secrets, and a

system for protecting personal non-property benefits. Practical conclusions are formulated regarding the predictability of civil circulation, the priority of private law means of protecting intangible assets, and the advisability of fine-tuning code categories for digital phenomena (information, registry and uncertificated rights) while maintaining constitutional limits.

Keywords: Constitution of the Republic of Tajikistan, Civil Code of the Republic of Tajikistan, objects of civil rights, circulation of objects, withdrawal and restriction from circulation, things and other property benefits, securities, uncertificated rights, information as an object of civil rights, trade secrets, intellectual property, personal non-property rights, exclusive state ownership of natural resources, property rights, protection of civil rights, civil circulation, constitutional restrictions, value (axiology) of private law, digital objects.

Конституция Республики Таджикистан (далее - РТ) как Основной Закон страны предусматривает фундаментальные принципы, в том числе определяет исходные положения о праве собственности и иных объектах гражданских прав. Гражданский кодекс (далее - ГК) РТ, будучи главным актом гражданского законодательства, конкретизирует и детально регламентирует эти положения в соответствии с конституционными принципами. Взаимосвязь Конституции и ГК РТ особенно проявляется при определении объектов гражданских прав – тех благ и ценностей, по поводу которых возникают гражданско-правовые отношения. Данная тема актуальна, поскольку от согласованности норм Конституции и ГК зависит стабильность гражданского оборота и эффективность защиты прав граждан [1.].

Конституция РТ обладает высшей юридической силой, её нормы прямого действия обязательны для всех органов и субъектов права. Поэтому, положения гражданского законодательства основываются на конституционных нормах (не случайно ст. 1 ГК РТ прямо указывает, что гражданское законодательство РТ базируется на Конституции). В Конституции закреплены ключевые институты частного права: право собственности, наследование, свобода предпринимательства, что делает её особым источником гражданского (частного) права [2.].

ГК РТ, будучи кодифицированным законом частного права, раскрывает этот конституционный потенциал на уровне дефиниций, классификаций и регулятивных режимов конкретных объектов гражданских прав. В контексте модернизации частноправового массива исследование конституционно-кодексовой модели объектов гражданских прав позволяет не только реконструировать её внутреннюю логику, но и показать, как Конституция функционально «встроена» в конструкцию оборотоспособности имущества, правовой режим природных ресурсов и охрану личных неимущественных благ и результатов интеллектуальной деятельности. Научная новизна обзора состоит в сопоставлении конституционных норм о собственности, нематериальных благах и интеллектуальной собственности с новеллизированной системой объектов в ГК РТ, с учётом актуальной доктрины 2020–2025 гг.

Конституция закрепляет верховенство и прямое действие своих норм, что предопределяет методологию гражданско-правовой квалификации объектов: любой правовой режим объекта гражданских прав должен быть совместим с Конституцией и её ценностями (ст. 10). Эта рамка «опускается» в ГК РТ уже на уровне общих начал: система источников и принципов гражданского законодательства строится как производная от Конституции. Тем самым конституционные предписания о формах собственности и гарантиях частной инициативы (свобода экономической и предпринимательской деятельности; равноправие всех форм собственности) становятся исходной точкой кодификационных решений об оборотоспособности объектов и допустимых изъятиях (ст. 12, 32).

В собственно объектном блоке ГК РТ центральную роль играют ст. 136-137: во-первых, зафиксирована открытая модель объектов («имущественные и личные неимущественные блага и права»), к имущественным - вещи, деньги, как наличные, так и безналичные, документарные и бездокументарные ценные бумаги, результаты работ и услуги, охраняемая информация, интеллектуальная собственность и др.) (ст. 136 ГК РТ); во-вторых, установлен общий принцип оборотоспособности: свободное отчуждение и переход, если объект не изъят из оборота и не ограничен в нём (ст. 137 ГК РТ). В совокупности это формирует «технологически нейтральную» платформу, способную вмещать новые, в том числе цифровые, феномены частного права без постоянных номинативных поправок в кодекс [3].

Актуальная научная дискуссия 2013-2023 гг. (имеется ввиду разработка нового ГК РТ в трёх рабочих группах) подчёркивает именно такую нейтральность как условие адекватной реакции права на цифровизацию: правопорядок должен оперировать родовыми категориями и режимами, а не закрытыми перечнями «цифровых вещей».

Внутри имущественного континуума «вещи» (гл. 7 ГК РТ) структурируются классически: недвижимые и движимые (с регистрацией прав на недвижимость), предприятие и единый недвижимый комплекс, делимые/неделимые, главная вещь и принадлежность, плоды/продукция/доходы, животные, индивидуально-определённые и родовые вещи, деньги и валютные ценности (ст. 138-150 ГК РТ). Такая стройная классификация необходима для решения вопросов титула, риска случайной гибели, системы виндикационных и негаторных исков и, в конечном счёте, для конфигурации сделок. На уровне вещных прав ГК последовательно закрепляет субъектный и формальный плюрализм собственности (частная и государственная) (ст. 282-285 ГК РТ), раскрывает содержание права собственности, бремя содержания и распределение рисков (ст. 279-281 ГК РТ). Это - прямая «проекция» конституционной гарантии свободы экономической деятельности и защиты всех форм собственности (ст. 12, 32 ГК РТ).

Особый пласт образуют ценные бумаги как самостоятельная группа объектов, которые в ГК РТ представлены в документарной и бездокументарной формах с особыми правилами учёта, оборота и защиты правомочий владельца (глава 8 ГК РТ). Переход к бездокументарной форме повышает значимость реестров и записей, что окрашивает «объектность» соответствующих прав в информационные тона и требует усиленных гарантий достоверности учёта (ср. положения о восстановлении данных учёта прав) (глава 9 ГК). Доктрина последних лет как раз концентрируется на проблематике оборота бездокументарных бумаг и связанных с ними цифровых активов, подчёркивая необходимость единых подходов к «нематериальным носителям» имущественных прав [4].

Конституция фиксирует исключительную собственность государства на землю, недра, воду, воздушное пространство, животный и растительный мир и иные природные ресурсы. ГК РТ даёт точную и детальную кодификационную конкретизацию: ст. 286 прямо воспроизводит эту конституционную конструкцию и устанавливает, что особенности осуществления права собственности и иных вещных прав на такие объекты задаются Кодексом и специальными законами. Отсюда вывод: природные богатства не выступают объектами частного вещного титула, но могут быть предметом иных гражданско-правовых отношений (например, обязательственных - аренда недр в пределах публичного режима, концессии и пр.), если соответствуют конституционному статусу объекта. Современная публикация по недвижимости в праве РТ подчёркивает, что земельные участки и иные природные ресурсы в силу конституционного текста имеют особый вещно-правовой режим, где «частноправовая» компетенция участников неизбежно ограничена публичными началами [5].

Тем самым конституционное ядро ст. 13 Конституции - не просто декларация, а регулятивный средство, определяющий оборотоспособность и допустимые юридические конструкции в отношении соответствующих объектов.

Наряду с вещами и ценными бумагами ГК РТ признаёт в качестве объектов действия (бездействие), постольку, поскольку это прямо предусмотрено законом (ст. 162). По существу, речь идёт о превращении «поведения» в объект обязательства, характерном для обязательственного права приёме, который позволяет праву опосредовать производство работ, оказание услуг и иные формы экономической кооперации. Такой подход согласуется с технологически нейтральной архитектурой объектов: право «ловит» не субстрат, а юридически значимую ценность. Принципиальной новацией системного вида является закрепление информации как самостоятельного объекта гражданских прав, подлежащего охране в установленном законом порядке (ст. 163), а также информации, составляющей коммерческую тайну (ст. 165). В доктрине 2020–2024 гг. выработана устойчивая линия: информация обладает имущественной ценностью и может быть носителем отчуждаемых правомочий при условии нормативной «опредмеченности» режимом доступа и охраны [3.], при этом режимы должны сохранять нейтральность к носителю и технологии, чтобы не «зашивать» в закон краткоживущие термины. В результате даже такие «скользящие» феномены, как цифровые записи о правах, токены или «аккаунты» сервисов, правопорядок в состоянии воспринимать через открытые категории объекта и информации [6.].

Отдельная, конституционно маркированная группа объектов - интеллектуальная собственность. Конституция гарантирует её охрану (ст. 40), а ГК РТ развёртывает общую часть интеллектуальной собственности (ИС) в главе 68: даёт дефиницию ИС как совокупности имущественных и личных неимущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, перечисляет объекты права ИС, описывает содержание, сроки действия и переход имущественных прав, а также механизмы свободных и принудительных лицензий (ст. 1235-1245). Важный следствие для «объектности»: ГК РТ последовательно различает вещные права на материальный носитель и права ИС на нематериальный результат (ст. 1239), что позволяет избежать смешения титула на носитель и титула на результат. Актуальные работы подчёркивают полезность такого дуализма для цифровой экономики, где материальный носитель часто исчезает, а оборот прав смещается в сферу записей и реестров.

Ключевой мост между Конституцией и ГК РТ в сфере нематериальных благ - личные неимущественные права. Конституция провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, закрепляет неприкосновенность жилища, тайну переписки, телефонных переговоров и иных сообщений, свободу слова, печати и информации (ст. 5, 22, 23, 30). ГК РТ надстраивает над этим конституционным ядром специальный раздел II: формулирует содержание и пределы осуществления личных неимущественных прав, общие способы их защиты (запрещение распространения нарушающей информации, опровержение недостоверной информации, компенсация морального вреда и др.). Ст. 225-231, 1225-1226 ГК РТ устанавливает важнейшую гарантию на такие требования исковая давность не распространяется, если закон не предусмотрел иное (ст. 224).

Таким образом, конституционные ценности получают кодифицированные, процедурно-материальные механизмы частноправовой защиты. Современная доктрина в РТ, так и в РФ подчёркивает, что переход от «отрицания» нематериальных благ к их позитивной охране - регулирования завершён и требует тонкой настройки частноправовых средств защиты с учётом цифровой среды распространения информации [7.].

ГК РТ системно раскрывает вопросы защиты вещных прав (признание права, виндикация, негаторный иск, освобождение имущества от ареста), что имеет непосредственную связь с конституционными гарантиями собственности и компенсации вреда от незаконных действий публичных органов (ст. 32, 21, 25, 45, 47). Соответствующие положения

(гл. 20 ГК, ст. 272-278) организуют «инструментарий» защиты титула в привязке к объектной классификации. На уровне приобретения и прекращения права собственности ГК аккумулирует классические конструкции (добросовестное приобретение, приобретательская давность, самовольная постройка, клад, находка, изъятие для государственных нужд), при этом оставляя пространство для специальных публичных режимов в отношении недвижимости и природных ресурсов (гл. 22-23). Современные публикации подчёркивают значимость единых критериев «добросовестности» для стабильности оборота недвижимости и иных объектов, особенно в условиях цифровых реестров и удалённых сделок [4.].

В итоге складывается следующая конституционно - гражданская картина. Конституция задаёт ценности, пределы и особые статусы (исключительная государственная собственность, охрана ИС, неприкосновенность сферы частной жизни, гарантия собственности и наследования) (ст. 13, 40, 5, 22, 23, 32). ГК РТ, в свою очередь, даёт «рабочие» определения и режимы объектов, создаёт технику оборота (общий принцип оборотоспособности, плюс изъятия и ограничения), настраивает классификацию вещей и специальных объектов (ценные бумаги, информация, интеллектуальная собственность), предоставляет инструменты защиты и устанавливает организационные мосты к публичному праву там, где того требует конституционный режим объекта (земля, недра и др.) (ст. 136-165; 279-287; 1235-1245).

Наконец, важно отметить ещё один конституционный-гражданский связующий элемент - правовые последствия для публичных субъектов. Конституция гарантирует возмещение ущерба, причинённого незаконными действиями государственных органов (ст. 32), а ГК РТ детализирует ответственность государства и административно-территориальных единиц в гражданском обороте, включая разграничение казны и имущества, закреплённого за юридическими лицами (ст. 282-286; 134-135). Это обеспечивает согласованность «публичного» статуса ряда объектов (например, объектов исключительной собственности государства) с частноправовыми средствами охраны прав участников оборота.

Проведённый анализ показывает, что Конституция РТ и ГК РТ образуют согласованную двухуровневую модель определения и регулирования объектов гражданских прав. Конституция задаёт аксиологические ориентиры и пределы (верховенство и прямое действие норм (ст. 10), многообразие и равная защита форм собственности – (ст. 12), исключительная государственная собственность на природные ресурсы – (ст. 13), гарантия права собственности и наследования – (ст. 32), охрана интеллектуальной собственности – (ст. 40), конституционная охрана личной сферы – (ст. 5, 22, 23, 30), а ГК РТ превращает их в операционные конструкции частного права: открытое понятие объектов и общий принцип оборотоспособности (ст. 136-137), развернутую классификацию вещей, денег и ценных бумаг (ст. 138-161), признание действий (бездействия) и информации самостоятельными объектами (ст. 162-165), особую регламентацию личных неимущественных благ и механизмов их защиты с изъятием из исковой давности (ст. 224, 225-231), а также системное раскрытие вещных прав и форм собственности, включая конституционно обусловленную исключительную собственность государства на природные богатства (ст. 279-287, в т.ч. ст. 286).

Ключевой вывод состоит в том, что открытая модель объектов в ГК РТ (ст. 136) и принцип общей дозволенности их оборота (ст. 137) эффективно работают лишь при постоянной «калибровке» на конституционные ограничения и специальные статусы. Именно конституционное закрепление исключительной государственной собственности на землю, недра, воду и иные ресурсы (ст. 13) предопределяет их выведение из частноправового вещного оборота и необходимость использования иных, публично и специальным законом опосредованных конструкций (пользование, концессионные и иные обязательственные модели) - что прямо воспроизведено в кодексовом регулировании (ст. 286). В блоке нематериальных благ наблюдается обратная логика: конституционные гарантии частной жизни, неприкосновенности жилища и тайны коммуникаций (ст. 5, 22, 23) находят свое «про-

цессуально-материальное» выражение в механизмах частноправовой защиты, предусмотренных ГК (ст. 224, 225-231). Аналогично, конституционная охрана интеллектуальной собственности (ст. 40) смоделировано через общую часть права ИС в кодексе с чётким разграничением титула на материальный носитель и прав на нематериальный результат (ст. 1235-1245, в т.ч. ст. 1239).

Практическая значимость выявленной модели двойная. **Во-первых**, она обеспечивает предсказуемость оборота: участники гражданских отношений могут полагаться на общее правило свободной оборотоспособности с ясными и конституционно мотивированными исключениями (изъятие/ограничение оборота). **Во-вторых**, она гарантирует эффективную охрану нематериальных интересов личности, поскольку конституционные ценности транслированы в частноправовые способы защиты без риска «вымывания» их содержания давностными и процессуальными барьерами (ст. 224).

С учётом тенденций 2020–2025 гг. перспективным направлением развития видится точечная разработка новых категорий для цифровых феноменов: уточнение понятий и режимов информации и бездокументарных прав (в том числе требований к достоверности реестров и восстановлению записей - в продолжение подходов гл. о ценных бумагах), а также аккуратное «встраивание» цифровых активов в существующие родовые категории объектов без ломки базовой конструкции (ст. 136-137, 151-161, 162-165)]. При этом методологический ориентир остаётся неизменным: при любой новации первична конституционная рамка (*lex superior* — (ст. 10), а кодификация - инструмент её реализации.

В совокупности получаем стабильную и адаптивную модель: Конституция определяет ценностные границы и особые режимы ключевых объектов, а ГК РТ обеспечивает их детальную «привязку к заинтересованному лицу» в обороте и защите. Такая архитектура не только поддерживает целостность гражданско-правовой системы, но и создаёт ресурс для её эволюции в ответ на технологические и экономические вызовы, не выходя за пределы конституционных предписаний и баланса публичных и частных интересов.

Список использованной литературы:

1. Конституция Республики Таджикистан: офиц. текст. - Текст: электронный. - Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (дата обращения: 12.09.2025).
2. Гражданский кодекс Республики Таджикистан: офиц. текст. - Текст: электронный. - Режим доступа: <https://sud.tj/upload/iblock/cff/4406e822qsl35o8y003l2qz5hx1p4uj0.pdf> (дата обращения: 12.09.2025).
3. Большат П. Н. Влияние цифровизации на систему объектов гражданских прав // КиберЛенинка, 2022. - Текст: электронный. - Доступ из: КиберЛенинка (дата обращения: 12.09.2025).
4. Проблемы правового регулирования оборота ценных бумаг: учебник. - ЭБС «Лань», 2020. - Текст: электронный. - Доступ из: e.lanbook.com (дата обращения: 12.09.2025).
5. Мухамедова М. Н. К вопросу понятия недвижимости как объекта гражданских прав // eLIBRARY (РИНЦ), 2021. - Текст: электронный. - Доступ из: eLIBRARY.ru (дата обращения: 12.09.2025).
6. Кресс В. В. Информация как объект гражданских прав // КиберЛенинка, 2024. - Текст: электронный. - Доступ из: КиберЛенинка (дата обращения: 12.09.2025).
7. Зухурзода Ш. Д. Понятие и особенности договорных обязательств... // eLIBRARY (РИНЦ), 2020. - Текст: электронный. - Доступ из: eLIBRARY.ru (дата обращения: 12.09.2025).

Рецензент статьи Касымзода Ф. А. – доктор юридических наук, профессор.

УДК - 347.441

КОНЦЕПЦИЯ «CULPA IN CONTRAHENDO» В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Кодиров Шодмон Кодирович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Межгосударственного образовательного учреждения «Российско-Таджикского (Славянского) университета». 734025, Республики Таджикистан. Душанбе, улица М. Турсунзаде, 30.

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу института преддоговорной ответственности (*culpa in contrahendo*) в гражданском праве Республики Таджикистан. Автор исследует генезис данной концепции, начиная с теории Р. Иеринга и определяет ее текущее место в правовой системе Таджикистана, сквозь призму принципа добросовестности, закрепленного в ст. 9 ГК РТ. В работе проводится сравнительно-правовой анализ с законодательством Российской Федерации и международными стандартами (Принципы УНИДРУА, Регламент «Рим II»). Особое внимание уделяется правовой природе ответственности, которая на данном этапе квалифицируется преимущественно как генеральный деликт. Рассматриваются формы недобросовестного поведения: необоснованный срыв переговоров и нарушение обязательств по конфиденциальности. Автор обосновывает необходимость перехода от общих оценочных категорий к детальной нормативной регламентации процесса ведения переговоров. В заключении подчеркивается, что совершенствование данного института минимизирует правовые риски, повышает инвестиционную привлекательность страны и обеспечивает баланс между свободой договора и защитой разумных ожиданий сторон.

Ключевые слова: преддоговорная ответственность, *culpa in contrahendo*, добросовестность, ГК РТ, свобода договора, убытки, негативный интерес, конфиденциальность, переговоры, злоупотребление правом.

Концепсияи “culpa in contrahendo” дар доктринаи ҳуқуқи маданӣ ва қонунгузории

Ҷумҳурии Тоҷикистон

Қодиров Шодмон Қодирович,

номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсенти кафедраи ҳуқуқи граждании факултети ҳуқуқшиносии Муассисаи таълимии байнидавлатии «Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон». Ҷумҳурии Тоҷикистон, 734025, ш. Душанбе, кӯчаи М. Турсунзода, 30.

Фишурда. Мақола ба таҳлили ҳамаҷонибаи институти ҷавобгарии пешазшартномавӣ (*culpa in contrahendo*) дар ҳуқуқи маданияи Ҷумҳурии Тоҷикистон бахшида шудааст. Муаллиф пайдоиши ин концепсияро аз назарияи Р. Иеринг оғоз намуда, мавқеи ҷорӣ онро дар низоми ҳуқуқи Тоҷикистон тавассути принципи поквичдонӣ, ки дар моддаи 9 Кодекси маданӣ пешбинӣ шудааст, муайян менамояд. Дар қор таҳлили муқоисавӣ-ҳуқуқӣ бо қонунгузории Федератсияи Россия ва

стандартҳои байналмилалӣ (Принсипҳои УНИДРУА, Регламенти «Рим II») гузаронида шудааст. Таваҷҷуҳи махсус ба табиати ҳуқуқии ҷавобгарӣ зоҳир мегардад, ки дар марҳилаи кунунӣ асосан ҳамчун деликти генералӣ тавсиф мешавад. Шаклҳои рафтори бевичдонона: қатъи беасоси гуфтушунид ва вайрон кардани уҳдадориҳои махфият, баррасӣ мешаванд. Муаллиф зарурати гузариш аз истилоҳҳои умумии баҳодиҳӣ, ба танзими муфасссали меъёрии раванди пешбурди гуфтушунидро, асоснок мекунад. Дар хотима таъкид мешавад, ки такмили ин институт хавфҳои ҳуқуқиро коҳиш дода, ҷолибияти сармоягузори кишварро афзун мегардонад ва таносуби байни принсипи озодии шартнома ва ҳифзи интизориҳои оқилонаи тарафҳоро таъмин менамояд.

Калидвожаҳо: ҷавобгарии пешазшартномавӣ, *culpa in contrahendo*, поквичдонӣ, Кодекси маданияи Ҷумҳурии Тоҷикистон, озодии шартнома, зарар, манфиати манфӣ, махфият, гуфтушунид, сӯиистифода аз ҳуқуқ.

The concept of «culpa in contrahendo» in civil law doctrine and legislation of the Republic of Tajikistan

Kodirov Shodmon Kodirovich,

candidate of Juridical Sciences, Associate Professor Department of Civil Law, Faculty of Law Russian-Tajik (Slavonic) University. 30 M. Tursunzade St., Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan.

The summary. The article provides a comprehensive analysis of the institute of pre-contractual liability (*culpa in contrahendo*) within the civil law of the Republic of Tajikistan. The author explores the genesis of this concept, originating from Rudolf von Jhering's theory, and identifies its current standing in Tajikistan's legal system through the lens of the principle of good faith enshrined in Article 9 of the Civil Code. The study conducts a comparative legal analysis with the legislation of the Russian Federation and international standards (UNIDROIT Principles, Rome II Regulation). Particular attention is paid to the legal nature of this liability, which is currently qualified primarily as a general tort. The paper examines forms of bad faith conduct, such as the unjustified breaking off of negotiations and breaches of confidentiality obligations. The author argues for a transition from general evaluative categories to detailed regulatory frameworks governing the negotiation process. The conclusion emphasizes that refining this institute will minimize legal risks, enhance the country's investment attractiveness, and ensure a balance between the principle of freedom of contract and the protection of parties' reasonable expectations.

Keywords: pre-contractual liability, *culpa in contrahendo*, good faith, Civil Code of the Republic of Tajikistan, freedom of contract, damages, negative interest, confidentiality, negotiations, abuse of right.

Традиционно цивилистическая доктрина придерживалась на ответственности, возникающей из уже заключенного договора или вследствие причинения внедоговорного вреда. Тогда как стадия, предшествующая юридическому оформлению соглашения, на протяжении длительного времени оставалась в своеобразной «серой зоной» правового регулирования.

Современной юридической практике преобладает мнение, что правила игры должны соблюдаться еще до того, как договор официально подписан. Недопустимы ситуации, когда одна из сторон внезапно и без веских причин прекращает диалог,

особенно, если обсуждение находится на финальной стадии и партнер уже рассчитывает на успешное завершение дела. Подобное поведение, как отмечает профессор Е. А. Суханов[4, с. 237], признается проявлением недобросовестности и требует правовой оценки.

В науке гражданского права этот вопрос рассматривается через призму преддоговорной ответственности. Данная концепция, известная в латыни как «*culpa in contrahendo*» («небрежность при заключении договора»), была детально обоснована еще Рудольфом фон Иерингом[8, с. 237]. Она подразумевает, что если сторона ведет переговоры нечестно или необоснованно уклоняется от подписания итогового документа, она должна нести материальную ответственность за убытки, причиненные партнеру[8, с. 237]. Стоит заметить, что такие споры возникают не только в ходе долгих дискуссий, но и при классической схеме «оферта - акцепт». Юридическая защита требуется и в тех случаях, когда договор формально заключен, но одна из сторон воспользовалась уязвимым или тяжелым положением другой. Именно на защиту справедливости гражданского оборота направлена ст. 196 Гражданского кодекса (далее - РТ) РТ позволяющая признать сделку недействительной, если в процессе ее совершения были допущены грубые нарушения принципа добросовестности.

В этих условиях проблема преддоговорной ответственности, известная в мировой правовой доктрине под латинским термином «*culpa in contrahendo*»[7], приобретает особую актуальность для Таджикистана, ориентированного на гармонизацию национального законодательства с международными стандартами и создание благоприятного инвестиционного климата. Полагаем, что в подобных отношениях организационные правоотношения составляют своего рода «первую» стадию на которой возникает и находит развитие взаимодействия субъектов[9].

Генезис указанной концепции неразрывно связан с трудами немецкого правоведа Рудольф фон Иеринг, который еще в XIX веке обосновал тезис о том, что само вступление сторон в переговоры порождает особый вид правовой связи, отличной как от договорного обязательства, так и от классического деликта[5]. Суть данного подхода заключается в признании того, что участники переговоров, даже не будучи связанными основным договором, обязаны проявлять взаимную заботливость, лояльность и добросовестность, поскольку их поведение уже затрагивает имущественные интересы контрагента и формирует определенные ожидания относительно исхода переговорного процесса.

Несмотря на то, что действующий ГК РТ прямо не закрепляет отраслевую принадлежность ответственности за нарушение правил ведения переговоров, правоприменительная практика и доктрина выработали устойчивый подход к решению этой задачи. Если рассматривать историю вопроса, то первоначально ответственность за ошибки при заключении сделок трактовалась как договорная. Именно такого мнения придерживался классик правовой науки Рудольф фон Иеринг, который наиболее детально проработал эту теорию. Он полагал, что даже на стадии переговоров стороны уже связаны некими обязательствами, похожими на условия контракта[5].

Однако со временем юридическая мысль во многих странах пошла иным путём. Во многих современных правовых системах (ярким примером здесь служит Франция) этот вид ответственности стали считать деликтным. Это означает, что нарушение при ведении переговоров теперь рассматривается не как нарушение «почти готового» договора, а как причинение вреда в результате неправомерного поведения в целом[11].

Ориентируясь на разъяснения высших судебных инстанций (в частности, по аналогии с подходами, закрепленными в Постановлении Пленума ВС РФ от 24 марта

2016 г.), требования о взыскании убытков, возникших на стадии формирования договорных связей, рассматриваются через призму субсидиарного применения норм о внедоговорном причинении вреда (глава 66 ГК РТ). Таким образом, в отечественном праве де-факто признана деликтная модель преддоговорной ответственности.

Как правильно отмечает А. Г. Карапетов данная квалификация имеет важное практическое значение для субъектного состава спора [6, с.1008]. В силу ст. 1193 ГК РТ, бремя материальной ответственности за деструктивные действия сотрудников в ходе переговорного процесса ложится на работодателя - юридическое лицо или гражданина. При этом круг лиц, чье поведение может быть признано недобросовестным, не ограничивается лишь руководителями или лицами с доверенностью; санкции могут быть применены за действия любого работника, фактически участвующего в коммуникации от имени организации.

В контексте ГК РТ правовым фундаментом для реализации этих идей выступают общие начала гражданского законодательства, прежде всего принцип добросовестности, закрепленный в ст. 9 ГК РТ. Данная норма предписывает участникам гражданских правоотношений действовать разумно и справедливо, и ее регулятивный потенциал в полной мере распространяется не только на стадию исполнения обязательств, но и на этап их формирования. Именно через призму этого принципа в праве РТ долгое время оценивались преддоговорные контакты сторон, несмотря на отсутствие специализированных норм, прямо посвященных переговорам.

Современный этап развития гражданского законодательства РТ характеризуется переходом от фрагментарного регулирования преддоговорных отношений к формированию системного института ответственности за недобросовестное ведение переговоров. Если ранее отечественная цивилистика опиралась преимущественно на общие положения о добросовестности и злоупотреблении правом, то принятие новой редакции ГК РТ и включение в него ст. 501 «Переговоры о заключении договора» стало качественным шагом вперед в защите интересов участников гражданского оборота. Указанная норма фактически легализует классическую конструкцию «*culpa in contrahendo*», придавая ей нормативную определенность и обеспечивая баланс между принципом свободы договора и необходимостью пресечения недобросовестных практик на стадии переговоров.

Анализ правовой природы преддоговорной ответственности неизбежно выводит на дискуссию о ее квалификации, которая в науке традиционно разворачивается вокруг трех возможных моделей: деликтной, договорной и смешанной, имеющей самостоятельный, *sui generis*, характер. Сравнительно-правовой опыт, в том числе право порядков Франции и РФ, демонстрирует, что выбор той или иной модели напрямую влияет на объем подлежащих возмещению убытков, особенности распределения бремени доказывания и сроки исковой давности. Для правовой системы Таджикистана на современном этапе как было уже отмечено наиболее естественным представляется деликтный подход, основанный на конструкции генерального деликта, то есть обязательства вследствие причинения вреда.

Вместе с тем преддоговорная ответственность обладает рядом специфических черт, отличающих ее от классического внедоговорного причинения вреда. В отличие от типичного деликта, где вред наносится личности или имуществу потерпевшего, в рассматриваемых отношениях имеет место добровольный социальный контакт сторон, возникающий по их собственной инициативе. Вступая в переговоры, участники сознательно формируют атмосферу доверия, а ее подрыв вследствие недобросовестного поведения и становится юридически значимым основанием для применения санкций. В правоприменительной практике РТ подобные действия могут быть квалифицированы как злоупотребление правом, например в ситуациях, когда одна из

сторон инициирует переговоры исключительно с целью получения конфиденциальной информации конкурента либо для воспрепятствования заключению сделки с третьим лицом.

Внедоговорная природа преддоговорных споров характеризуется определенной не типичностью. В отличие от классического деликта (ст. 1189 ГК РТ), где ущерб наносится физическим объектам или личности, в данном случае мы имеем дело с «чисто экономическими потерями» (*pure economic loss*). Убытки здесь локализованы исключительно в финансовой сфере пострадавшей стороны[6, с. 1007].

Специфика объекта посягательства (стандарт добросовестного поведения) делает практически невозможным разделение категорий вины и противоправности. Если при порче имущества неправомерность очевидна из факта повреждения вещи, то в преддоговорных отношениях само установление факта недобросовестности автоматически подтверждает и виновный характер действий субъекта. В связи с этим традиционный механизм распределения бремени доказывания, характерный для деликтов, претерпевает изменения[6, с. 1009]. Поскольку ч. 5 ст. 9 ГК РТ постулирует презумпцию добросовестности участников оборота, именно истец обязан доказать обратное. Следовательно, презумпция вины делинквента (ч. 4 ст. 1189 ГК РТ) в таких спорах не находит применения, что подтверждается и судебной практикой.

Стоит отметить, что ситуация усложняется, если стороны предварительно закрепили правила взаимодействия в специальном соглашении о порядке ведения переговоров. В таких случаях приоритет отдается нормам о нарушении обязательств (глава 30 ГК РТ), и нормы о деликтах отступают на второй план. Тем не менее, на практике возможны пограничные состояния, когда формально условия соглашения не нарушены, но поведение стороны противоречит базовым этическим стандартам. В таких сценариях суд может либо применить общие нормы ст. 501 ГК РТ о преддоговорной ответственности, либо расширить охват договорного обязательства за счет выведения подразумеваемых условий из принципа добросовестности.

Особого внимания заслуживают формы недобросовестного поведения, способные повлечь возникновение преддоговорной ответственности, которые вытекают из положений ст. 501 ГК РТ. К их числу относятся, прежде всего, преждевременное и неоправданное прекращение переговоров на стадии, когда у контрагента уже сформировалось разумное ожидание заключения договора, а также сокрытие либо искажение информации, имеющей существенное значение для принятия решения о сделке. Международные источники, включая Регламент «Рим II»[3], Принципы УНИД-РУА[1] и Модельные правила европейского частного права, исходят из того, что сторона, ведущая переговоры недобросовестно, обязана компенсировать другой стороне понесенные расходы. Применительно к законодательству и правоприменительной практике РТ - это предполагает необходимость оценки так называемого негативного интереса, то есть убытков, которые потерпевшая сторона понесла в связи с подготовкой к договору, так и не ставшему реальностью. К таким убыткам могут относиться расходы на юридические консультации, проведение экспертиз, командировочные затраты, а также утраченная возможность заключения аналогичного договора с иным контрагентом.

Введение ответственности за недобросовестное ведение переговоров требует тщательного соотнесения данного института с принципом свободы договора, который является фундаментом рыночной экономики РТ. Очевидно, что сама по себе ответственность за срыв переговоров не должна трансформироваться в механизм принуждения к заключению договора. Баланс интересов достигается посредством критерия добросовестности: каждая сторона вправе прекратить переговоры в любой момент, если такое решение продиктовано объективными экономическими или органи-

зационными причинами, а не стремлением причинить вред партнеру. В связи с этим при рассмотрении соответствующих споров судам надлежит оценивать не сам факт недостижения договоренности, а характер поведения сторон в процессе обсуждения условий сделки.

Дополнительное измерение проблематики преддоговорной ответственности связано с вопросами международного частного права. В условиях трансграничных сделок участники переговоров могут находиться в разных правовых системах, что актуализирует проблему определения права, подлежащего применению к преддоговорным обязательствам. Отсутствие детальной регламентации стадии переговоров в национальном праве РТ способно создать дополнительные риски для предпринимателей – резидентов РТ при взаимодействии с иностранными контрагентами, чьи правовые порядки предусматривают более жесткие правила *«culpa in contrahendo»*. В этом контексте развитие данного института в Таджикистане выступает не только как теоретическая задача, но и как практическая необходимость обеспечения правовой безопасности внешнеэкономической деятельности.

Существенным элементом добросовестного ведения переговоров является обязанность по соблюдению конфиденциальности. В процессе обсуждения условий будущего договора стороны нередко обмениваются коммерческой тайной, ноу-хау и иной чувствительной информацией. В гражданском праве РТ защита таких сведений возможна посредством норм об интеллектуальной собственности и общих положений об ответственности за разглашение служебной или коммерческой тайны. Однако включение обязанности по соблюдению конфиденциальности непосредственно в орбиту преддоговорной ответственности позволило бы более эффективно защищать интересы участников оборота даже в тех случаях, когда специальное соглашение о неразглашении не было заключено, но необходимость сохранения тайны объективно вытекала из характера переговоров.

Необходимо четко дифференцировать соглашение о порядке ведения переговоров и предварительный договор. Первое носит процедурный характер и регулирует процесс коммуникации, не обязывая стороны к итоговому результату. В связи с этим нарушение такого соглашения позволяет требовать лишь компенсации убытков, но не дает права на понуждение к заключению основного договора, что является ключевым отличием от механизмов предварительного договора.

Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что в Таджикистане назрела потребность в более четком нормативном оформлении правил ведения переговоров. Использование опыта реформирования гражданского законодательства государств СНГ[10] и европейских стран могло бы способствовать повышению предсказуемости гражданского оборота и укреплению доверия между его участниками. При этом принципиально важно ограничить круг подлежащих возмещению убытков таким образом, чтобы исключить необоснованное обогащение одной из сторон. Основной целью преддоговорной ответственности должно оставаться восстановление положения потерпевшего в том состоянии, в котором он находился бы, если бы не вступал в данные переговоры.

В целом институт преддоговорной ответственности в гражданском праве РТ находится в стадии активного доктринального осмысления и постепенного становления. Несмотря на то что действующее законодательство еще не содержит исчерпывающего массива специализированных норм, совокупность общих принципов гражданского права и положений о внедоговорном причинении вреда уже сегодня позволяет формировать действенные механизмы защиты добросовестных участников переговоров. Дальнейшее развитие данного института должно идти по пути судебной конкретизации оценочных категорий, таких как добросовестность и разумное ожи-

дание, а также постепенного внедрения в законодательство четких критериев недобросовестного поведения. Это создаст устойчивый правовой фундамент для ранних стадий делового взаимодействия и будет способствовать формированию культуры честного и ответственного диалога в предпринимательской среде РТ.

Список использованной литературы:

1. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 // UNIDROIT: [Электронный ресурс] – Режим доступа: -URL: <https://www.unidroit.org/english/principles/contracts/principles2016/blackletter2016-russian.pdf> (дата обращения: 23.02.2026).
2. ГК РТ от 24 декабря 2022 г. №1918. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // Адлия: Централиз. банк правовой информации Республики Таджикистан. Версия 6.0.// М-во юстиции РТ. – Душанбе, 2024. – 1 электрон. опт. диск (CD - ROM). (дата обращения: 07.10.2025).
3. Регламент ЕС № 864/2007 Европейского Парламента и Совета от 11 июля 2007 г. О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам (Рим II) // [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2007/864/oj/eng> (дата обращения: 20.02.2026)
4. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. д-р юрид. наук., проф. Е. А. Суханов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2023. — 523 с.
5. Гражданское право: учебник: в 4-х Т. 4: Обязательственное право // В.В. Витрянский, В.С. Ем, И.А. Зенин и др.; //Под ред. Е.А. Суханова. - М.: Волтерс Клувер, - 2008. – 800 с.
6. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: Статут, - 2017. – 1120 с.
7. Жужжалов М. Б. Учение Р. Фон Иеринга о преддоговорной ответственности: влияние на современность и возможности по применению в будущем (комментарий к русскому переводу работы «Culpa in contrahendo, или возмещение убытков при недействительности или незаключенности договоров») / М. Б. Жужжалов. // Вестник гражданского права. – 2013. - №3. – С. 267-311.
8. Иеринг Р. *Culpa in contrahendo*, или возмещение убытков при недействительности или незаключенности договоров // Вестник гражданского права. - 2013 - №3. – С. 41 – 53.
9. Кодиров Ш.К. К вопросу о некоторых правовых проблемах заключения гражданско-правовых договоров посредством сети Интернет / Ш.К. Кодиров. // Юридический вестник (научный журнал). – Душанбе: РТСУ, 2020. – №2 (2). – С.55-59.
10. Сулейменов М.К. Преддоговорные отношения / М.К. Сулейменов. // Вестник Института законодательства РК. – 2018. - №4 (53). - С 50-64.
11. Schwenk H. culpa in contrahendo in German, French and Louisiana Law // Tulane Law Review. 1940. Vol. XV. P.79 - 88.

Рецензент статьи Бободжонзода И. Х. – доктор юридических наук, профессор.

УДК: 342. 9 (575.3)

ПОНЯТИЕ И ОСНОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ТОРГОВ

Давлатмандзода Эрадж Давлатманд - кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и коммерческого права юридического факультета Таджикского национального университета. Тел.: (+992) 900-87-59-59. E-mail: kabutzoda86@mail.ru

Анотация. Гражданско-правовая ответственность за нарушение обязательств, возникающих в сфере торгов, представляет собой важный институт гражданского права, регулирующий отношения между участниками торгов и их организаторами. В юридической литературе существуют ряд разнообразных подходов к определению сущности гражданско-правовой ответственности, однако большинство авторов сходятся во мнении, что она является санкцией за правонарушение, влекущей за собой неблагоприятные имущественные последствия, такие как возмещение убытков, уплата неустойки или другие меры, направленные на восстановление нарушенных прав потерпевшего.

По мнению ряда авторов, таких как В.П. Грибанов и А.А. Лукьянцев, гражданско-правовая ответственность является частью системы государственного принуждения, но с характерной для неё компенсационной природой. Важным аспектом является имущественный характер ответственности, который проявляется в возмещении убытков или компенсации морального вреда. Это соответствует задачам защиты прав участников торгов и обеспечения справедливости в их взаимоотношениях.

Ответственность может быть внедоговорной (деликтной) и договорной. Договорная ответственность возникает при ненадлежащем исполнении условий договора, в то время как внедоговорная ответственность применяется в случаях нарушения законных интересов сторон до заключения договора или вне рамок его исполнения. В сфере торгов такие случаи могут включать незаконный отказ в допуске к торгам, изменение условий конкурса или отклонение заявок без должных оснований.

Ключевыми основаниями гражданско-правовой ответственности считаются противоправное поведение, причинение вреда и наличие причинной связи между действиями правонарушителя и последствиями для потерпевшего. Важным элементом является вина, которая, как правило, требует доказательства в большинстве случаев договорной ответственности, тогда как в внедоговорных обязательствах достаточно факта причинения вреда.

В заключение можно отметить, что гражданско-правовая ответственность в сфере торгов направлена на обеспечение законности и справедливости, стабилизацию рыночных отношений и защиту прав участников торгов. Это достигается посредством применения разнообразных санкций, предусмотренных законодательством и условиями договоров, регулирующих торги и сопутствующие обязательства.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, торги, нарушение обязательств, внедоговорная ответственность, договорная ответственность, противоправное поведение, причинение вреда, меры имущественного воздействия, неустойка, возмещение убытков, законодательство о торгах.

Мафҳум ва асосҳои ҷавобгарии маданӣ-ҳуқуқӣ дар соҳаи савдо

Давлатмандзода Эраҷ Давлатманд - номзоди илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент,

мудирӣ кафедраи ҳуқуқи соҳибкорӣ ва тиҷоратии факултети ҳуқуқшиносии
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон.Тел.: (+992) 900-87-59-59
E-mail: kabutzoda86@mail.ru

Фишурда. Ҷавобгарии маданӣ-ҳуқуқӣ барои вайрон кардани уҳдадорӣ, ки ҳангоми савдо ба миён меоянд, як падидаи муҳимми ҳуқуқи маданӣ мебошад, ки муносибатҳои байни иштирокчиёни савдо ва ташкилкунандагони онҳоро танзим мекунад. Дар адабиёти ҳуқуқӣ барои муайян кардани моҳияти ҷавобгарии маданӣ-ҳуқуқӣ равишҳои гуногун ҷой доранд, аммо аксари муаллифони бар он ақидаанд, ки ин як ҷазо барои ҷиноятест, ки оқибатҳои манфии молиявиро ба бор меорад, ба монанди ҷуброни зарар, пардохти ҷаримаҳо ё дигар чораҳо, ки барои барқарор кардани ҳуқуқҳои поймолшудаи ҷабрдида равона шудаанд.

Ба андешаи як қатор муаллифони, ба монанди В.П. Грибанов ва А.А. Лукьянцев, ҷавобгарии маданӣ-ҳуқуқӣ қисми таркибии низоми маҷбуркунии давлатӣ мебошад, аммо хусусияти хосси ҷубронкуниро дорад. Ҷанбаи муҳимми он хусусияти молумулкӣ доштани ҷавобгарӣ мебошад, ки дар шакли ҷуброни зарар ё зарари маънавӣ зоҳир мешавад. Ин бо ҳадафҳои ҳифзи ҳуқуқи иштирокчиёни савдо ва таъмини адолат дар муносибатҳои байниҳамдигарии онҳо мувофиқ аст.

Ҷавобгарӣ метавонад ғайришартномавӣ ва шартномавӣ бошад. Ҷавобгарии шартномавӣ аз иҷрои нодурусти шартҳои шартнома ба миён меояд, дар ҳоле ки масъулияти ғайришартномавӣ дар ҳолатҳои поймол намудани манфиатҳои қонунии тарафҳо пеш аз бастанӣ шартнома ё берун аз доираи иҷрои он татбиқ мегардад. Дар баҳши савдо, чунин парвандаҳо метавонанд рад кардани ғайриқонунии қабул ба савдо, тағйир додани шартҳои он ё бе асосҳои кофӣ рад кардани пешниҳодҳо бошанд.

Асосҳои калидии ҷавобгарии маданӣ-ҳуқуқӣ рафтори ғайриқонунӣ, расонидани зарар ва мавҷудияти робитаи сабабӣ байни амалҳои ҳуқуқвайронкунанда ва оқибатҳои он барои ҷабрдида ба ҳисоб мераванд. Унсuri муҳим гуноҳ аст, ки дар аксари ҳолатҳои масъулияти шартномавӣ одатан исботро талаб мекунад, дар ҳоле ки дар уҳдадорӣҳои ғайришартномавӣ далели расонидани зарар кофӣ аст.

Дар ҳулоса, метавон қайд кард, ки масъулияти маданӣ-ҳуқуқӣ дар соҳаи савдо барои таъмини қонуният ва адолат, устувории муносибатҳои бозорӣ ва ҳифзи ҳуқуқи иштирокчиёни савдо равона гардидааст. Ин тавассути татбиқи ҷазоҳои гуногуни пешбинишудаи қонун ва шартҳои шартномаҳо, ки савдо ва уҳдадорӣҳои марбут ба онҳоро танзим мекунанд, ба даст оварда мешавад.

Калидвожаҳо: ҷавобгарии маданӣ-ҳуқуқӣ, савдо, вайрон кардани уҳдадорӣҳо, масъулияти ғайришартномавӣ, масъулияти шартномавӣ, рафтори ғайриқонунӣ, расонидани зарар, чораҳои таъсиррасонии молумулкӣ, ҷаримаҳо, ҷуброни зарар, қонунгузорӣ дар соҳаи савдо.

Concept and grounds of civil liability in the field of trade

Davlatmandzoda

Eraj

Davlatmand,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Entrepreneurial and Commercial Law, Faculty of Law, Tajik National University
Tel.: (+992) 900-87-59-59. Email: kabutzoda86@mail.ru

The summary. Civil liability for the violation of obligations arising in the sphere of trade represents an important institution of civil law, regulating the relations between participants

in trade and their organizers. There are various approaches in legal literature to defining the essence of civil liability, but most authors agree that it is a sanction for wrongdoing, leading to adverse financial consequences, such as compensation for damages, payment of penalties, or other measures aimed at restoring the violated rights of the injured party.

According to authors such as V.P. Gribanov and A.A. Lukyantsev, civil liability is part of the system of state coercion, but with a characteristic compensatory nature. An important aspect of this responsibility is its financial character, which manifests in the compensation for damages or the compensation for moral harm. This aligns with the tasks of protecting the rights of trade participants and ensuring fairness in their relationships. Liability can be contractual (arising from the terms of an agreement) or non-contractual (delictual). Contractual liability arises from improper fulfillment of the terms of a contract, while non-contractual liability applies in cases where the lawful interests of the parties are violated before the contract is concluded or outside the framework of its execution. In the field of trade, such cases may include unlawful refusal to admit to a trade, changes to the terms of a tender, or rejection of bids without valid grounds. The key grounds for civil liability are considered to be unlawful behavior, the infliction of harm, and the causal link between the actions of the wrongdoer and the consequences for the injured party. An important element is fault, which typically requires proof in most cases of contractual liability, while in non-contractual obligations, it is sufficient to establish the fact of harm. In conclusion, civil liability in the field of trade aims to ensure legality and fairness, stabilize market relations, and protect the rights of trade participants. This is achieved through the application of various sanctions provided by law and the terms of agreements governing trade and related obligations.

Keywords: civil liability, trade, breach of obligations, non-contractual liability, contractual liability, unlawful behavior, infliction of harm, financial sanctions, penalty, compensation for damages, trade legislation.

Ответственность, которая возникает при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств в ходе проведения торгов, безусловно относится к сфере гражданско-правовой ответственности. Тем не менее в юридической науке до сих пор нет полного консенсуса относительно её глубинной природы и конкретного наполнения.

По убеждению В.П. Грибанова, “гражданско-правовая ответственность выступает одной из разновидностей государственного принуждения. Она выражается в наложении имущественных санкций, задача которых вернуть нарушенные права в прежнее положение и одновременно поддерживать здоровые экономические связи между юридически равными участниками гражданского оборота” [20, с. 38-39].

Помимо этого, В.П. Грибанов выделяет несколько ключевых черт гражданско-правовой ответственности. Именно они помогают понять её как полноценный институт гражданского права и раскрыть, какую роль она играет в механизме охраны субъективных гражданских прав.

Эта ответственность носит ярко выраженный имущественный характер - и это не случайно. Её суть заключается в том, чтобы восстановить нарушенное имущественное равновесие. На практике она реализуется через взыскание денежных сумм: будь - то неустойка, компенсация убытков или другие способы возмещения материального вреда. Даже когда страдают личные неимущественные блага или возникает моральный вред, правовые последствия всё равно приобретают денежное выражение - в виде компенсации морального вреда либо покрытия связанных с ним материальных расходов. Благодаря такой имущественной направленности ответственность становится осязаемой и действительно способна вернуть потерпевшему то, что ему причитается.

Если смотреть на неё с позиции правовой конструкции, гражданско-правовая ответственность - это юридически закреплённая обязанность одного лица (должника или причинителя вреда) нести неблагоприятные имущественные последствия в пользу другого (кредитора или потерпевшего). Она служит надёжным инструментом, который обеспечивает баланс интересов сторон и стабильность всего гражданского оборота, помогая на деле воплощать принцип охраны субъективных прав.

Одним из центральных начал здесь выступает принцип соразмерности. Он требует, чтобы мера ответственности, возлагаемая на нарушителя, была адекватна тяжести причинённого ущерба или размеру понесённых убытков. Такая пропорциональность ярко подчёркивает компенсационную сущность института: его задача - не наказывать в карательном смысле, а привести имущественное положение пострадавшего в то состояние, которое было до нарушения, и не допустить экономического перекоса между участниками правоотношения.

Не менее значим принцип равенства участников гражданских отношений. Когда совершаются схожие по сути и последствиям нарушения, к нарушителям должны применяться сопоставимые по объёму и характеру меры ответственности. Это создаёт атмосферу справедливости, делает правоприменение предсказуемым и последовательным, исключает субъективизм и в конечном итоге укрепляет уверенность людей и организаций в надёжности правовых механизмов [38, с. 11–12].

А.А. Лукьянцев, в свою очередь, выделяет целый ряд отличительных признаков гражданско-правовой ответственности: она регулируется именно нормами гражданского законодательства и принципами гражданского права; в подавляющем большинстве случаев проявляется через имущественные меры воздействия на участников правоотношений; возникает в результате противоправных действий (бездействия) субъектов, причём противоправность оценивается по закону или по условиям конкретного гражданско-правового договора; представляет собой проявление государственного принуждения - даже если лицо добровольно принимает на себя ответственность, оно всё равно действует в границах правовых норм и, следовательно, под контролем государства; обращена непосредственно к потерпевшему - будь то физическое или юридическое лицо, чьи имущественные либо личные неимущественные интересы пострадали от действий должника; главная её цель - восстановить нарушенное субъективное гражданское право или обеспечить равноценную компенсацию; наряду с восстановительной функцией она несёт в себе и элемент кары, который иногда выражается, например, в лишении нарушителя какого-либо субъективного гражданского права; предполагает строгую соразмерность объёма ответственности величине причинённого вреда или убытков; строится на равенстве мер ответственности: за сходные нарушения к разным лицам применяются одинаковые по силе последствия; обладает выраженным воспитательным эффектом - демонстрируя нарушителям негативные последствия неправомерного поведения, она помогает упорядочивать гражданский оборот; тесно связана с понятием санкции, хотя последнее шире по содержанию; гражданско-правовая ответственность, как правило, возникает в случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств; для её наступления обычно необходима активная позиция потерпевшего - именно он выступает инициатором привлечения нарушителя к ответственности.

Кроме того, многие авторы рассматривают гражданско-правовую ответственность как особый вид гражданско-правовых санкций, то есть как один из способов защиты гражданских прав.

Для нарушителя она влечёт дополнительные неблагоприятные последствия, подкреплённые возможностью государственного принуждения: либо появление нового (дополнительного) обязательства, либо утрату части принадлежащих ему

субъективных гражданских прав [14, с. 34].

Таким образом, несмотря на отдельные расхождения во взглядах учёных, общая картина показывает, что ответственность в контексте торгов - это не просто формальное наказание, а сложный, глубоко компенсационный и стабилизирующий механизм гражданского права, который стремится вернуть баланс и предотвратить дальнейшие нарушения.

С.Н. Братусь считал, что понятия санкции и ответственности в гражданском праве по сути совпадают: когда к нарушителю применяется любая санкция за невыполнение гражданско-правовой обязанности, это и есть реализация ответственности [7, с. 122-123].

В. С. Белых вместе с В. И. Кривошеевым трактуют санкцию как правовой механизм, который несёт для нарушителя отрицательные последствия - либо имущественные, либо организационные. Такие последствия наступают при совершении правонарушения и приводятся в действие либо напрямую законом, либо через действия уполномоченных органов, обеспечивающих принуждение [3, с. 181].

О. С. Иоффе видел в гражданско-правовой ответственности именно санкцию, которая активируется при нарушении закона и приводит к тому, что виновный лишается каких-то субъективных гражданских прав или, напротив, на него возлагаются новые либо дополнительные обязанности в гражданско-правовой сфере [22, с. 97].

В. Т. Смирнов особо подчёркивал, что “гражданско-правовая ответственность по своей сути представляет собой обязанность правонарушителя (а в отдельных прямо предусмотренных законом ситуациях - и другого лица) принимать на себя те неблагоприятные последствия, которые прямо установлены правовыми нормами. Такие последствия способны проявляться как в виде имущественных утрат, так и в форме ограничений личного плана” [38, с. 110].

Некоторые правоведы рассматривают гражданско-правовую ответственность как особое обязательство, которое должник должен исполнить перед кредитором на основании договора или иного законного основания. При этом такое обязательство возникает исключительно в момент неисполнения или ненадлежащего исполнения первоначального обязательства [44, с. 508].

М. И. Брагинский сводил всю сущность ответственности к её материально-денежной стороне - к возмещению причинённого ущерба и уплате неустойки, тем самым подчёркивая преимущественно экономическую природу этого правового института [6, с. 269].

Большинство авторов сходятся во мнении, что гражданско-правовая ответственность представляет собой одну из разновидностей гражданско-правовых санкций - мер, направленных на охрану и защиту гражданских прав и обеспеченных возможностью государственного принуждения. Для лица, допустившего нарушение, это выражается в появлении дополнительных обременений: либо в форме нового обязательства, либо в утрате уже существовавшего субъективного права [34, с. 180; 28, с. 185].

М. З. Рахимов придерживался более жёсткой точки зрения и настаивал, что подлинной ответственностью следует признавать лишь те меры, которые действительно реально отягощают нарушителя, - взыскание убытков, неустойки и подобные им меры [35, с. 228].

И.А. Покровский характеризовал гражданско-правовую ответственность как “полноценное правоотношение, внутри которого правонарушитель вынужден терпеть негативные последствия - будь то имущественного или даже неимущественного характера. Эти последствия подкреплены государственным принуждением, а зачастую сопровождаются ещё и общественным порицанием как самого проступка, так и того, кто его совершил” [32, с. 266].

Н. Д. Егоров понимал гражданско-правовую ответственность именно как “санкцию, которая реализуется через возложение на нарушителя дополнительной гражданско-правовой обязанности либо через лишение его какого-либо уже принадлежащего ему гражданского права” [21, с. 480–481].

А. А. Тебряев определял её как “обязанность виновного лица претерпевать дополнительные неблагоприятные последствия, прямо предусмотренные нормами гражданского права за совершённое нарушение, причём эти последствия в каждом конкретном случае сводятся к сокращению имущественной сферы нарушителя в интересах потерпевшей стороны” [44, с. 24].

Согласно позиции Д. В. Сидорова, “гражданско-правовая ответственность состоит в применении санкции именно к субъекту гражданского деликта, когда на него возлагается дополнительная обязанность гражданско-правового характера либо происходит лишение уже существовавшего гражданского права” [37, с. 150].

Е. А. Суханов рассматривал гражданско-правовую ответственность как “особую форму государственного принуждения: суд взыскивает с нарушителя в пользу потерпевшего имущественные санкции, которые полностью переносят на виновного все неблагоприятные имущественные последствия его неправомерных действий и в итоге восстанавливают нарушенную имущественную сферу пострадавшего в первоначальном виде” [18, с. 27].

Сам Е. А. Суханов выделял несколько наиболее ярких особенностей гражданско-правовой ответственности: она всегда носит имущественный характер: меры ответственности воздействуют именно на имущественную сторону нарушителя и неизбежно создают для него финансовые или материальные потери; участники гражданских правоотношений равноправны, поэтому нарушение обязанности одним из них автоматически нарушает права другого; именно поэтому санкции взыскиваются в пользу потерпевшего, а не в пользу государства или в абстрактном порядке; ответственность здесь компенсационная по своей сути: объём санкции должен точно соответствовать реальным убыткам потерпевшего и ни в коем случае их не превышать. Это вытекает из эквивалентно-возмездной природы гражданско-правовых имущественных отношений - цель не в том, чтобы обогатить пострадавшего за счёт нарушителя, а в том, чтобы возместить ущерб и вернуть баланс.

Именно эти черты в совокупности отличают гражданско-правовую ответственность от всех других видов юридической ответственности и дают возможность увидеть её как целостный, самостоятельный институт.

На основе обобщения различных научных позиций можно сформулировать собственное понимание: гражданско-правовая ответственность - это обязанность лица, допустившего нарушение, претерпеть определённые лишения имущественного или личного неимущественного характера в пользу и перед потерпевшим. Эти лишения возникают именно вследствие посягательства на имущественные либо личные неимущественные права управомоченного лица. Всё перечисленное направлено на достижение главной цели - реальное восстановление нарушенных прав, при этом потерпевший получает законное основание требовать принудительной реализации такой обязанности через механизмы государственного принуждения.

В сфере торгов гражданско-правовая ответственность выступает как особая разновидность юридической ответственности, которая применяется к организаторам торгов, их участникам или иным лицам, вовлечённым в процесс, за любое отступление от обязанностей и прав, предусмотренных законом или условиями договора о проведении торгов. На практике эта ответственность почти всегда выражается в форме имущественных неблагоприятных последствий для нарушителя - через взыскание убытков, уплату неустойки, штрафных санкций и иных аналогичных мер.

В юридической доктрине принято классифицировать гражданско-правовую ответственность по основанию возникновения на договорную и внедоговорную (деликтную). При этом в литературе встречаются и иные подходы к делению, согласно которым выделяют два основных вида: ответственность, возникающую вследствие нарушения уже существующих правоотношений, и ответственность, которая сама по себе порождает совершенно новые правоотношения [18, с. 592, 16, с. 651–652, 19, с. 561–562, 47, с. 16–17].

Если внедоговорную ответственность понимать как ответственность, возникающую непосредственно в силу прямого указания закона, то договорная ответственность всегда связана с неисполнением либо ненадлежащим исполнением обязательства, которое возникло на основании ранее заключённого договора [13, с. 173, 14, с. 485].

А. М. Белякова особо выделяла принципиальное различие между этими видами: “нормы внедоговорной (деликтной) ответственности носят императивный характер - стороны не могут по своему усмотрению изменять их содержание соглашением, а сама ответственность возникает лишь в случаях, прямо перечисленных в законе. Напротив, нормы договорной ответственности в значительной мере диспозитивны: участники договора вправе по взаимному согласию смягчить или усилить объём ответственности, установить дополнительные основания для её исключения или даже предусмотреть ответственность за такие действия (бездействие), которые законодательство вообще не предусматривает в качестве оснований” [5, с. 25].

В. А. Носов определял внедоговорное обязательство как обязательство, которое возникает независимо от того, выражали ли его участники свою волю в согласованной форме [30, с. 11].

А. М. Михайлич развивал эту идею и характеризовал внедоговорные обязательства как “самостоятельную группу обязательств, объединённых общей социально-экономической природой. Они опираются на взаимосвязанную систему правовых норм, защищают абсолютные имущественные и личные неимущественные отношения, выполняют компенсационно-восстановительную, превентивно-воспитательную и организационно-стимулирующую функции, а также строятся на единых юридических конструкциях и общих принципах гражданского права” [29, с. 27–28].

В. В. Попов трактует внедоговорные обязательства как те, “которые возникают не из взаимного согласия сторон, а непосредственно из обстоятельств, прямо предусмотренных законом”. Среди них он выделяет: “а) причинение одним лицом вреда другому; б) получение или удержание имущества за чужой счёт без законных оснований (классическое неосновательное обогащение); в) совершение полезных действий в чужих интересах без поручения заинтересованного лица” [33, с. 28].

У внедоговорных обязательств есть ряд ярко выраженных черт. Прежде всего, они появляются независимо от того, хотят ли участники их возникновения - поэтому их содержание задаёт сам закон, воля одного из субъектов, а порой даже действия третьего лица, вовсе не входящего в обязательство. Во-вторых, права и обязанности, их масштаб и характер в большинстве случаев жёстко определяет законодательство. В-третьих, участники таких отношений обычно лишены возможности по своему желанию менять правила игры. Именно по этой причине внедоговорные обязательства возникают вне зависимости от воли сторон - как справедливо подчёркивает В.А. Носов [30, с. 10-11].

М. Рожкова чётко разграничивает внедоговорные и договорные обязательства по нескольким ключевым параметрам:

“1. Внедоговорные обязательства возникают именно из причинённого вреда — здесь вред одновременно выступает и основанием появления обязательства, и фунда-

ментом для привлечения к ответственности. В договорных же обязательствах вред имеет значение лишь при определении размера ответственности.

2. После полного возмещения убытков внедоговорное обязательство, как правило, прекращается; при договорном же возмещении убытков не освобождает должника от обязанности исполнить обязательство в натуре.

3. При внедоговорных обязательствах вред возмещается строго в пределах реальных потерь; в договорных отношениях ответственность нередко может выходить за рамки фактически причинённых убытков.

4. Внедоговорные обязательства ограничиваются исключительно компенсацией вреда и обычно не предусматривают штрафных санкций, которые часто применяются именно в договорных отношениях” [36, с. 30].

В. В. Попов также подчёркивает принципиальные различия между внедоговорной и договорной ответственностью. По ее мнению, оно выражается в следующем:

“1. Договорная ответственность наступает при нарушении прав и обязанностей, установленных как нормами закона, так и условиями конкретного договора. Она подчиняется одновременно положениям договора и диспозитивным нормам законодательства, что позволяет сторонам по взаимному согласию изменять объём ответственности и устанавливать её пределы. Кроме того, такая ответственность может распространяться и на те нарушения, которые прямо законом не предусмотрены как основания для привлечения к ответственности. В этом виде ответственности решающее значение имеет воля участников сделки, а закон играет роль вспомогательного регулятора, особенно при применении диспозитивных норм.

2. Внедоговорная (деликтная) ответственность возникает при любом посягательстве на права или охраняемые законом интересы, которые не связаны с неисполнением или ненадлежащим исполнением договорных обязательств. Она применяется только в случаях, исчерпывающе перечисленных в законе, а её объём в большинстве случаев установлен жёстко и не может быть изменён по соглашению сторон.

Более того, обязанность возместить причинённый вред иногда возлагается на лиц, которые сами непосредственно вред не причиняли, однако признаются должниками в рамках деликтных обязательств” [33, с. 40, 74].

И. А. Тактаев также ярко выделяет ключевые различия между договорной и деликтной (внедоговорной) ответственностью: нормы, регулирующие договорную ответственность, преимущественно носят диспозитивный характер; участники договора вправе по взаимному соглашению корректировать размер ответственности; они могут устанавливать дополнительные основания для полного или частичного освобождения от ответственности; договорная ответственность способна охватывать и такие нарушения, которые законодательство вообще не предусматривает в качестве оснований для ответственности - в отличие от внедоговорной.

Для деликтной ответственности нормы носят императивный характер: условия её наступления не могут быть изменены соглашением сторон, она возникает исключительно в случаях, прямо указанных в законе, при наличии вреда и причинной связи между противоправным поведением и наступившими последствиями. Противоправность в деликте всегда представляет собой нарушение прямого предписания закона, тогда как в договорной ответственности более уместно говорить о неправомерности в более широком смысле - как о любом отступлении от принятых на себя обязательств [43, с. 27–28].

Ещё одна важная особенность внедоговорной ответственности состоит в том, что её обязательным условием всегда выступают наличие вреда и причинно-следственная связь между действием и вредом - без них ответственность просто не возникает. Договорная же ответственность вполне может наступить и без реального вреда или при-

чинной связи. Классический пример - неустойка: кредитору не требуется доказывать, что ему причинены убытки (ч. 1 ст. 357 ГК РТ).

Внедоговорная (деликтная) ответственность в контексте торгов возникает в ситуациях, когда вред наносится ещё до заключения договора или вообще вне договорных рамок, но при этом нарушаются требования закона или базовые принципы добросовестного поведения. Конкретные случаи внедоговорной ответственности в сфере торгов зависят от вида торгов, норм законодательства и условий проведения процедуры. Тем не менее наиболее типичными поводами становятся: торги ещё не привели к договору; действия организатора или участника нанесли имущественный вред или убытки другому лицу; необоснованный отказ допустить к участию в торгах; одностороннее изменение условий конкурса уже после старта; необоснованная отмена торгов; умышленное сокрытие значимой информации, влияющей на итоги; проведение торгов с predetermined победителем; наличие картельных соглашений; координация действий участников в ущерб конкуренции; прямое или косвенное участие заказчика в ограничении конкуренции; формальное следование процедуре при реальном нарушении равенства участников; введение дискриминационных условий; отклонение заявки по искусственным, надуманным причинам; определение победителя с грубым нарушением закона; лишение другого участника реальной возможности победить. Внедоговорная ответственность может наступить независимо от того, состоялись торги или нет. Например, она охватывает затраты на подготовку заявки, расходы по обеспечению заявки, а в исключительных случаях - даже упущенную выгоду.

М. Рожкова чётко разграничивает внедоговорные и договорные обязательства по нескольким ключевым параметрам:

“1. Внедоговорные обязательства возникают именно из причинённого вреда - здесь вред одновременно выступает и основанием появления обязательства, и фундаментом для привлечения к ответственности. В договорных же обязательствах вред имеет значение лишь при определении размера ответственности.

2. После полного возмещения убытков внедоговорное обязательство, как правило, прекращается; при договорном же возмещении убытков не освобождает должника от обязанности исполнить обязательство в натуре.

3. При внедоговорных обязательствах вред возмещается строго в пределах реальных потерь; в договорных отношениях ответственность нередко может выходить за рамки фактически причинённых убытков.

4. Внедоговорные обязательства ограничиваются исключительно компенсацией вреда и обычно не предусматривают штрафных санкций, которые часто применяются именно в договорных отношениях” [36, с. 30].

В. В. Попов также подчёркивает принципиальные различия между внедоговорной и договорной ответственностью:

“1. Договорная ответственность наступает при нарушении прав и обязанностей, установленных как нормами закона, так и условиями конкретного договора. Она подчиняется одновременно положениям договора и диспозитивным нормам законодательства, что позволяет сторонам по взаимному согласию изменять объём ответственности и устанавливать её пределы. Кроме того, такая ответственность может распространяться и на те нарушения, которые прямо законом не предусмотрены как основания для привлечения к ответственности. В этом виде ответственности решающее значение имеет воля участников сделки, а закон играет роль вспомогательного регулятора, особенно при применении диспозитивных норм.

2. Внедоговорная (деликтная) ответственность возникает при любом посягательстве на права или охраняемые законом интересы, которые не связаны с неисполнением или ненадлежащим исполнением договорных обязательств. Она применяется только

в случаях, исчерпывающе перечисленных в законе, а её объём в большинстве случаев установлен жёстко и не может быть изменён по соглашению сторон.

Более того, обязанность возместить причинённый вред иногда возлагается на лиц, которые сами непосредственно вред не причиняли, однако признаются должниками в рамках деликтных обязательств” [33, с. 40, 74].

И. А. Тактаев также ярко выделяет ключевые различия между договорной и деликтной (внедоговорной) ответственностью:

“- нормы, регулирующие договорную ответственность, преимущественно носят диспозитивный характер;

- участники договора вправе по взаимному соглашению корректировать размер ответственности;

- они могут устанавливать дополнительные основания для полного или частичного освобождения от ответственности;

- договорная ответственность способна охватывать и такие нарушения, которые законодательство вообще не предусматривает в качестве оснований для ответственности - в отличие от внедоговорной.

Для деликтной ответственности нормы носят императивный характер: условия её наступления не могут быть изменены соглашением сторон, она возникает исключительно в случаях, прямо указанных в законе, при наличии вреда и причинной связи между противоправным поведением и наступившими последствиями. Противоправность в деликте всегда представляет собой нарушение прямого предписания закона, тогда как в договорной ответственности более уместно говорить о неправомерности в более широком смысле - как о любом отступлении от принятых на себя обязательств” [43, с. 27–28].

Ещё одна важная особенность внедоговорной ответственности состоит в том, что её обязательным условием всегда выступают наличие вреда и причинно-следственная связь между действием и вредом - без них ответственность просто не возникает. Договорная же ответственность вполне может наступить и без реального вреда или причинной связи. Классический пример - неустойка: кредитору не требуется доказывать, что ему причинены убытки (ч. 1 ст. 357 ГК РТ).

Особенно важно подчеркнуть, что в сфере торгов основанием для привлечения к гражданско-правовой ответственности чаще всего становятся именно такие действия: нарушение условий уже заключённого договора о торгах, полное неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, которые возникли в связи с организацией и проведением торгов, а также причинение вреда другим участникам торгов либо самому организатору в результате противоправных поступков.

На наш взгляд, разнообразие подходов к понятию «противоправность» и к вопросу о роли вины не случайно: оно отражает попытки учёных учесть специфику разных видов гражданских правоотношений. В торгах, где часто сталкиваются интересы множества лиц и где формальные процедуры могут маскировать реальные злоупотребления, особенно ценен именно широкий подход к противоправности - он позволяет эффективно защищать добросовестных участников даже тогда, когда вред причинён не умышленно, а в результате грубой неосторожности или сознательного игнорирования закона.

Список использованной литературы:

1. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. - М., 1940.
2. Андреев Ю.Н. Участие государства в гражданско-правовых

отношениях. – М., 2000.

3. Белых В.С., Кривошеев В.И. Страхование право. М.: Норма-Инфра.- М., 2001.
4. Белякова А. М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. - М.: Изд-во МГУ, 1986.
5. Белякова А.М. Имущественная ответственность за причинения вреда.- М., 1979.
6. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн.1: Общие положения. -М.: Статут, 1997.
7. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность.- М., 2001.
8. Варшавский К.М. Обязательства, возникающие вследствие причинения другому вреда.- М., 1929.
9. Гражданское право России: курс лекций. Ч. 1/под ред. О.Н. Садикова.- М., 1996.
10. Гражданское право. Т1 / под ред. А.Е.Суханова. -М.: Волтерс Клувер, 2004.
11. Гражданское право: в 2-х т. Т. I. учебник / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп.- М.: Волтерс Клувер, 2004.
12. Гражданское право: в 2-х т.Т.1. / отв. ред. Е.А. Суханов.- М., 1993.
13. Гражданское право: учебник. Ч. 1.6-е изд./под ред. Ю.К. Толстого., А.П.Сергеева.- М., 1996.
14. Гражданское право: Учебник. В 2-х т. Т.1 / Отв. ред. Е.А. Суханов.- М., 1998.
15. Осипов Е.Б. Защита гражданских прав. Учеб. и прак. пособие.- Алматы, 2000.
16. Гражданское право: учебник. Т.1. 6-е изд. / под ред. А.П.Сергеева, Ю.К. Толстого.- М., 2002.
17. Гражданское право: учебник. Часть 1 / под ред. Ю.К.Толстого, А.П. Сергеева.- М: ТЕИС, 1996.
18. Гражданское право: учебник: в 4 т.Т.1/ отв. ред. Е.А. Суханов.- М., 2004.
19. Гражданское право: учебник: в 4-х т. Т.1 / отв. ред. М.К. Сулейменов, Ю.Г. Басин.- Алматы, 2000.
20. Грибанов В.П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей - М., 1973.
21. Егоров Н.Д. Гражданское право: учебник. Часть I. Изд. 2-е / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого.- М.: Проспект, 1997.
22. Иоффе О.С. Обязательственное право. -М., 1975.
23. Колиева А.Э. Ответственность за вред, причиненный актами правоохранительных органов и суда (гражданско-правовой аспект): дис. ... канд.юрид.наук. -Владикавказ, 2007.
24. Кофман В.И. Соотношение вины и противоправности в гражданском праве // Правоведение. 1957.- №1. - С. 65-76.
25. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве.- М., 1958.
26. Лейст О.Н. Санкция в советском праве.- М., 1962.
27. Малейн Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях.- М., 1968.
28. Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве. - Киев, 1955.
29. Михайлич М.А. Внедоговорные обязательства в советском

гражданском праве.- Краснодар, 1982.

30. Носов В.А. Внедоговорные обязательства: Учеб. пособие.- Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1987.

31. Пиголкин А.С. Нормы советского социалистического права и их структура//Вопросы общей теории советского права.- М., 1960.- С. 173 -180.

32. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права.- М., 1998.

33. Попов В.В. Гражданско-правовая ответственность за внедоговорной вред, причиненный публично- правовыми образованиями: дисс... канд. юрид. наук.- М., 2002.

34. Проблемы ответственности в гражданском праве: учеб. пособие / Л. Ф. Нетишинская. – Краснодар: КубГАУ, 2020. – 88 с. ISBN 978-5-907373-11-2

35. Рахимов М.З. Конечный результат предпринимательства: теория и правовое регулирование. -Душанбе, 2007.

36. Рожкова М. Внедоговорное обязательство по уплате процентов за пользование чужими денежными средствами//Хозяйство и право.- М., 2005.- №9.- С.23 -30.

37. Сидоров Д.В. Гражданско – правовое регулирование фьючерсных договоров: дис. ... канд. юрид. наук.- М., 2006.

38. Смирнов В.Т. Обязательства, возникающие из причинения вреда.- Л., 1973.

39. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликатных обязательствах в советском гражданском праве. -Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.

40. Советское гражданское право: учебник: в 2-х т. Т.1 / под ред. О.А. Красавчикова.- М., 1985.

41. Ступницкая Ю.А. Имущественная ответственность органов внутренних дел: дис. ... канд.юрид.наук.- М., 2007.

42. Сулейменов М.К. Гражданско – правовая ответственность по законодательству Республики Казахстан // Ответственность в гражданском праве: Материалы международной научно – практической конференции (в рамках ежегодных цивилистических чтений). Алматы, 22-23 мая 2006 г. /отв. ред. М.К. Сулейменов. Алматы: НИИ частного права КазГЮУ, 2006.

43. Тактаев И.А. Ответственность государственных органов за вред, причинённый их органами и должностными лицами: дис. ... канд. юрид.наук.- М., 2003.

Рецензент статьи Рахимзода М. З. – доктор юридических наук, профессор.

**IV. ТАҚРИЗҲОИ ВОРИДШУДА
IV. ПОСТУПИВШИЕ РЕЦЕНЗИИ**

УДК: 347:004:346

**НАУЧНЫЙ ПОДВИГ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ: К 35-ЛЕТИЮ МОНО-
ГРАФИИ В.А. ОЙГЕНЗИХТА**

(Рецензия на монографию В.А. Ойгензихта «Альтернатива в гражданском праве». - Душанбе: «Ирфон», 1991. – 176 с.)

Сангинзода Донинёр Шомахмад,

доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и коммерческого права юридического факультета Таджикского национального университета. Тел.: (+992) 980 85 07 07; E – mail: doniyor_sanginov@mail.ru

Сангинзода Донинёр Шомахмад,

доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессори кафедраи ҳуқуқи соҳибкорӣ ва тичорати факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Тел.: (+992) 980 85 07 07; E – mail: doniyor_sanginov@mail.ru

Sanginzoda Doninyor Shomahmad,

doctor of Law, professor of the Department of Business and Commercial Law at the Faculty of Law of the Tajik National University. Phone: (+992) 980 85 07 07; E – mail: doniyor_sanginov@mail.ru

Ключевые слова: альтернатива в гражданском праве, выбор, диспозитивность, договорная свобода, рыночная экономика, правовое регулирование, императивные и диспозитивные нормы, альтернативные обязательства, ответственность, гражданское законодательство, теоретическое наследие, сравнительное правоведение, цивилистика, правовая методология, свобода воли, консенсус, компромисс, принцип «дозволено все, что не запрещено», переходный период в праве.

Калидвожаҳо: алтернатива дар ҳуқуқи маданӣ, интиҳоб, диспозитивӣ, озодии шартномавӣ, иқтисоди бозорӣ, танзими ҳуқуқӣ, меъёрҳои императивӣ ва диспозитивӣ, уҳдадориҳои алтернативӣ, масъулият, қонунгузориҳои маданӣ, мероси назариявӣ, ҳуқуқшиносии муқоисавӣ, ҳуқуқшиносии маданӣ, методологияи ҳуқуқӣ, озодии ирода, консенсус, компромисс, принсипи «ҳама чизе, ки манъ нашудааст, иҷозат аст», давраи гузариш дар ҳуқуқ.

Keywords: alternative in civil law, choice, dispositiveness, contractual freedom, market economy, legal regulation, imperative and dispositive norms, alternative obligations, liability, civil legislation, theoretical heritage, comparative jurisprudence, civil law studies, legal methodology, freedom of will, consensus, compromise, the principle of “everything is permitted that is not prohibited”, transitional period in law.

Монография уважаемого профессора кафедры предпринимательского и коммерческого права юридического факультета Таджикского национального универ-

ситета Виктора Аркадьевича Ойгензихта, вышедшая в свет в 1991 году, представляет собой уникальное для своего времени и сохраняющее научную ценность по сей день исследование. Книга была издана на переломном этапе отечественной истории – в период крушения административно-командной системы, перехода к рыночной экономике и становления нового гражданского законодательства. В этом контексте работа В.А. Ойгензихта оказалась не только своевременным откликом на происходящие перемены, но и фундаментальным теоретическим осмыслением одного из ключевых принципов правового регулирования – принципа альтернативности, выбора, диспозитивности.

Автор поставил перед собой амбициозную задачу: через призму категорий «альтернатива», «выбор», «вариабельность» переосмыслить значительный массив гражданско-правовых институтов – от общих положений о нормах права до конкретных договорных конструкций и мер ответственности. Актуальность такого подхода была обусловлена не только политико-экономическими изменениями, но и внутренней логикой развития цивилистической мысли, назревшей потребностью в отказе от излишней императивности и признании за субъектами права более широкой свободы усмотрения.

Следует особо отметить, что данная монография не является простым комментарием к действовавшему на тот момент законодательству. Это глубокое теоретическое исследование, выходящее далеко за пределы позитивного права. Автор обращается к философским, психологическим и логическим основаниям категории выбора, что придает его работе методологическую глубину и позволяет рассматривать ее как вклад не только в цивилистику, но и в общую теорию права.

В настоящей рецензии предлагается развернутый анализ содержания монографии, ее структуры, основных идей и выводов, а также дается оценка научной новизны, теоретической и практической значимости работы.

Монография имеет четкую, продуманную структуру, отражающую логику авторского замысла. Она состоит из четырнадцати глав, предваряемых кратким, но емким предисловием, и завершается развернутым заключением на таджикском языке (хулоса), что подчеркивает региональный контекст издания, но не умаляет его общетеоретического значения.

Первая глава «Попробуем разобраться» [с. 5-13] выполняет важную методологическую функцию. Автор начинает с этимологического анализа термина «альтернатива», прослеживая его латинские и французские корни, и сразу же вводит читателя в проблемное поле, различая понятия «альтернативы», «альтернативности», «факультативности» и «диспозитивности». Уже на этом этапе В.А. Ойгензихт демонстрирует характерную для него широту подхода: он не ограничивается узкоюридическим пониманием альтернативного обязательства, а стремится к выявлению сущностных признаков альтернативности как свойства правового регулирования в целом.

Подводя итог этой главе, автор формулирует ключевой для всего исследования вывод: «Характерной чертой гражданского права признается диспозитивность, понимаемая как способность осуществлять правосубъектность по своему усмотрению, приобретая гражданские права и обязанности, распоряжаясь ими, определяя в известных пределах их содержание. Диспозитивность— это не только выбор в осуществлении права, но выбор способов реализации права, его содержания, последствий при нарушении и т. п. Диспозитивность— общая характеристика правового положения субъектов. И в этом смысле она проявляется в альтернативности. Особенно это очевидно в настоящее время, когда утвердилось новая демократическая формула: разрешено все, что не запрещено законом. Но диспозитив-

ность определяется соответствующими рамками. Именно рамки создают относительную определенность, которая обычно сводится к альтернативности. Если диспозитивность основана на альтернативе, то она должна признаваться “альтернативной диспозитивностью”, если же альтернативных вариантов нет, они не определены, не ограничивают диспозитивность, то такая диспозитивность признается “неограниченной” или “безальтернативной”»[с. 11].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая конструкция, предложенная В.А. Ойгензихтом, сохраняет свою научную актуальность и в современных условиях. Автору удалось не только связать категории «диспозитивность» и «альтернативность» в единую теоретическую систему, но и предложить их внутреннюю классификацию, позволяющую дифференцировать степень свободы субъектов гражданского права. С методологической точки зрения, данный подход позволяет глубже понять природу гражданско-правового регулирования, выявить его динамические аспекты и определить границы, в пределах которых субъекты права могут самостоятельно формировать свои права и обязанности. Вместе с тем, современное развитие цивилистической доктрины и законодательства требует дополнения данной концепции положениями о социальной функции диспозитивности. Подлинная альтернативность не может быть безграничной — она ограничена не только формальными рамками закона, но и необходимостью защиты интересов слабой стороны, обеспечения публичного порядка, предотвращения злоупотребления правом. В этом смысле «альтернативная диспозитивность» должна рассматриваться не как абсолютная свобода, а как свобода, ограниченная принципами добросовестности, разумности и справедливости. Таким образом, теоретическое наследие В.А. Ойгензихта в части учения о диспозитивности и альтернативности сохраняет не только историческое, но и практическое значение, выступая методологической основой для дальнейших исследований в области гражданского права и совершенствования законодательства в условиях рыночной экономики.

Вторая глава «Альтернативные нормы» [с.14-22] посвящена классификации правовых норм. Автор обосновывает необходимость выделения особой группы – альтернативных норм, которые, по его мысли, не укладываются в традиционное деление на императивные, диспозитивные и рекомендательные. Особое внимание уделяется диспозитивным нормам, в которых В.А. Ойгензихт видит основной канал реализации альтернативности. При этом он обращает внимание на опасность, таящуюся в диспозитивных нормах: при отсутствии реального соглашения сторон они превращаются в скрытый императив. Эта мысль представляется чрезвычайно важной и сохраняет свою актуальность в условиях современного договорного права, где проблема соотношения свободы договора и законодательных ограничений стоит не менее остро.

Резюмируя свои рассуждения, автор заключает: «Возникает и такой вопрос: по какому пути в условиях рыночной экономики должно пойти хозяйственное законодательство. Практика ряда стран показывает, что по пути установления широкой регулятивной свободы. Мы полагаем, что правовое регулирование несомненно должно быть, но, во-первых, главным образом относиться к важнейшим, принципиальным положениям, а во-вторых, во многом не устанавливать, а моделировать, рекомендовать, т. е. в принципе должен быть отказ от зарегулированности. Основным регулятором должен быть договор с законодательным обеспечением его свободы и конкуренции. Но многие ориентируются на диспозитивные нормы, негативно относятся к взглядам на то, что расширение договорной свободы в

современных экономических условиях должно привести к сужению правового регулирования хозяйственных договоров[21].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая позиция В.А. Ойгензихта относительно путей развития хозяйственного законодательства в условиях рыночной экономики является научно обоснованной, методологически целостной и сохраняющей актуальность для современной цивилистики. Автору удалось сформулировать концепцию, которая органично сочетает признание необходимости государственного регулирования с утверждением приоритета договорной свободы и договорного саморегулирования. Предложенный им баланс между императивными, диспозитивными и рекомендательными нормами, а также акцент на развитии институтов профессионального посредничества и государственного стимулирования, представляют собой образец взвешенного и научно обоснованного подхода к решению одной из ключевых проблем правовой реформы переходного периода. Вместе с тем, современное развитие рыночной экономики и правовой системы требует уточнения данной концепции в части выработки четких критериев разграничения сфер императивного и диспозитивного регулирования, а также создания эффективных механизмов защиты интересов слабой стороны в условиях формально равной, но фактически неравной договорной свободы. В этом направлении теоретическое наследие В.А. Ойгензихта может служить прочным фундаментом для дальнейших научных изысканий и совершенствования законодательства.

Третья глава «Выбор альтернативы и альтернатива выбора» [с.22-33] является, пожалуй, наиболее философски насыщенной. Автор обращается к психологическим аспектам принятия решения, анализирует роль неопределенности, вероятности и риска в процессе выбора. Ссылаясь на работы Ю. Козелецкого, А.П. Альгина и других, В.А. Ойгензихт показывает, что альтернативность неразрывно связана с субъективным восприятием ситуации, с оценкой полезности и риска. Особый интерес представляет различие «выбора альтернативы» (как объективно существующей возможности) и «альтернативы выбора» (как способа, метода самого выбора). Это различие позволяет автору в дальнейшем анализировать не только то, что выбирают субъекты, но и как они это делают, какие факторы влияют на принятие решения.

Завершая эту главу, автор отмечает: «Свободное регулирование поведения, свободный выбор альтернативы являются несомненно проявлением свободы воли, но не всегда это регулирование основа не па истинной свободе воли. Поэтому, видимо, не следует утверждать, что свободной волей человек обладает лишь в той мере, в какой он может делать сознательный выбор. И все же без сознательного выбора нет свободы воли. Существует диалектическое единство выбора и ответственности. Выбор предопределяет ответственность, а ответственность немыслима без выбора. Несомненно, должны быть и диапазон возможностей поступка п субъективные возможности для выбора. Речь идет о свободе выбора — психологического акта, в котором играют роль и разум, и волевые качества человека. Выбор и решение последние звенья проектирования, устойчивый компонент программирования поведения»[с. 31-32].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая позиция В.А. Ойгензихта по вопросу о свободе воли, выборе и ответственности является научно-обоснованной, методологически целостной и сохраняющей высокую актуальность для современной цивилистики. Автору удалось органично соединить философские, психологические и юридические аспекты проблемы, предложив диалектическую концепцию, в рамках которой свобода воли, выбор и ответствен-

ность рассматриваются в неразрывном единстве. Особую ценность представляет авторский подход к пониманию свободы воли не как абстрактной категории, а как реальной способности субъекта осознанно выбирать из доступных альтернатив, нести ответственность за свой выбор и быть субъектом правового регулирования. Этот подход позволяет преодолеть как крайности правового волюнтаризма (когда свобода воли абсолютизируется без учета реальных возможностей выбора), так и правового детерминизма (когда роль сознательной воли субъекта сводится к минимуму). В современных условиях, когда законодательство и правоприменительная практика сталкиваются с необходимостью защиты интересов слабой стороны договора, борьбы с недобросовестными практиками и обеспечения реальной, а не формальной свободы выбора, теоретическое наследие В.А. Ойгензихта приобретает особое значение. Его идеи о диалектическом единстве выбора и ответственности, о необходимости различения формальной и истинной свободы воли, о психологических основаниях выбора могут служить методологической основой для дальнейшего совершенствования законодательства и развития цивилистической доктрины.

Четвертая глава «Альтернативные обязательства и альтернативные обязанности» [с.33-42] посвящена анализу традиционных для цивилистики конструкций альтернативных и факультативных обязательств. Здесь В.А. Ойгензихт проявляет себя как глубокий знаток классической цивилистики, обращаясь к работам К. Бернштейна, И.Б. Новицкого, Л.А. Лунца, а также к зарубежному опыту (Французский гражданский кодекс). Автор аргументированно отстаивает идею о единстве сущности альтернативных и факультативных обязательств, полагая, что различие между ними не носит принципиального характера и сводится к степени связанности сторон. Особое внимание уделяется сложным вопросам: влиянию невозможности исполнения одной из альтернатив на судьбу обязательства, распределению убытков при гибели предмета, последствиям просрочки.

В заключении к главе автор подчеркивает: «Мы уже говорили о том, что законодательство ограничивает возможности выбора различных вариантов в поведении субъектов. Это чрезвычайно большой разговор. Можно сослаться на многие нормы, в которые могли быть включены альтернативные права и обязанности. В качестве примера укажем на последствия признания сделок недействительными. Так, например, не понятно, почему при недействительности сделки, совершенной под влиянием заблуждения (ст. 57 ГК РСФСР., ст.155 ГК Тадж ССР) не следует предоставить право субъектам альтернативно решить вопрос либо о возврате в натуре, либо о возмещении стоимости. Это же относится к кредитору по другим оспоримым сделкам — ст. 58(56) ГК, по сделке не соответствующей закону — ст. 48(46) ГК и к др. Не лишне обратить внимание на то, что в гражданских отношениях появилась категория “отступного”» [с. 41-42].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая позиция В.А. Ойгензихта о необходимости расширения альтернативных возможностей при применении последствий недействительности сделок и о значении института отступного является научно обоснованной, методологически целостной и сохраняющей высокую актуальность для современной цивилистики. Автору удалось не только выявить недостатки действовавшего на тот момент законодательства, но и предложить конструктивный путь их преодоления, основанный на расширении диспозитивных начал и предоставлении субъектам права выбора наиболее адекватного способа защиты нарушенных прав. Особую ценность представляет то, что В.А. Ойгензихт рассматривает эти вопросы не изолированно, а в контексте общей концепции альтернативности в гражданском праве. Для него расширение альтер-

нативных возможностей в сфере недействительности сделок и развитие института отступного являются частными проявлениями более общей тенденции – перехода от императивного регулирования к диспозитивному, от жесткой регламентации к свободе выбора, от административно-командных методов к рыночным механизмам саморегулирования. В современных условиях, когда гражданское законодательство продолжает развиваться в направлении расширения диспозитивных начал, теоретическое наследие В.А. Ойгензихта приобретает особое значение. Его идеи о необходимости предоставления субъектам альтернативных способов защиты прав, о значении отступного как инструмента гибкого регулирования обязательственных отношений, о недопустимости излишнего императивизма в законодательстве могут служить методологической основой для дальнейшего совершенствования гражданско-правовых институтов и развития цивилистической доктрины.

Название пятой главы «*Tertium non datur?* - Третьего не дано» [с.42-51] подчеркивает жесткость альтернативной конструкции, но автор показывает, что в реальных отношениях возможны различные модификации и отступления от этого принципа. Анализируя сложные ситуации, связанные с невозможностью исполнения, гибелью предмета обязательства, просрочкой, В.А. Ойгензихт приходит к выводу о необходимости гибкого подхода, учитывающего волю сторон и конкретные обстоятельства.

Автор завершает главу следующим выводом: «Если в невозможности исполнения альтернативного обязательства повинен должник, он должен быть лишен выгод, в том числе и права на оплату стоимости предмета. Если право выбора принадлежит кредитору, то, по всей видимости, следует допустить трансформацию альтернатив, предоставив право кредитору требовать оплаты стоимости предмета, который не может быть доставлен по вине должника. Возможна и такая ситуация: предмет погиб по вине должника, но остальные предметы (предмет) погибли случайно. При такой ситуации, если выбор за должником, считалось, что обязательство прекращается, требовать ничего от должника нельзя. Но ведь сам должник своим поведением ухудшил положение кредитора и фактически поставил его перед неисполнимостью обязательства, поэтому юриспруденция пошла по пути взыскания убытков, возмещения вреда. Если выбор у кредитора, то он, по всей видимости, вправе требовать уплаты стоимости предмета. Если произошло наоборот: сначала случай, а потом вина должника, то, если обязательство стало односторонним, наверное, кредитор вправе требовать взыскания убытков, в том числе, возможно, и стоимости предмета, на покупку которого кредитор может понести расходы. Если погибли все вещи по вине должника при выборе кредитора, то у последнего должно сохраняться право на выбор стоимости любого альтернативного предмета. Если невозможность исполнения произошла по вине кредитора в отношении одной из альтернатив, то обязательство действует в отношении оставшихся, если выбор принадлежит должнику. Он вправе будет уплатить стоимость, например, погибшей вещи. Кредитор должен будет возместить вред. Возможна доплата разницы, с учетом стоимости погибшей вещи. Если выбирает веритель (так назывался кредитор), то обязательство сосредотачивалось на оставшихся альтернативах, а должник вправе был рассчитывать на возмещение убытков. Если вначале невозможность исполнения произошла по вине кредитора, а затем остальные альтернативы стали неисполнимы из-за случая и если выбор на стороне должника, то обязательство прекращается, должник от своей обязанности освобождается, но вправе требовать стоимости вещи, погибшей первоначально или убытка по стоимости более ценной вещи. Если право выбора на стороне кре-

дителя, то погибшая по его вине вещь и составляет исполнение. Если кредитор повинен в невозможности исполнения в последующем, а ранее альтернативы отпали в силу случая, то требования у кредитора нет. Убытки могут быть взысканы должником, если в невозможности исполнения альтернатив повинен кредитор [с.50-51].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая позиция В.А. Ойгензихта по вопросу о правовых последствиях невозможности исполнения альтернативного обязательства является научно обоснованной, методологически целостной и сохраняющей высокую актуальность для современной цивилистики. Автору удалось создать стройную систему правил, учитывающую различные комбинации юридически значимых обстоятельств (вина сторон, момент наступления обстоятельств, принадлежность права выбора) и позволяющую предлагать адекватные и справедливые правовые последствия для каждой из ситуаций. Особую ценность представляет то, что В.А. Ойгензихт рассматривает эти вопросы не изолированно, а в контексте более общей концепции альтернативности в гражданском праве. Для него анализ последствий невозможности исполнения является продолжением и развитием основных идей о выборе, вариабельности, распределении рисков и ответственности. Такой подход позволяет рассматривать альтернативные обязательства не как исключение из общих правил, а как особую, но вполне укладывающуюся в систему гражданского права конструкцию. В современных условиях, когда обязательственное право продолжает развиваться в направлении расширения диспозитивных начал и признания за сторонами права самостоятельно определять последствия нарушения обязательств, теоретическое наследие В.А. Ойгензихта приобретает особое значение. Его детальные разработки могут служить методологической основой как для совершенствования законодательства об альтернативных обязательствах, так и для формирования договорных условий, учитывающих возможные риски и обеспечивающих баланс интересов сторон.

Глава шестая «Совместный выбор, компромисс, консенсус» [с.52-60] переносит акцент с формально-юридического анализа на социально-психологический и процессуальный аспекты. Автор рассматривает договор не просто как юридический факт, а как результат совместного волеизъявления, поиска компромисса. В условиях перехода к рынку, подчеркивает В.А. Ойгензихт, умение договариваться, находить взаимоприемлемые решения становится не просто желательным, а необходимым навыком для хозяйствующих субъектов. Он анализирует роль арбитража в этом процессе, критически оценивая возможность принудительного установления условий договора.

В итоге автор формулирует важнейшую: «Мы полагаем, что современное требование к обоюдному волеизъявлению сторон исключает возможность принудительного установления иного порядка нежели определенного в объективно-диспозитивной норме, при отсутствии обоюдного волеизъявления. Если нет соглашения, не выбрана альтернатива, должен императивно, действовать порядок, определенный в норме. Иногда сами нормы исходят из компромисса, Так, например, установление обязательности заключения договоров с учетом сложившихся хозяйственных связей, а не полной свободы их заключения— это компромисс против альтернативы диктата поставщика п, в еще большей степени это относится к введению лимитов потребления. Да, и установление в таком объеме госзаказов — это тоже компромисс. При утверждении рыночных отношений, как мы указали, должен быть иной подход» [с. 59–60].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая позиция В.А. Ойгензихта по вопросу о пределах принудительного установления договорных условий и компромиссном характере правового регулирования переходного периода является научно обоснованной, методологически последовательной и сохраняющей высокую актуальность для современной цивилистики. Автору удалось сформулировать четкие критерии разграничения допустимого и недопустимого вмешательства в договорные отношения, показать сущность диспозитивного регулирования как предложения, а не навязывания вариантов поведения, и обосновать временный, компромиссный характер тех ограничений договорной свободы, которые объективно необходимы в условиях переходной экономики. Особую ценность представляет диалектический подход автора, позволяющий видеть в компромиссных конструкциях не конечную цель правового развития, а необходимый этап на пути к более совершенной системе, основанной на принципах свободы договора, конкуренции и минимизации государственного вмешательства. При этом В.А. Ойгензихт не впадает в крайности, понимая, что полная и немедленная либерализация договорных отношений в условиях, когда рыночные механизмы еще не сформированы, может привести к не менее серьезным негативным последствиям, чем излишняя зарегулированность. В современных условиях, когда гражданское законодательство продолжает развиваться в направлении расширения договорной свободы, а правоприменительная практика сталкивается с необходимостью защиты слабой стороны договора и предотвращения злоупотреблений, теоретическое наследие В.А. Ойгензихта приобретает особое значение. Его идеи о соотношении диспозитивных норм и принудительного установления условий, о компромиссном характере ограничений договорной свободы, о необходимости учета реальных экономических условий при определении пределов государственного регулирования могут служить методологической основой для дальнейшего совершенствования законодательства и развития цивилистической доктрины.

Седьмая глава «Воля в договоре и ограничение выбора альтернатив» [с.60-66] посвящена фундаментальной проблеме соотношения государственной и индивидуальной воли в договоре. В.А. Ойгензихт вступает в полемику с теми теоретиками, которые сводят волевое содержание правоотношения исключительно к государственной воле, отрицая или принижая значение воли участников. Последовательно отстаивая позицию, согласно которой правоотношение есть результат взаимодействия государственной и индивидуальной воли, автор показывает, как в условиях административно-командной системы это взаимодействие было деформировано, а воля предприятий подавлялась.

Закljučая главу, автор отмечает: «В условиях рыночных отношений есть все основания для отказа от ограничения альтернативного выбора партнеров, а следовательно, — от свободного взаимного волеизъявления субъектов по заключению договоров, выбора их условий, выбора вариантов поведения. И не нужно будет ограничение в виде сложившихся связей, а в будущем и значительно сокращен госзаказ или утвердится его конкурсное принятие. Можно стимулировать желаемый вариант, но только стимулировать, хотя регуляция в начальный период неизбежна»[с. 65–66].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая позиция В.А. Ойгензихта о перспективах развития договорной свободы в условиях рыночной экономики является научно обоснованной, методологически целостной и подтвержденной последующим развитием законодательства. Автору удалось не только сформулировать принципиальные положения о необходимости отказа от ограничений альтернативного выбора, замены принуждения стимулированием и эво-

люции государственного заказа, но и предложить разумный, эволюционный подход к их реализации, учитывающий неизбежность переходного периода. Особую ценность представляет прогностический характер авторских выводов. В.А. Ойгензихт предвидел основные направления развития договорного права в постсоветских государствах: отказ от принудительного прикрепления, расширение свободы выбора контрагентов, сокращение сферы государственного заказа, внедрение конкурсных процедур, замена административных методов экономическими стимулами. Эта прогностическая точность свидетельствует о глубине научного анализа и понимании автором объективных закономерностей развития правовой системы. В современных условиях, когда гражданское законодательство продолжает развиваться, а правоприменительная практика сталкивается с новыми вызовами (цифровизация экономики, развитие платформенной занятости, новые формы корпоративных отношений), теоретическое наследие В.А. Ойгензихта сохраняет свое значение. Его идеи о связи альтернативности и свободы договора, о необходимости замены принуждения стимулированием, о разумном балансе между государственной регуляцией и частной инициативой могут служить методологической основой для дальнейшего совершенствования законодательства и развития цивилистической доктрины.

Восьмая глава «Разрешено все, что...» [с.66-82] посвящена анализу принципа «дозволено все, что не запрещено», который автор считает одним из важнейших достижений перестройки и неотъемлемым признаком правового государства. Он детально разбирает различные формулировки этого принципа, встречающиеся в законодательстве конца 1980-х – начала 1990-х годов, и обращает внимание на опасность подмены «закона» более широким понятием «законодательство», что может свести на нет освободительный потенциал данного принципа.

Итогом главы становится следующий вывод: «Дело в том, что незапрещенное поведение не должно затрагивать права и интересы других лиц. Разрешение для одного может столкнуться с разрешением для другого, а это привести может к анархии, произволу, тупику. Так, например, действия соседа по квартире, не имеющие прямого запрета, могут задевать интересы другого жильца, но, в свою очередь, последний может совершать незапрещенные действия, ущемляющие интересы его соседа. Ни к чему хорошему это привести не может. Конечно, обоюдная свобода должна привести к свободному договору, к свободным отношениям, но не к ущемлению прав партнера, к любому произвольному поведению, раз нет запрета. Не может действовать указанный принцип общего дозволения для органов управления, вышестоящих органов в отношении предприятий, иначе каждый будет считать, что ему все разрешено коль скоро нет противоречия законодательству, нет запрета. В этом случае право предприятия может быть сведено «на нет» и вновь восторжествует командно-административная система. Недопустимо распространять такой! принцип на властные отношения должностных лиц, в первую очередь с гражданами. Это приведет к произволу, поэтому права этих органов, как и права органов хозяйственного управления, подчиняются разрешительному регулированию, они определяются специальной компетенцией. Все сказанное следует учитывать при выборе альтернатив правомерного поведения. Но палитра альтернатив в современных условиях достаточно широка»[с. 82].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая позиция В.А. Ойгензихта о границах принципа «дозволено все, что не запрещено» и о субъектных ограничениях альтернативности является научно обоснованной, методологически целостной и сохраняющей высокую актуальность для современной цивилистики и общей теории права. Автору удалось не только сформулировать

принцип широкой альтернативности в сфере частного права, но и определить разумные пределы его действия, связанные с необходимостью защиты прав и интересов других лиц, а также с особым статусом властных субъектов. Особую ценность представляет авторское различие двух режимов правового регулирования: общедозволительного (для граждан и юридических лиц в сфере частного права) и разрешительного (для органов государственной власти и должностных лиц). Это различие, обоснованное В.А. Ойгензихтом, стало одним из краеугольных камней современного понимания правового государства и сохраняет свою актуальность в условиях любых политических и экономических систем, основанных на верховенстве права. В современных условиях, когда законодательство продолжает развиваться, а правоприменительная практика сталкивается с необходимостью защиты прав и интересов субъектов в условиях расширения свободы договора и предпринимательской инициативы, теоретическое наследие В.А. Ойгензихта приобретает особое значение. Его идеи о необходимости баланса между свободой и ответственностью, о субъектных ограничениях принципов правового регулирования, о недопустимости произвола даже при формальном отсутствии запретов могут служить методологической основой для дальнейшего совершенствования законодательства и развития цивилистической доктрины.

Девятая глава «Альтернативы правоотношений собственности» [с.82-96] представляет собой анализ кардинальных изменений в праве собственности, происходивших в тот период. Автор рассматривает многообразие форм собственности (государственная, коллективная, кооперативная, частная) как проявление альтернативности. Особое внимание уделяется аренде государственного имущества и возможности выкупа, что в то время было новаторским и во многом экспериментальным способом разгосударствления. В.А. Ойгензихт не ограничивается простой констатацией законодательных новелл, но пытается осмыслить их в контексте своей основной идеи: выбор формы собственности – это важнейшая альтернатива, открывающаяся перед трудовыми коллективами и гражданами.

В заключении автор подводит вывод: «Итак, собственность граждан, трудовых коллективов, юридических лиц альтернативна. Возможен выбор ее различных видов и подвидов, причем именно в этой альтернативности видится перспектива развития экономики, решения многих экономических и социальных проблем. Без такой альтернативности немыслим был бы переход к рынку»[с. 96].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая позиция В.А. Ойгензихта об альтернативности форм собственности как основе перехода к рыночной экономике является научно обоснованной, методологически целостной и полностью подтвержденной последующим развитием законодательства и экономики. Автору удалось не только обосновать необходимость многообразия форм собственности, но и показать, что подлинная альтернативность предполагает реальную возможность выбора для субъектов права, а само наличие такой альтернативы является необходимым условием экономического развития. Особую ценность представляет прогностический характер авторских выводов. В.А. Ойгензихт предвидел основные направления реформы отношений собственности в постсоветских государствах: легализацию частной собственности, развитие коллективных и кооперативных форм, создание акционерных обществ, приватизацию государственного сектора. При этом он не абсолютизировал какую-либо одну форму собственности, а исходил из необходимости их сочетания и возможности выбора, что соответствует лучшим мировым практикам и обеспечивает гибкость и устойчивость экономической системы. В современных условиях, когда перед постсоветскими государствами стоят новые вызовы (цифровая экономика, новые формы за-

нятости, необходимость привлечения инвестиций, развитие инновационных секторов), теоретическое наследие В.А. Ойгензихта сохраняет свое значение. Его идеи об альтернативности форм собственности, о необходимости выбора между различными правовыми конструкциями, о функциональной роли права в экономическом развитии могут служить методологической основой для дальнейшего совершенствования законодательства и развития цивилистической доктрины.

Десятая глава «Альтернативы обеспечения исполнения» [с.96-106] дает развернутую характеристику традиционных способов обеспечения исполнения обязательств (неустойка, залог, поручительство, задаток), а также обращается к таким специфическим средствам, как цена, кредит, меры поощрения. Автор убедительно показывает, что в условиях рыночной экономики арсенал обеспечительных средств должен быть расширен, а выбор между ними – предоставлен сторонам.

Завершая эту главу, автор подчеркивает: «Как видим, палитра способов обеспечения обязательств чрезвычайно разнообразна. Существует перспектива их расширения, что очень важно в условиях рыночной экономики. При этом нельзя не отметить, что в этих условиях новые обеспечительные меры должны включаться в максимально регулированные договорные отношения. Обеспеченность исполнения норм — это свойство права, а в совокупности обеспечительных средств проявляется тенденция его развития. Принципиально важным в использовании института обеспечения является утверждение свободы выбора средств обеспечения, сокращение ограничения круга установленных мер, нормативное и договорное расширение как альтернативы, так и совокупности применения обеспечительных средств» [с. 105–106].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая позиция В.А. Ойгензихта о свободе выбора способов обеспечения исполнения обязательств является научно обоснованной, методологически целостной и сохраняющей высокую актуальность для современной цивилистики. Автору удалось сформулировать принципиальные положения, определившие вектор развития института обеспечения в постсоветском гражданском праве: свобода выбора, расширение перечня обеспечительных мер, возможность их комбинирования, сочетание нормативного и договорного регулирования. Особую ценность представляет прогностический характер авторских выводов. В.А. Ойгензихт предвидел основные направления развития института обеспечения, которые впоследствии были реализованы в Гражданском кодексе Российской Федерации, Гражданском кодексе Республики Таджикистан и других постсоветских кодификациях. Принцип свободы выбора способов обеспечения, возможность использования непоименованных обеспечительных конструкций, широкое применение комбинированных обеспечительных мер – все это стало реальностью современного обязательственного права. В современных условиях, когда экономика становится все более сложной и динамичной, а потребности участников оборота в надежных обеспечительных механизмах возрастают, теоретическое наследие В.А. Ойгензихта приобретает особое значение. Его идеи о свободе выбора обеспечительных средств, о необходимости расширения их арсенала, о сочетании нормативного и договорного регулирования могут служить методологической основой для дальнейшего совершенствования законодательства и развития цивилистической доктрины.

Одиннадцатая глава «Альтернативы договора» [с.106-116] посвящена анализу альтернатив в договорных связях, прежде всего в договоре поставки. Автор подробно разбирает положения о поставках 1988 года, показывая, как расширяются возможности выбора партнера, формы доставки, срока договора и т.д. Он не иде-

ализирует новое законодательство, указывая на сохраняющиеся ограничения и противоречия, но в целом оценивает его как шаг вперед.

Автор приходит к важному выводу: «В подавляющем большинстве случаев свобода выбора договорной альтернативы одного субъекта ограничивается лишь такой же свободой другого субъекта. Но это важное и принципиальное ограничение, позволяющее утверждать о наличии консенсуальной свободы выбора, консенсуальной альтернативности, требующей обоюдного согласия, обоюдного волеизъявления. Конечно, свобода договорного выбора не должна игнорировать подлинные интересы, например, по формированию общесоюзного рынка, не учитывать необходимость стабилизации экономики, а значит сохранения сложившихся хозяйственных связей»[с. 116].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая позиция В.А. Ойгензихта о сущности консенсуальной свободы выбора и пределах договорной альтернативности является научно обоснованной, методологически целостной и сохраняющей высокую актуальность для современной цивилистики. Автору удалось сформулировать ключевые принципы договорного регулирования, которые остаются фундаментальными для любой правовой системы, основанной на началах свободы договора и рыночной экономики. Особую ценность представляет введенное автором понятие «консенсуальной альтернативности», которое подчеркивает, что подлинная договорная свобода возможна только как результат согласования воли, как взаимное, а не одностороннее волеизъявление. Это положение имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, поскольку оно ориентирует правоприменителя на поиск баланса интересов сторон, на достижение соглашения, а не на одностороннее навязывание условий. В современных условиях, когда договорное регулирование становится все более сложным и дифференцированным, теоретическое наследие В.А. Ойгензихта приобретает особое значение. Его идеи о консенсуальной природе договорной свободы, о необходимости учета публичных интересов при определении ее пределов, о балансе свободы одного субъекта и равной свободы другого могут служить методологической основой для дальнейшего совершенствования законодательства и развития цивилистической доктрины. Они помогают сохранить понимание договора как инструмента согласования интересов, а не как средства подавления воли слабой стороны, что особенно важно в условиях современного рыночного оборота, где сохраняются риски злоупотребления экономической властью.

Двенадцатая глава «Хозяйственные договоры и альтернативные условия» [с.117-126] продолжает анализ договорной практики, но с акцентом на содержание договорных условий. Автор выступает против излишней регламентации, за предоставление сторонам возможности самим определять ассортимент, сроки, порядок поставки и другие условия. Он предлагает ряд конкретных изменений в нормативные акты, регулирующие поставку, контрактацию, подряд на капитальное строительство, с тем чтобы расширить альтернативные возможности сторон.

Итогом главы становится следующий вывод: «Стороны могут избрать поставку продукции и товаров более высокого качества, чем определено в стандартах. И здесь есть альтернативный подход. В договоре могут устанавливаться гарантийные сроки, если они не установлены, они могут по согласованию сторон быть более длительными, чем в стандартах или технических условиях. К сожалению, на это, как и на установление односторонней приемки, изготовители не идут. А ведь это утверждение престижа предприятия, возможность увеличения цены, авторитет продукции. В условиях рыночной экономики выбор такой альтернативы будет, видимо, более реальным»[с. 123].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая позиция В.А. Ойгензихта об альтернативности в определении качества продукции и гарантийных сроков является научно обоснованной, методологически целостной и сохраняющей высокую актуальность для современного договорного права. Автору удалось не только обосновать возможность и целесообразность установления в договоре требований, превышающих стандартные, но и показать экономическую выгоду такого подхода для производителей, а также его значение для развития рыночных отношений в целом. Особую ценность представляет авторский акцент на том, что установление повышенных требований к качеству и удлиненных гарантийных сроков – это не просто юридическая возможность, а важный инструмент повышения конкурентоспособности, укрепления деловой репутации и роста авторитета предприятия. В.А. Ойгензихт, по сути, призывает производителей использовать договорную свободу не для минимизации своих обязательств, а для завоевания доверия потребителей и создания конкурентных преимуществ. В современных условиях, когда вопросы качества продукции и защиты прав потребителей приобретают все большее значение, теоретическое наследие В.А. Ойгензихта сохраняет свою актуальность. Его идеи о договорном установлении повышенных требований к качеству, о значении гарантийных сроков как инструмента доверия, о связи качества, цены и конкурентоспособности могут служить методологической основой для дальнейшего совершенствования законодательства и развития правоприменительной практики. Они также могут быть полезны для предпринимателей, стремящихся к построению устойчивого бизнеса, основанного на репутации и доверии потребителей.

Тринадцатая глава «Права, обязанности, альтернативы» [с.126-144] представляет собой своего рода каталог альтернативных норм, разбросанных по различным институтам гражданского права: купля-продажа, наем, подряд, поручение, комиссия, хранение, страхование, авторское и наследственное право. Автор демонстрирует поразительную эрудицию, скрупулезно выявляя в законодательных текстах те положения, которые предоставляют субъектам права выбор. Этот анализ имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, показывая правоприменителю скрытые резервы диспозитивности в, казалось бы, детально урегулированных отношениях.

Обобщая этот обширный материал, автор подчеркивает: «Рыночные отношения несомненно приведут к расширению страхования и, прежде всего, коммерческих рисков. Конкуренция страховых организаций приведет к альтернативности условий, льгот, в том числе расширения за счет взносов превентивных мероприятий и т. п. Но пока еще в большей степени можно говорить о перспективах таких альтернатив, чем об их реальности, хотя практика уже знает факты страховых альтернатив и конкуренции. Полагаем, что следует допустить такую альтернативу и в отношении страхования государственных предприятий, дать им возможность выбирать страховую организацию. Демократичней предоставить им право на добровольное страхование, отказавшись от его обязательности, как это сделано в отношении колхозов. Но вопрос этот дискуссионный»[с. 136].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая позиция В.А. Ойгензихта о развитии страхования и альтернативности в страховых отношениях является научно обоснованной, методологически целостной и сохраняющей высокую актуальность для современного страхового права. Автору удалось не только предвидеть основные тенденции развития страхового рынка в условиях рыночной экономики, но и сформулировать принципиальные положения о необходимости конкуренции страховщиков, альтернативности страховых условий,

свободе выбора страховой организации для всех субъектов гражданского оборота. Особую ценность представляет авторский подход, сочетающий признание необходимости развития страхового рынка с пониманием сложности и дискуссионности многих вопросов. В.А. Ойгензихт не предлагает упрощенных решений, а указывает на необходимость взвешенного подхода, учета как экономической целесообразности, так и требований защиты публичных интересов. Его идеи о разумном сочетании обязательного и добровольного страхования, о конкуренции как двигателе альтернативности, о праве выбора страховой организации для всех субъектов могут служить методологической основой для дальнейшего совершенствования страхового законодательства. В современных условиях, когда страховой рынок постсоветских государств прошел длительный путь развития, столкнувшись как с успехами, так и с кризисными явлениями, теоретическое наследие В.А. Ойгензихта приобретает особое значение. Его идеи о необходимости конкуренции, альтернативности, свободе выбора, но при этом о разумных пределах государственного регулирования, сохраняют свою актуальность для поиска оптимальной модели страхового рынка, способного эффективно защищать интересы как предпринимателей, так и граждан.

Четырнадцатая глава «Альтернативы ответственности» [с.144-160] посвящена одной из самых сложных и дискуссионных проблем цивилистики. В.А. Ойгензихт отталкивается от множественности теоретических подходов к пониманию гражданско-правовой ответственности и показывает, как эта теоретическая альтернативность влияет на практику. Он анализирует соотношение ответственности и реального исполнения, ответственности и мер защиты, ответственности и мер оперативного воздействия. Аргументированно доказывая, что реальное исполнение, меры защиты и оперативные санкции могут выступать в качестве альтернативы ответственности, автор расширяет представление о правовых средствах воздействия на нарушителя.

В заключение главы автор формулирует вывод, имеющий не только теоретическое, но и важное практическое значение: «Сегодня нужно отметить и то, что участники хозяйственных отношений не могут не учитывать наступления непредвиденных результатов, следствием которых возможно применение ответственности. В рыночных отношениях поведение альтернативно, но выбор должен быть взвешенным, продуманным, чтобы свести к минимуму «коммерческий риск». Коль скоро мы вновь коснулись рыночной экономики, нельзя не сказать о том, что в стимулировании исполнения обязательств наряду с ответственностью большую роль могут сыграть договорные льготы, меры поощрения. Стороны свободны при заключении договора альтернативно решить вопрос о применении в целях стимулирования исполнения ответственности или мер поощрения, или сочетания этих мер»[с. 160].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что теоретическая позиция В.А. Ойгензихта о соотношении ответственности и мер поощрения в стимулировании исполнения обязательств является научно обоснованной, методологически целостной и сохраняющей высокую актуальность для современной цивилистики. Автору удалось не только обосновать необходимость расширения арсенала средств воздействия на участников хозяйственных отношений, но и показать, что подлинная эффективность правового регулирования достигается не только через наказание нарушителей, но и через создание позитивных стимулов для добросовестного поведения. Особую ценность представляет авторский подход, органично сочетающий признание необходимости ответственности с обоснованием важности мер поощрения, свободы выбора с ответственностью за этот выбор, альтернатив-

ности с взвешенностью и продуманностью решений. В.А. Ойгензихт, по сути, предлагает модель правового регулирования, в которой государство не только устанавливает запреты и санкции, но и создает условия для добровольного, заинтересованного поведения участников оборота. Эта модель в полной мере соответствует современным представлениям о правовом государстве и рыночной экономике. В современных условиях, когда перед правовой системой стоят задачи не только обеспечения законности, но и стимулирования экономического развития, поддержки предпринимательской инициативы, создания благоприятного инвестиционного климата, теоретическое наследие В.А. Ойгензихта приобретает особое значение. Его идеи о необходимости сочетания ответственности и поощрения, о свободе сторон в выборе средств стимулирования, о взвешенности и продуманности выбора в условиях коммерческого риска могут служить методологической основой для дальнейшего совершенствования законодательства и развития правоприменительной практики.

Монография В.А. Ойгензихта «Альтернатива в гражданском праве» завершается развернутым заключением на таджикском языке, которое не является простым повторением ранее изложенных положений, а представляет собой синтез основных идей исследования и определение стратегических направлений развития гражданско-правового регулирования в условиях перехода к рыночной экономике. Автор подчеркивает, что переход к рыночным отношениям требует коренных преобразований в правовом регулировании, которые должны осуществляться по двум основным направлениям: во-первых, усиление защиты прав граждан и их имущественных интересов; во-вторых, обеспечение свободы договора, развитие конкуренции, недопущение монопольного диктата и повышение договорной дисциплины. Эти два направления, по мысли автора, не противоречат, а взаимно дополняют друг друга, образуя единую концепцию правового регулирования в условиях рыночной экономики.

В заключении подводятся итоги проведенному в четырнадцати главах исследованию. Автор последовательно обобщает основные выводы по каждой из глав: от этимологического анализа понятия «альтернатива» и обоснования выделения альтернативных норм, через исследование альтернативных обязательств и роли компромисса и консенсуса в договорных отношениях, до анализа альтернатив в праве собственности, способах обеспечения исполнения обязательств и мерах ответственности. Особое внимание уделяется принципу «разрешено все, что не запрещено законом» как фундаментальной основе правового государства и необходимости учета моральных и нравственных критериев при выборе альтернатив правомерного поведения.

Важное место в заключении занимает анализ альтернатив в праве собственности. Автор подчеркивает, что развитие многообразия форм собственности (государственной, коллективной, кооперативной, индивидуальной, фермерской, акционерной) и возможности выбора между ними являются необходимым условием перехода к рынку. Особо выделяется роль аренды как альтернативы праву полного хозяйственного ведения и возможности приватизации государственного имущества. Автор также обращает внимание на альтернативные возможности для граждан в сфере собственности, включая создание малых предприятий, индивидуальную трудовую деятельность и участие в коллективной собственности. В заключении подчеркивается, что альтернативность в договорных отношениях, в установлении условий хозяйственных договоров, в выборе способов обеспечения исполнения обязательств и форм ответственности является не просто теоретической конструкцией, а практической необходимостью, обусловленной требованиями

рыночной экономики. Автор обосновывает необходимость расширения диспозитивных начал, перехода от императивного регулирования к рекомендательному, замены принуждения стимулированием.

Особое значение придается роли компромисса и консенсуса в договорных отношениях. В.А. Ойгензихт подчеркивает, что в условиях рыночной экономики стороны должны научиться договариваться, находить взаимоприемлемые решения, уважать интересы друг друга. Принудительное установление условий договора должно быть сведено к минимуму, а роль суда и арбитража – сводиться к содействию в достижении соглашения, а не к навязыванию воли. Завершая работу, автор обращается к читателю с важным посылом: альтернатива прочно вошла в нашу жизнь, и очень важно при ее избрании не ошибиться. Автор сознательно избрал не примитивное изложение проблемы, а серьезный разговор, основанный на глубоком теоретическом анализе. Дискуссия, полемика, поиск истины – это необходимые условия движения вперед, развития правовой мысли и совершенствования законодательства. Заключение монографии не только подводит итог исследованию, но и задает вектор дальнейшего развития гражданско-правовой науки и законодательства. Основная идея заключения – альтернативность как принцип правового регулирования, обеспечивающий свободу выбора, учет интересов сторон, гибкость и эффективность правовых механизмов в условиях рыночной экономики, должна стать фундаментом для построения правового государства и цивилизованного рынка.

Таким образом, монография В.А. Ойгензихта «Альтернатива в гражданском праве» представляет собой фундаментальное научное исследование, в котором автору удалось решить сложную задачу: на основе единого методологического подхода, в качестве которого выступает категория альтернативности, дать развернутый анализ широкого круга институтов гражданского права – от общих положений о нормах права до конкретных договорных конструкций и мер ответственности. Работа отличается оригинальностью замысла, глубиной проработки материала, широтой использованных источников (от классических трудов по римскому праву до новейших для того времени законодательных актов) и смелостью выводов. Автор не ограничивается комментаторством, а последовательно отстаивает свою концепцию, вступая в полемику с оппонентами и предлагая конкретные пути совершенствования законодательства.

Особо следует отметить, что каждый раздел монографии завершается четко сформулированными выводами, которые не только подводят итог анализу, но и задают направление для дальнейших исследований. Эти выводы, как показано выше, охватывают широкий спектр проблем: от философского осмысления природы выбора до конкретных предложений по изменению нормативных актов. Несмотря на то, что нормативная база, на которой построено исследование, утратила силу, теоретическая значимость работы остается высокой. В.А. Ойгензихт убедительно показал, что альтернативность – это не частная особенность отдельных институтов, а фундаментальное свойство гражданско-правового регулирования, которое получает все большее значение по мере развития рыночной экономики и правового государства. Его работа вносит вклад в развитие учения о методе гражданского права, о диспозитивных нормах, о договоре, об ответственности.

Монография «Альтернатива в гражданском праве» может быть рекомендована научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов, а также всем, кто интересуется проблемами гражданского права и его развитием. Она является ценным вкладом в отечественную цивилистику и сохраняет свое значение как образец глубокого, проблемно-ориентированного исследова-

ния. Считаю, что монография В.А. Ойгензихта заслуживает высокой положительной оценки и остается востребованной в научном и образовательном процессе.

**V. ҚОИДАҲО БАРОИ МУАЛЛИФОН
V. ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ**

Порядок рецензирования статей, предоставляемых в научно-информационный журнал «Правовая жизнь»

1. В журнале «Правовая жизнь» печатаются статьи, являющиеся результатом научных исследований по юридическим наукам.

2. Статьи принимаются к печати по рекомендации одного из членов редколлегии в соответствии с настоящими правилами.

3. Объем статьи не должен превышать одного п. л. (до 16 страниц) компьютерного текста, включая в этом объеме рисунки, таблицы, графики, текст аннотации и ключевые слова. Объем аннотации – не более 0,5 страницы. Три рисунка считаются за одну страницу.

4. К статье прилагаются направление от организаций (для внешних авторов), рецензия соответствующего отдела, аннотации и ключевые слова (на таджикском, русском и английском языках) в двух экземплярах, с указанием названия статьи, инициалов и фамилии автора (авторов).

5. Статьи принимаются по одному экземпляру в текстовом и электронном вариантах. Статья должна быть напечатана на компьютере с одной стороны листа через 1,5 (полуторный) интервал. Слева от текста следует оставлять поля (4 см.). Страницы должны быть пронумерованы.

6. В конце статьи после текста и аннотации дается список использованной литературы, слева указываются название учреждения, представляющего статью, сведения об авторе (авторов), а также телефон и подпись.

7. При оформлении списка использованной литературы следует указать:

а) для книг – фамилию и инициалы автора (авторов), полное название, место издания, издательство, год издания, номер тома, страницу;

б) для журнальных статей и сборников – фамилию и инициалы автора (авторов), название статьи, название журнала или сборника, год издания, номер и страницу (для сборника). При повторной ссылке на литературу допустимы общепринятые сокращения.

8. К имеющимся в тексте таблицам необходимо отпечатать дубликаты и приложить к статье с указанием страницы, к которой таблица относится.

9. В случае возвращения статьи автору (авторам) для существенных исправлений или для ее окончательного редактирования автор должен внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом рукописи.

10. Редакция оставляет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописей.

11. Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

12. Статьи, не соответствующие настоящим правилам, не принимаются.

13. Статьи, поступающие в редакцию, проходят предварительную экспертизу (проводится членами редколлегии – специалистами по соответствующей отрасли науки) и принимаются в установленном порядке. Требования к оформлению оригинала статей приводятся в «Правилах для авторов», публикуемых в каждом номере журнала. Если рукопись принята, то редакция сообщает автору замечания по содержанию и оформлению статьи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование. За-

тем статьи рецензируются в обязательном порядке членами редколлегии журнала или экспертами соответствующей специальности (кандидатами и докторами наук).

14. Рецензия должна содержать обоснованное перечисление качеств статьи, в том числе научную новизну проблемы, ее актуальность, фактологическую и историческую ценность, точность цитирования, стиль изложения, использование современных источников, а также мотивированное перечисление ее недостатков. В заключение дается общая оценка статьи и рекомендации для редколлегии – опубликовать статью, опубликовать ее после доработки, направить на дополнительную рецензию специалисту по определенной тематике или отклонить. Объем рецензии – не менее одной страницы текста.

15. Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. Авторы должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом рукописи. После доработки статья повторно рецензируется, и редколлегия принимает решение о ее публикации.

16. Статья считается принятой к публикации при наличии положительной рецензии и в случае ее поддержки членами редколлегии. Порядок и очередность публикации статьи определяется в зависимости от даты поступления ее окончательного варианта. Рецензирование рукописи осуществляется конфиденциально. Разглашение конфиденциальных деталей рецензирования рукописи нарушает права автора. Рецензентам не разрешается снимать копии статей для своих нужд. Рецензенты, а также члены редколлегии не имеют права использовать в собственных интересах информацию, содержащуюся в рукописи, до ее опубликования.

17. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи; распространение экземпляров статьи любыми способами.

18. Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий с положительным заключением, замечаниями и необходимостью доработать статью или мотивированный отказ.

19. Рецензии хранятся в редакции журнала в течение 5-ти лет.

20. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

ҲАЁТИ ҲУҚУҚӢ
ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ
№ 2 (54)
2026

Главный редактор: Ш. К. Гаюрзода
Зам. главного редактора: Дж. З. Маджидзода
Отв. секретарь: А. М. Диноршоҳ

Сдано в набор 00. 00. 2026 г. Подписано в печать 00. 00. 2026 г.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Усл. п. л. 20,75.
Заказ № 11. Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии ТНУ
г. Душанбе, Буни Хисорак, здание 14.